

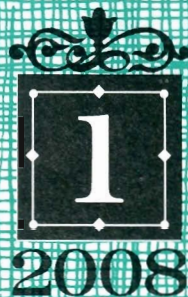
НПО «Издательство «Наука» РАН
Редакция журнала «Славяноведение»
119334, Москва, ул. Вильямса, 10
тел. 928-01-020
e-mail: jurslav@rambler.ru

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО · ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

2008

ЯНВАРЬ •

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ФЕВРАЛЬ •

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Содержание

СТАТЬИ

<i>Шимов Я.В.</i> (Прага). Последний австрийский император	3
<i>Туполев Б.М.</i> (Москва). Курт Рицлер о “Срединной Европе” в начале Первой мировой войны	23
<i>Морозов С.В.</i> (Санкт-Петербург). Польско-чехословацкие отношения и конвенция об определении агрессора 3–4 июля 1933 года	29
<i>Мельтюхов М.И.</i> (Москва). Один эпизод из истории взаимного передвижения германских и советских войск в период польского похода 1939 года	37
<i>Пилько Н.С.</i> (Москва). Политика нацистской Германии по отношению к немецкому национальному меньшинству в Словении в конце 1930-х – начале 1940-х годов	47

СООБЩЕНИЯ

<i>Стыкалин А.С.</i> (Москва). XX съезд КПСС и Восточная Европа. Размышления по итогам конференции	58
<i>Гачев Г.Д.</i> (Москва). Архив – это: что творило творца? (К изданию документов и материалов о жизни Васила Друмева)	74
<i>Билкова Я.</i> (Градец Кралове). Тавтологические идиомы в чешском языке	82

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Ариш Г.Л.</i> С. Papoulidis. <i>Analecta Balcano-Russica</i>	90
<i>Косик В.И.</i> В. Янчев. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност. Българският опит 1878–1912	93
<i>Бухарин Н.И.</i> <i>Polski Październik 1956 w Polityce światowej</i>	98
<i>Герчицова И.А.</i> <i>Matija Murko v myšlenkovém kontextu evropské slavistiky</i>	101
<i>Кузнецова И.В.</i> А. Ivčenko, S. Wölke. <i>Hornjoserbski frazeologiski słownik. Obersorbisches phraseologisches Wörterbuch</i>	103
<i>Иванова Е.Ю., Шанова З.К.</i> С. Влахов. Нов руско-български речник	111

Фофанова Е.А. Международная конференция “Будапешт 1956, до и после. История и память первого кризиса коммунизма”	116
Задорожнюк И.Е. Конференция “Средства массовой информации, церковь, капитал: между демократией и авторитаризмом” в Познаньском университете	120
Коровицына Н.В. Заседание Комиссии историков и архивистов РФ и ЧР	122

ЮБИЛЕИ

К юбилею Александра Владимировича Липатова.....	126
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2008 г. Я. В. ШИМОВ

ПОСЛЕДНИЙ АВСТРИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР

Падение любой монархии, как правило, связано с крупными переменами в жизни общества. Личность, находившаяся на вершине власти в тот момент, впоследствии неизбежно привлекает внимание каждого, кто, анализируя события прошлого, пытается понять, в чем были причины краха прежнего и появления нового социально-политического строя, насколько велика оказалась роль субъективного фактора в случившемся и существовали ли иные варианты развития событий. Ответить на все эти вопросы невозможно, не понимая логику поступков, способ мышления, а значит – характеры и личности людей, принимавших наиболее ответственные политические решения. Правитель, государь становится поэтому одним из главных объектов исторических исследований, посвященных краху великих империй и династий. Именно по этим причинам существует огромная историческая литература, посвященная, например, Людовику XVI или Николаю II.

Карлу Францу Иосифу Габсбургу (1887–1922), вошедшему в историю как Карл I (в качестве императора Австрийского) и Карл IV (в качестве короля Венгерского), в этом плане повезло меньше. Личность и судьба последнего монарха двуединой Австро-Венгрии долгое время не были объектом подробных исследований историков. Причин тому можно назвать несколько. Во-первых, правление Карла было совсем недолгим – лишь два года (с ноября 1916 по ноябрь 1918 г.). Во-вторых, он пришел к власти в разгар Первой мировой войны, к развязыванию которой не имел отношения и стремился прекратить ее и тем самым спасти монархию, однако добиться этой цели ему было не суждено – да в исторических условиях 1916–1918 гг. это, наверное, было уже невозможно. Таким образом, молодой император с самого начала царствования попал в ситуацию, когда все, включая печальную судьбу его государства, казалось, было решено до него и за него. А потому он сам мог восприниматься скорее как объект, нежели субъект исторического процесса. В-третьих, Карл умер молодым всего через три с небольшим года после того, как лишился трона. Все эти факторы сыграли свою роль в том, что Карл Австрийский, или “Карл Последний”, как нередко называли его после краха империи, “ушел в тень”, и место этой фигуры в исторической памяти европейцев долго оставалось весьма скромным.

Характеристики последнего габсбургского монарха, встречавшиеся в межвоенный период в исторической литературе и прессе стран-преемниц Австро-Венгрии, были достаточно тенденциозными (см., например [1]). Однако появлялись и издания, имеющие действительную историческую ценность – в частности, вышедшая в середине 1930-х работа Г. Вивиана о Карле I и его семье [2]. Только в послевоенные годы его личность и перипетии недолгого правления постепенно стали предметом достаточно объективного анализа (см., например, [3–4]). Большое значение имела публикация в 1987 г. сборника документов, связанных с жизнью и деятельностью Карла I, его дневниковых записей и заметок на политические темы [5].

В 1997 г. увидела свет, наверное, наиболее полная на сегодняшний день научная биография Карла, принадлежащая перу известного австрийского историка П. Броуэка [6]. Появились и другие интересные работы, благодаря которым последний император окончательно “вышел из тени” и занял подобающее ему место среди заметных исторических деятелей драматичной первой четверти XX в. (см., например, [7–10]). Следует также отметить роль Карла Австрийского как фигуры, чтимой римско-католической церковью. Причисление Карла к лику благословенных папой Римским Иоанном Павлом II в 2004 г. способствовало дополнительному росту интереса к личности последнего государя дунайской империи не только среди верующих-католиков, но и у широкой общественности во всей Европе и за ее пределами.

В историографии России и других стран бывшего СССР габсбургские монархи, к сожалению, до сих пор являются темой, разработанной не слишком подробно – хотя об Австро-Венгрии в целом существует ряд интересных публикаций. В своих статьях, посвященных истории дунайской монархии, Т.М. Исламов подробно проанализировал внешнюю и внутреннюю политику Австро-Венгрии в последние годы ее существования, не обойдя вниманием и личность ее последнего государя [11, 12]. О деятельности Карла, главным образом как главнокомандующего и неудачливого миротворца, упоминается в вышедших в России в последние годы многочисленных работах, посвященных Первой мировой войне (см., например, [13]).

Статья австрийского историка Г. Румплера о Карле I помещена в сборнике “Кайзеры”, русский перевод которого вышел в 1997 г. [14]. Фигуре последнего императора уделил внимание и автор этих строк в своей монографии, посвященной дунайской монархии [15]. Тем не менее, в целом “Карл Последний” по-прежнему относится к числу исторических персонажей, не слишком хорошо знакомых российским специалистам и любителям истории. Возможно, данная статья поможет в какой-то мере исправить эту ситуацию. Жизнь и деятельность Карла I/IV не только помогает лучше понять суть и последствия трагедии, пережитой Центральной Европой во время и после Первой мировой войны, но и напоминает нам о ряде непреходящих социальных и духовных ценностей – таких, как вера, семья, мир и ответственность правителя, будь он наследственный или выборный, перед Богом, своим народом и историей.

Будущий Карл I/IV (всего у него было семь имен, не так уж много для эрцгерцога – Карл Франц Иосиф Людвиг Губерт Георг Мария) родился 17 августа 1887 г. О том, что именно этот младенец станет следующим монархом Австро-Венгрии, тогда, однако, не догадывался никто. В январе 1889 г. тогдашний наследник престола кронпринц Рудольф, единственный сын императора Франца Иосифа, при загадочных обстоятельствах покончил с собой в замке

Майерлинг под Веной. В 1900 г. новый наследник трона, племянник императора Франц Фердинанд, женился по любви на чешской графине Софии Хотек, и неравный брак вынудил его официально отказаться от прав наследования для своих будущих детей. Наконец, в 1906 г. в 40-летнем возрасте от разложения гортани, вызванного, судя по всему, сифилисом, умер младший брат Франца Фердинанда и отец Карла Отто, легкомысленный, но обаятельный симпатяга, юбочник и пьяница, известный всей Вене как “красавчик Отто”. После этих событий именно Карл оказался олицетворением будущего династии, вторым по очередности наследником престола – до рокового дня 28 июня 1914 г., когда в Сараево пули Гаврилы Принципа оборвали жизнь Франца Фердинанда и его жены.

Матерью будущего императора была Мария Йозефа, принцесса из саксонской династии Веттинов, сестра последнего короля Саксонии (в составе Германской империи) Фридриха Августа III. Женщина набожная и скромная, она оказала большое влияние на Карла и его младшего брата Максимилиана (1895–1952), воспитывая их в духе скромности и преданности католической вере. Самой эрцгерцогине, впрочем, эти достоинства не принесли особого счастья: слишком уж несхожим был ее характер с бурной натурой “красавчика Отто”. Сложные отношения между родителями не могли не сказаться на чертах характера их детей. Известно, что в подростковом возрасте у Карла были определенные психологические проблемы, и чтобы избавиться от них, он даже проходил курс лечения у некоего доктора Гуггенберга на альпийском курорте Бриксен. Кроме того, от природы Карл не обладал крепким телосложением и был подвержен простудным заболеваниям (что в конце концов стало для него роковым).

Помимо полученного им достаточно неплохого домашнего образования, Карл в течение нескольких семестров посещал пользовавшуюся хорошей репутацией Шотландскую гимназию в Вене. Обучался он и первичным основам военных знаний – ведь в случае предполагаемого вступления на престол (а после 1900 г., как уже было сказано, эта перспектива становилась все более реальной, хоть и казалась отдаленной) Карлу предстояло быть главнокомандующим австро-венгерской армией.

В 1906 г. он переезжает в Прагу, где становится студентом местного университета. Возможно, в Вене рассчитывали, что присутствие в Праге второго по очередности наследника габсбургского трона поможет сблизить династию и ее все менее лояльных чешских подданных, а самому Карлу позволит лучше узнать обстановку и настроения в одной из самых важных провинций монархии. Карл не был обычным студентом: он не ходил на занятия, наоборот – профессора приезжали с лекциями к нему на квартиру. При этом строго соблюдался паритет между преподавателями из обеих частей разделенного по этническому принципу университета – чешской и немецкой. (Карл, кстати, неплохо владел чешским и венгерским языками, кроме того, свободно говорил по-французски, вполне сносно – по-английски, мог объясниться по-итальянски; всё это, естественно, в “дополнение” к родному немецкому).

Годы, проведенные в Праге и затем в небольшом чешском городке Брандысе-над-Лабем, куда Карл был отправлен для прохождения военной службы летом 1908 г., оказали, по мнению большинства биографов последнего императора, заметное влияние на формирование его характера и политических взглядов. Либерализм некоторых профессоров, с которыми Карл общал-

ся, передался ему, что в сочетании с врожденной мягкостью характера привело к тому, что он не был склонен ни к консерватизму старого императора, который лишь нехотя и под давлением обстоятельств приспосабливался к новым социальным и политическим веяниям, ни к авторитарному реформаторству Франца Фердинанда, который готов был добиваться реализации своих планов самыми жесткими методами. Пребывание в Чехии с ее беспокойной политической обстановкой и острыми национальными проблемами выработало у Карла достаточно реалистические представления о серьезных проблемах, стоящих перед монархией. В то же время общение с представителями разных народов империи – немцами, чехами, венграми и др. – помогло молодому эрцгерцогу понять, что у каждого из этих народов есть определенный набор требований, одновременное удовлетворение которых невозможно, поскольку многие из них противоречат друг другу. И именно здесь должна проявиться роль монархии как модератора и объединителя.

Судя по всему, эрцгерцог был толковым и старательным офицером. В городских газетах, часто сообщавших о разного рода местных мероприятиях, посещенных Карлом, сохранились и упоминания о тактичном подходе эрцгерцога к национальным чувствам чехов. “Эрцгерцог Карл Франц Иосиф разговаривает у нас только по-чешски, как офицер он обращается по-чешски к своим солдатам”, – чуть ли не с умилением писала одна из газет (см. [10. S. 45]).

Карл не был чужд увеселениям, свойственным молодым людям его возраста и его круга. Впрочем, сын “красавчика Отто” и близко не мог сравниться по этой части со своим отцом, к тому же печальная участь последнего была для Карла примером, заставляющим образумиться. Возможно, свою роль сыграла здесь и воспитанная в нем матерью набожность. Но, как бы то ни было, у императора, очевидно, возникли некоторые опасения за судьбу Карла, олицетворявшего теперь будущее династии. Франц Иосиф I принял решение: молодого эрцгерцога следует поскорее женить.

Выбор Карла пал на Зиту, принцессу де Бурбон-Парма. Она родилась 9 мая 1892 г. в семье Роберта, герцога Пармского, родом из младшей ветви французской королевской династии Бурбонов, и его второй супруги Марии Антонии де Браганца, происходившей из португальской королевской династии. Роберт еще ребенком, в 1859 г., лишился пармского престола в результате объединения Италии, и его семья жила в изгнании в Австрии, которое, впрочем, было условным – герцог и его многочисленное семейство могли свободно посещать Италию, что и делали каждое лето. Зита была с детства знакома с Карлом: они были дальними родственниками – что, впрочем, в европейских королевских домах обычное дело. Карл, у которого к Зите возникла симпатия, переросшая во влюбленность, старался бывать на тех светских мероприятиях, на которых появлялась пармская принцесса. Его встревожили слухи о том, что Зите сделал предложение испанский принц Хайме – правда, получил отказ.

Карл решил форсировать ситуацию и летом 1911 г. сделал Зите предложение, которое было принято. Она впоследствии вспоминала, что в тот момент чувствовала к Карлу скорее симпатию, чем любовь, которая пришла позднее и привела к появлению одной из наиболее гармоничных семейных пар среди европейских монархов. Женитьба на Зите стала одним из главных событий в жизни Карла: его супруга, во многих отношениях обладавшая более сильным характером, чем он сам, поддерживала его в трудных ситуациях и была, наверное, самым преданным и надежным из приближенных последнего императо-

ра. Она интересовалась политикой и государственными делами, и Карл, став императором, советовался с супругой – что, видимо, и привело к появлению сплетен о “государе, пляшущем под дудку жены-итальянки” (намек на пармское происхождение Зиты, хотя большинство членов ее семьи считало себя французами, сама же она после замужества всегда называла себя австрийкой).

20 ноября 1912 г. Зита произвела на свет сына, полное имя которого было Франц Иосиф Отто Роберт Мария Антон Карл Макс Генрих Сикстус Ксавье Рене Людвиг Каэтан Пий Игнатий. В историю он войдет под куда более скромно звучащим именем – Отто фон Габсбург, поскольку ему уже не довелось править дунайской монархией¹.

Отношения Карла и Зиты с дядей, наследником престола Францем Фердинандом, и его супругой были теплыми. Оба семейства часто навещали друг друга. Известно, что оба эрцгерцога беседовали о политике, о проблемах страны, хотя Карл, подчеркнуто лояльный старому императору, все же не входил в круг сотрудников Франца Фердинанда, готовивших широкомасштабные реформы, осуществить которые планировалось после восшествия эрцгерцога на престол.

Франц Фердинанд доверял Карлу и его супруге – в противном случае трудно объяснить, почему именно с ними он поделился странным и страшным предчувствием, посетившим его незадолго до роковой поездки в Сараево. Императрица Зита вспоминала об этом: «...Когда герцогиня София ушла, чтобы уложить в постели детей, наследник престола сказал: “Должен сообщить вам одну вещь... меня убьют!”. Эрцгерцог произнес это тихо, но четко и ясно... Мы оба с ужасом посмотрели на Франца Фердинанда...». После того, как Карл попытался возразить, «наследник строго заметил: “Не надо ничего говорить! Я совершенно четко это знаю. Через несколько месяцев я буду убит”. Несколько секунд было тихо, потом он добавил, обращаясь к Карлу, – тихим, спокойным тоном: “Я оставил для тебя в своем сейфе кое-какие бумаги... они предназначены только тебе, после моей смерти возьми их. Это планы, мысли, некоторые идеи... может быть, они будут тебе полезны”» [16. S.122–123].

Зита не могла не помнить и о другом загадочном событии: в 1911 г., незадолго до свадьбы, она с матерью побывала на аудиенции у папы Пия X, который, говоря о Зитином женихе, назвал его “следующим императором”. Когда Зита попыталась его поправить, напомнив о существовании старшего наследника, папа ясно сказал, что, по его мнению, именно Карл будет преемником Франца Иосифа (см. [17. S.46]).

Главная проблема заключалась не столько в том, что Карл был слишком молод для серьезной государственной роли, сколько в отсутствии у него реального политического опыта и надлежащей практической подготовки к роли второго, а в очень скором времени и первого лица в государстве. Франц Иосиф был достаточно ревнивым правителем, который весьма неохотно делился властью – и Францу Фердинанду лишь после многолетней упорной борьбы удалось отвоевать для себя заметные полномочия по крайней мере в одной сфере государственного управления – военной. Что же касается Карла, то он и вовсе оставался в стороне от ключевых политических решений. Весь-

¹ Всего же у императорской четы было 8 детей – пять сыновей и три дочери. Последняя, Елизавета, родилась через два месяца после смерти отца.

ма точно охарактеризовал положение наследника баварский посланник в Вене Г. фон Тухер, который писал своему королю Людвигу III: “Нынешний наследник трона до сих пор был малозаметен, и люди плохо знают его. Он представляется мне прилежным и сознающим свою новую ответственность, но мало подготовленным к важной миссии и не слишком одаренным. Необходимо окружить его подходящими людьми и постепенно посвятить в государственные дела” [18].

В дни июльского кризиса 1914 г. новый наследник трона не был допущен к принятию политических решений. В Вене сознательно шли на конфликт, не смотря на хрупкость внутреннего устройства самой Австро-Венгрии. Разрешение давней проблемы отношений с Сербией позволило бы габсбургской монархии сохранить статус великой державы и расширить свою сферу влияния на Балканах. После 1903 г., когда в результате государственного переворота Сербия сменила свою прежнюю проавстрийскую ориентацию на прорусскую, это стало для Австро-Венгрии вопросом жизни и смерти. Австрийские и венгерские политики и генералы полагали, что уступить сербам даже в мелочах означало бы потерю лица и в перспективе – возможный повод для панславистской революции в славянских провинциях монархии. Вероятно, именно поэтому Вена отвергла вполне умеренный ответ Белграда на предъявленный ему после убийства Франца Фердинанда ультиматум и выбрала силовой вариант разрешения кризиса.

В первых числах августа 1914 г. Австро-Венгрия и Германия уже находились в состоянии войны с Сербией и Россией, а несколько позднее – и с остальными державами Антанты и их союзниками. Случилось то, чего в Вене опасались сильнее всего. Как отмечал Т.М. Исламов, “крупнейший стратегический просчет Франца Иосифа и его советников состоял в том, что вся военно-политическая концепция строилась на убежденности, что в случае нападения на Сербию Россия не обязательно вмешается в конфликт, а если это и случится, то Англия ее не поддержит, ибо англичане боятся российской экспансии и будут приветствовать неудачу русских. В отличие от безответственного российского руководства Австро-Венгрия, несмотря на безусловную поддержку могущественного германского союзника, отчетливо сознавала грозную опасность для самого существования монархии вооруженного конфликта с северным соседом” [12. С. 16–17]. Неизвестно, насколько ясно понимал это молодой наследник трона, но можно предположить, что подобные мысли приходили ему в голову – под влиянием бесед с Францем Фердинандом, который был известен своим резко негативным отношением к возможности войны между Австро-Венгрией и Россией.

С первых дней войны эрцгерцог Карл выполнял то, что считал своим долгом как члена правящей династии и австро-венгерского офицера. Он неоднократно посещал фронты – вначале русский, в Галиции, а после мая 1915 г., когда в войну с блоком Центральных держав вступила Италия, и итальянский. Карл быстро продвигался вверх по ступеням воинской иерархии – к генеральскому, а весной 1916 г. и генерал-фельдмаршальскому званию. Однако продвижение это было сугубо формальным и не отражало реальных военных заслуг Карла. Более того, у Карла, который не хотел мириться со своей преимущественно церемониальной ролью в штабе действующей армии, возникли трения с начальником генштаба Ф. Конрадом фон Гетцендорфом, фактическим командующим австро-венгерскими войсками. По ряду свидетельств,

Карла раздражал чрезмерный авторитаризм и самоуверенность Конрада, сознательно отодвигавшего наследника на задний план. Г. Румплер – австрийский историк, достаточно критически оценивающий последнего габсбургского монарха, – не исключает, что “такое пренебрежительное отношение во многом способствовало развитию у Карла антипатии и недоверия ко всему и всем, кто в Австрии определял политику и военную стратегию. В свою очередь, такая его позиция или даже подозрение в таковой давали повод для попыток отстранить его от процессов принятия политических и военных решений” [14. С. 465].

Только в 1916 г. Карлу наконец были поручены серьезные военные задачи. Вначале он был направлен на тирольский участок Итальянского фронта, где стал командующим 20-м армейским корпусом, которому предстояло участвовать в наступлении в южном Тироле. Целью операции было вытеснение итальянских войск с горных перевалов и проникновение в равнинные области на севере Италии. В результате возникла бы угроза выхода австро-венгерских войск в тыл основным силам итальянцев, сосредоточенным у реки Изонцо (словенское название – Соча; ныне – на границе Словении и Италии). Карл ответственно подошел к возложенной на него задаче. В то же время приказ, изданный им 11 мая 1916 г., накануне начала наступления, говорит о весьма необычном гуманистическом подходе наследника к ведению боевых действий: “Лучше, когда атака длится дольше, нежели когда она проведена быстро, но за это заплачено тяжелыми потерями... Возлагаю на каждого командира обязанность приложить все усилия для того, чтобы раненым была оказана вся необходимая помощь... Отдавать приказ “Пленных не брать” – запрещаю. Для хорошего солдата позор – убийство безоружного неприятеля, который уже сдался. Такие случаи будут жестко караться... Категорически запрещаю кражи, грабежи и бесцельное уничтожение имущества” (цит. по [9. S. 95]).

Конрад фон Гетцендорф был крайне недоволен таким “миндальничаньем” со стороны эрцгерцога. В то же время он не мог не признать, что со своей задачей Карл справился: его войска успешно продвигались вперед, пока в июне 1916 г. наступление не было остановлено по причинам, не зависевшим от наследника. Дело в том, что одновременно резко осложнилась ситуация в Галиции, где началось крупное и успешное наступление русских войск под командованием генерала А. Брусилова. Выяснилось, что Конрад допустил серьезную ошибку, перебросив в мае в Тироль с Восточного фронта несколько дивизий, которых теперь там так не хватало. Только своевременная помощь Германии и несогласованность в действиях русского командования спасла летом 1916 г. габсбургскую монархию от полного разгрома.

Между тем в августе у Австро-Венгрии появился новый противник – Румыния, которая после долгих колебаний решила вступить в войну на стороне Антанты. Румынские войска начали наступление в Трансильвании. После непродолжительного и скорее формального участия в боевых действиях против русских войск в Галиции (в должности командующего армейской группой, названной его именем – “Эрцгерцог Карл”), наследник был переведен на Румынский фронт. Операция здесь оказалась чрезвычайно успешной: румыны были не только отброшены, но и полностью разгромлены, австро-венгерские и пришедшие им на помощь германские войска заняли к концу 1916 г. большую часть территории Румынии. Переоценивать роль эрцгерцога Карла в этих событиях, однако, вряд ли стоит: решающую роль в разгроме Румынии

сыграли действия германских войск под командованием генерала А. фон Макензена. Хотя победа над Румынией имела позитивное стратегическое и морально-психологическое значение для Австро-Венгрии, население которой все сильнее страдало от тягот затяжной войны, она показала, что и в военном, и в политическом плане дунайская монархия становится все более зависимой от Германии, и это положение сложно будет изменить даже в случае победоносного исхода войны, который, однако, становился все менее вероятным.

Эрцгерцог Карл не мог этого не понимать. Заключение мира становилось для него главной политической задачей – как только в его руках окажутся властные полномочия. Ждать этого оставалось совсем недолго. 11 ноября 1916 г. Карл, вернувшийся из инспекционной поездки на фронт в свой штаб в трансильванском городе Сегешвар (ныне Сигишоара в Румынии), получил телеграмму. В ней сообщалось о серьезной болезни престарелого императора. Карл немедленно выехал в Вену.

Последняя болезнь 86-летнего Франца Иосифа I была недолгой: 21 ноября император скончался. Смерть монарха, который 68 лет стоял во главе центральноевропейской империи, произвела гнетущее впечатление на австро-венгерское общество, и без того настроенное на третьем году тяжелейшей войны не слишком оптимистично. Казалось, что уходит эпоха, а может быть, и сама империя, которая многим представлялась невозможной без авторитета старого императора, за долгие годы своего царствования превратившегося в символ незыблемости государственного устройства и габсбургской традиции. Новый монарх Карл I вступал на престол в неблагоприятной психологической атмосфере.

В своем первом выступлении перед членами австрийского правительства Карл взял деловой тон: “Я рассчитываю на вас. Перед нами стоят большие задачи. Самой важной из них для каждого, кто чувствует ответственность за судьбу монархии, должно стать скорейшее достижение почетного мира. Другой, столь же важной задачей является обеспечение достаточного количества продовольствия для населения... Прежде всего должен быть сохранен порядок и спокойствие; я желаю, чтобы мое правление было справедливым, добродетельным, но энергичным...” (цит. по [19. S. 89]). Уже из этих суховатых фраз ясно, в насколько серьезном положении находилась Австро-Венгрия на исходе 1916 г. – и 29-летний император полностью сознавал это. У Карла не было иллюзий относительно явлений и событий. Но, как выяснилось, у него было слишком много иллюзий относительно окружающих его людей – по крайней мере некоторых.

В опалу быстро попал давний противник Карла – Ф. Конрад фон Гетцендорф, замененный на посту начальника генштаба генералом А. Арцем фон Штрауссенбергом. Еще до этого, 2 декабря 1916 г., Карл лично взял на себя обязанности верховного главнокомандующего. Произошли и другие изменения в руководстве страны. Наиболее близким советником императора стал начальник его канцелярии А. фон Польцер-Ходиц, на должность министра иностранных дел Австро-Венгрии был назначен граф О. Чернин, который поначалу разделял убежденность императора в необходимости скорейшего заключения мира. Наконец, Карл дал понять премьер-министрам обеих частей монархии – Э. фон Кёрберу в Австрии и графу И. Тисе в Венгрии, – что он намерен принимать куда более деятельное участие в делах государственного управления, нежели его престарелый предшественник.

Далеко не все считали действия монарха продуманными. Так, посол Германии в Вене граф Ф. Ведель писал в декабре 1916 г.: “Молодой император слишком примитивно представляет себе власть. Так дело дальше не пойдет и, несмотря на его популярность, появляются опасения относительно возможного слишком индивидуального правления” [20]. Желание сосредоточить в своих руках побольше власти было вызвано не авторитарными склонностями Карла I (их у него, в общем, не было), а отсутствием вокруг него достаточного числа единомышленников и доверенных лиц. Это, в свою очередь, было следствием отстраненности Карла в бытность его наследником от большой политики. В результате даже в самом важном вопросе – о заключении мира – Карл решил опереться не на профессиональных дипломатов, а на собственную семью. Точнее, на семью своей супруги.

Начало мировой войны раскололо многочисленное семейство де Бурбон-Парма, к которому принадлежала императрица Зита. Этим принцам, полиглотам и космополитам, чувствовавшим себя в равной мере дома во Франции, Австрии и Италии, было нелегко встать на ту или иную сторону в разгоревшемся конфликте. Одни члены семьи остались в габсбургской монархии, другие – братья Зиты, принцы Сикстус и Ксавье – сделали выбор в пользу родины предков, Франции. Однако во Франции существовал закон, запрещавший членам свергнутых монархических династий служить в армии Французской республики. Тогда Сикстус и Ксавье, используя родственные связи с бельгийским королевским домом, получили разрешение вступить в качестве офицеров в армию этой страны. Именно братьев Зиты, находившихся по другую сторону линии фронта, решил использовать Карл для налаживания контактов с западными державами – дабы прозондировать возможность заключения мира².

В январе 1917 г. через посольство Австро-Венгрии в Швейцарии были установлены контакты с обоими бурбонскими принцами. В марте братья императрицы тайно прибыли в Вену, где встретились с Карлом и Зитой. Там им было вручено первое письмо императора, формально адресованное Сикстусу, но предназначавшееся для передачи руководителям Франции. В послании, написанном по-французски, в частности, содержалась фраза о готовности императора Карла “использовать все личное влияние на моих союзников, дабы выполнить справедливые французские требования относительно Эльзаса и Лотарингии” [22. S. 413]. В письме также отмечалось, что император согласен, чтобы условия будущего мира включали в себя восстановление независимости Бельгии и Сербии – при обязательстве последней поддерживать добрососедские отношения с габсбургской монархией.

Наиболее скандальной в послании Карла была, несомненно, фраза об Эльзасе и Лотарингии. Получалось, что ближайший союзник Германии считает справедливым требование врага этого государства – Франции, одной из главных военных целей которой являлся возврат указанных территорий, утраченных в 1871 г.! Несомненно, Карл действовал неосмотрительно: утечка информации о содержании письма могла бы иметь необратимые последствия для отношений между Австро-Венгрией и Германией. Более того, Карл не

² О попытке Австро-Венгрии заключить мир, получившей название “афера Сикстуса” существует обширная историческая литература (см. например, [4; 21–23]).

заручился однозначной поддержкой своего министра иностранных дел О. Чернина, который считал, что любая договоренность с противником должна быть достигнута только с ведома и при участии Германии. Об этом говорилось, в частности, в специальном меморандуме, составленном Чернином для императора. Документ этот министр, однако, не скрепил своей подписью – а значит, с формальной точки зрения оставался не причастным к рискованным дипломатическим контактам Карла.

Между тем первая реакция западных держав на переданное им Сикстусом письмо была обнадеживающей. В отличие от Германии, ни Австро-Венгрия, ни ее молодой император не вызывали в Париже и Лондоне ненависти и неприятия. Премьеры Франции и Великобритании А. Бриан и Д. Ллойд Джордж с большим вниманием отнеслись к мирной инициативе Карла I. Однако вскоре ситуация изменилась. Во Франции на смену правительству Бриана пришел кабинет во главе с А. Рибо, настроенным в пользу “войны до победного конца”. Кроме того, обе западные державы имели ряд обязательств перед Италией, которой в 1915 г. на тайных переговорах в Лондоне был обещан ряд принадлежавших Австро-Венгрии территорий – в качестве награды за вступление в войну на стороне Антанты. Итальянское правительство категорически отказалось рассматривать какие-либо мирные предложения Австро-Венгрии, не учитывавшие условий Лондонского договора. Карл попытался спасти положение, передав 9 мая через Сикстуса второе письмо, в котором намекал на возможность уступки итальянцам южного Тироля – но Рим остался непреклонен³. Несколько новых поездок Сикстуса в Париж и Лондон успеха не имели, и 25 июня 1917 г. старший из бурбонских принцев уведомил Карла и Зиту о том, что прекращает свою деятельность в качестве посредника.

К тому времени стало ясно, что Карлу I не удастся убедить своего союзника Вильгельма II и его генералов в необходимости заключить мир. Переговоры, которые в начале апреля 1917 г. Карл провел в Германии, показали, что немцы не теряют уверенности в конечной победе. Даже вступление в войну США не избавило германское руководство от необоснованного оптимизма. Переговоры в немецком Бад-Хомбурге закончились безрезультатно. Австро-Венгрия продолжала катиться в роли прицепного вагона за немецким локомотивом, на всех парах летевшим к пропасти.

Западные державы почти год хранили тактичное молчание о своих контактах с Карлом I. Однако 2 апреля 1918 г. О. Чернин, выступая перед членами венского магистрата, неожиданно заявил: “Господин Клемансо⁴... обратился ко мне с вопросом, не согласны ли мы на [мирные] переговоры и если да, то на какой основе. По согласованию с Берлином я немедленно ответил, что согласен и не вижу со стороны Франции иных препятствий, кроме требования о [возвращении] Эльзаса–Лотарингии. Из Парижа я получил ответ, что на таких условиях о переговорах речи быть не может” [21. S. 59]. Чернин имел в виду контакты австрийских и французских представителей, которые имели место в Швейцарии во второй половине 1917 г., уже по окончании миссии Сикстуса. Министр допустил невероятный для дипломата промах: без каких-либо

³ К слову, в конечном итоге Италия после войны получила значительно меньше, чем предусматривали условия лондонской сделки.

⁴ Жорж Клемансо (1841–1929) с ноября 1917 г. возглавлял правительство Франции.

причин предал огласке информацию о тайных переговорах, к тому же исказив ее (французский представитель на этих переговорах граф Арман не имел поручений непосредственно от Ж. Клемансо). Все это позволило французскому премьеру через прессу обвинить О. Чернина во лжи и обнародовать копию первого из двух писем, отправленных Карлом I западным лидерам через Сикстуса.

Разгорелся колоссальный скандал. Чернин утверждал, что ничего не знал о письмах Карла, затем, потеряв голову, начал угрожать самоубийством... Императору ничего не оставалось, кроме как отправить в отставку незадачливо-го министра (который, кстати, и раньше отличался экстравагантным поведением и нервными срывами). Затем Карл неубедительно отмежевался от собственных писем, назвав их фальшивками, и отослал Вильгельму II, разъяренному предательством союзника, пафосную телеграмму: “В момент, когда австро-венгерская артиллерия гремит на Западном фронте вместе с немецкой, думаю, не нужно никаких лишних доказательств того, что я сражаюсь и намерен и далее сражаться за твои провинции (имелись в виду Эльзас и Лотарингия – *Я.Ш.*) с той же решимостью, с какой защищаю собственную страну” [4. S. 177]. Вряд ли эти заверения звучали убедительно для германского кайзера и его генералов. В глазах же правительств Антанты Карл как потенциальный партнер для мирных переговоров скомпрометировал себя. Не будет преувеличением утверждать: афера сыграла если не решающую, то весьма значительную роль в том, что в западных столицах стало преобладать мнение о необходимости ликвидации дунайской монархии, а политические акции чехословацких и югославянских эмигрантских кругов, добивавшихся именно такого исхода, заметно выросли.

“Персональная дипломатия” Карла I оказалась фатальной ошибкой. Конечно, не будь безответственного поведения графа Чернина, подробности миссии пармских принцев, возможно, стали бы достоянием гласности лишь после войны. Однако, пускаясь в эту авантюру, молодой император изначально рисковал слишком многим. Тексты писем, особенно первого, содержали обещания, которые Карл поспешил дать, еще не получив представления о планах и настроениях западных партнеров. Закулисный характер переговоров и участие в них родственников императрицы крайне отрицательно повлияли на общественное мнение в самой Австро-Венгрии. Зита с ее франко-итальянским происхождением стала восприниматься ура-патриотической частью общественности, особенно австрийскими немцами, как агент влияния Антанты в императорском дворце. Искреннее стремление австрийского императора к миру в сочетании с неудачными средствами, избранными им для достижения этой благородной цели, привели Карла к тяжелейшему политическому поражению.

Увы, и внутри страны император следовал тем же путем. 30 декабря 1916 г. в Будапеште состоялась коронация Карла в качестве венгерского короля. Тем самым молодой император с легкостью необыкновенной перечеркнул планы покойного дяди: Франц Фердинанд намеревался после вступления на трон реорганизовать империю, отбросив принцип дуализма, невзирая на возможное сопротивление венгерской политической элиты. Коронация перечеркивала эти планы, поскольку новый король обязан был присягнуть на верность конституции Венгрии, которая предусматривала нерушимость границ “земель короны св. Стефана” и верность “традиционным свободам венгерского народа”.

Это означало, во-первых, что национальные меньшинства Венгерского королевства, в совокупности составлявшие к тому времени более половины (!) всего населения страны (см., например, [24]), могли распрощаться с надеждой на изменение своего статуса и прекращение многолетней политики мадьяризации. Во-вторых, это осложняло демократизацию ультраконсервативной политической системы Венгрии, где власть была до сих пор сосредоточена в руках высшей аристократии.

С точки зрения политики как “искусства возможного” речь шла о серьезном поражении Карла, причем поражении, которое он потерпел практически без боя, уступив давлению авторитарного венгерского премьер-министра И. Тисы. Много лет спустя императрица Зита так проанализировала ситуацию: “Император знал, что делает, он понимал, каковы будут последствия [этого шага] для вынашиваемых им планов реформ. Но правовые аргументы были неопровержимы, и нужно было поторопиться. Он согласился, потому что стремился как можно скорее закончить войну. Тиса и его окостеневшие представления об устройстве Венгрии, конечно, означали крушение всех планов императора. Межнациональная напряженность была главной проблемой монархии. Но император полагал, что решение этих вопросов можно отложить до наступления мира. Во время войны Венгрия оставалась опорой дуалистической монархии. А Тиса был железным человеком, на котором держалась Венгрия” (цит. по [17. S. 102–103]). Решая венгерскую проблему, Карл впервые столкнулся с безвыходной ситуацией, которая была характерна для его правления в целом: не делать ничего, оставить все как есть было опасно, но начинать широкомасштабные реформы в условиях войны, экономического истощения и нарастающих национальных проблем – еще опаснее.

Если в вопросе о Венгрии император решил не форсировать ситуацию, то при решении других проблем внутренней политики он предпочел сделать ряд достаточно рискованных шагов. В мае 1917 г. было объявлено о созыве рейхсрата – парламента западной части монархии, не собиравшегося с 1912 г., когда он был распущен из-за столкновений между представителями национальных депутатских клубов, фактически парализовавших работу законодательного органа. С тех пор император и кабинет министров управляли западной частью монархии посредством указов и постановлений (между тем в Венгрии парламент, избранный на основе сильно ограниченного избирательного права, функционировал). Созыв рейхсрата, по мысли Карла I, должен был продемонстрировать добрую волю монарха, его стремление придерживаться закона и дать возможность представителям разных народов свободно обсудить свои проблемы. Однако радикально настроенные депутаты, в первую очередь из числа чехов и южных славян, народов, чувствовавших себя ущемленными, а свои национальные интересы – поставленными под угрозу усилившимся в годы войны пронемецким курсом властей, истолковали этот шаг как проявление слабости, дающее им возможность перейти в контрнаступление.

Еще в декабре 1916 г. приветственные адреса, направленные Карлу I по случаю его восшествия на престол чешскими, югославянскими и галицийскими (польскими и украинскими) политиками, были выдержаны в весьма верно-подданническом духе, хоть в них и выражались робкие надежды на либерализацию. Но уже полгода спустя, когда либерализация действительно началась и был созван рейхсрат, тон выступлений многих славянских депутатов заметно изменился. Так, один из лидеров чешского парламентского клуба А. Странски

в своем выступлении заявил о солидарности с находившимися в заключении чешским политиком К. Крамаржем и другими приговоренными к смертной казни по обвинению в государственной измене – за поддержание контактов с проантантовскими эмигрантскими кругами. Конец выступления Странского был выдержан в примирительном, но все же однозначно националистическом духе: “Молодой император не виновен в войне, он лишь унаследовал ее и не повинен в ее ужасах. Мы счастливы черпать здесь надежду на то, что в великий исторический момент, *когда свободная воля народов определит форму государственного устройства* (здесь и далее курсив мой – Я.Ш.), молодой монарх, верный своему чистому, незапятнанному прошлому, *не встанет на пути осуществления воли нашего народа...*, но поставит себя на службу этой воле и этой свободе...” [25].

Атмосфера на заседаниях рейхсрата накалялась. Претензии чехов и югославян, требовавших отмены военно-полевых судов, изменения национальной политики и в перспективе – федерализации империи, наталкивались на яростное противодействие австрийских немцев. Последние, однако, выступали не как лоялисты, а скорее как проводники шовинистического великогерманского курса и сторонники окончательной привязки габсбургской монархии к Германии, вплоть до присоединения к ней населенных немцами австрийских территорий. А этого Карл и его советники опасались ничуть не меньше, чем сепаратизма славян. Дебаты в рейхсрате, о которых активно писала пресса, заметно изменили атмосферу в стране. С одной стороны, общество получило дополнительный заряд радикализма, с другой – монарху не удалось добиться главной политической цели, к которой он стремился, созывая рейхсрат: создать в Австрии правительство, которое опиралось бы на парламентское большинство и таким образом обладало бы демократической легитимностью. Новый кабинет Э. Зайдлера был назначен Карлом без поддержки депутатов.

Нельзя не отметить также, что между политикой Карла в Венгрии и попытками либерализации в Австрии имелось явное противоречие. В первом случае император-король избрал умеренно консервативный курс, отложив необходимые радикальные реформы до заключения мира, во втором – попытался приступить к преобразованиям, не дожидаясь решения того же самого вопроса о мире. Дальнейшим шагом на этом пути явилась объявленная в июле 1917 г. амнистия осужденным за политические преступления. На свободу вышли более двух с половиной тысяч человек, в том числе К. Крамарж и другие радикальные чешские деятели. Однако и эта мера не способствовала умиротворению страстей. По мнению Г. Румплера, благодаря амнистии “удалось добиться того, что национальные государственные декларации ограничили требованием автономии под эгидой Габсбургов, а требования националистов-эмигрантов... о разрушении монархии пока еще не нашли отклика в странах Антанты” [14. С. 473]. Не Бог весть какой результат, если учесть, что в момент вступления Карла I на престол власти, пусть и военно-полицейскими методами, все же полностью контролировали ситуацию в стране.

Вопрос о бытии или небытии австро-венгерской монархии теперь напрямую зависел от исхода войны. 1917 год принес Центральным державам как огорчения, так и надежды. С одной стороны, Западный фронт безнадежно увяз в позиционной войне, перевес в которой после вступления в войну США однозначно склонялся на сторону Антанты. На Балканах на сторону западных держав встала Греция, где высадились французские, британские и сербские

войска, образовался Салоникский фронт. С другой стороны, осенью австро-германские войска отбросили итальянскую армию, прорвав ее фронт при Капоретто – поражение, от фатальных последствий которого Италию спасла только военная помощь западных союзников. Еще раньше, в июне–июле, провалилась организованная Временным правительством попытка наступления русской армии на Восточном фронте. Последовавшая вскоре большевистская революция привела к подписанию в марте 1918 г. Брестского мира, который стал выдающимся успехом Центрального блока. В Австро-Венгрии, все сильнее страдавшей от нехватки продовольствия, особенно большие надежды возлагались на “хлебный мир” с обретшей формальную независимость (de facto оккупированной германскими и австро-венгерскими войсками) Украиной, откуда предполагались крупные поставки зерна. Надеждам этим, однако, не суждено было сбыться – как и многим иным.

Летом захлебнулось австро-венгерское наступление на реке Пьява, с помощью которого в Вене рассчитывали добиться решающего перевеса на Итальянском фронте. В конце июля Карл снова сменил премьера западной части монархии: новым главой кабинета стал профессор-юрист М. фон Хуссарек. Но рокировки на высших правительственных должностях уже не могли ничего изменить, особенно после того, как правительства стран Антанты признали права эмигрантского Чехословацкого национального комитета во главе с Т.Г. Масариком и Э. Бенешем в качестве фактического союзного правительства, чьи силы (чехословацкие легионы на Западном фронте, в Италии и России) воевали на стороне западных держав против Германии и Австро-Венгрии.

Важным событием, показавшим, что радикальные национальные движения народов Австро-Венгрии приобретают все больший вес в глазах Антанты, стал “съезд угнетенных народов”, состоявшийся в Риме в апреле 1918 г. Место его проведения было выбрано не случайно: из всех западных союзников Италия занимала наиболее последовательную антигабсбургскую позицию. Съезд принял заявление, в котором, в частности, говорилось: “Каждый из [угнетенных] народов считает австро-венгерскую монархию орудием германского господства и главным препятствием на пути к осуществлению своих чаяний и устремлений” (цит. по [26. S. 109]). Одновременно с активизацией антигабсбургских эмигрантских кругов происходило угасание активизма – лояльного трону течения в славянской, но также и австро-немецкой политической среде. Когда пару месяцев спустя, 12 октября 1918 г., Карл принял делегацию Чешского союза (объединения чешских политиков), он, по воспоминаниям одного из присутствовавших на аудиенции – Ф. Станека – заявил: “Вы получите самостоятельность (очевидно, имелась в виду максимально широкая автономия – *Я.Ш.*) Чехии, Моравии и Силезии – при условии, что выскажетесь в пользу моей династии и [единства] империи” (см. [10. S. 184]). Еще полтора года назад такое предложение было бы встречено чехами с ликованием, но теперь оно не вызвало никакого воодушевления: эмигранты и поддерживавшая их Антанта сулили гораздо больше. Такой же неудачей окончились и переговоры императора с югославянской фракцией рейхсрата.

В начале августа 1918 г. немцы потерпели решающее поражение на Западе. Начальник германского генштаба Э. фон Людендорф, еще недавно самоуверенно провозглашавший, что шансы Центрального блока на победу велики, признал, что война не может быть выиграна и необходимо искать пути к

перемирию. А после того, как в конце сентября вышла из войны Болгария, и армии Антанты, почти не встречая сопротивления, покатались с Балкан к южным границам Австро-Венгрии, стало ясно, что дни дунайской монархии сочтены. Последней безнадежной попыткой спасти империю стал манифест, изданный Карлом I 16 октября. Его название в тогдашних условиях звучало иронически – “Моим верным австрийским народам”. В нем провозглашалось, что “Австрия должна стать, в соответствии с желаниями ее народов, государством федеративным, в котором каждая народность образует свое собственное государство на территории, которую населяет... Этот новый порядок, который никоим образом не нарушает целостность земель святой короны Венгерской, должен принести каждому национальному государству самостоятельность; в то же время он будет охранять их общие интересы... К народам, на самоопределении которых будет основана новая империя, обращаюсь Я – дабы участвовали в сем великом деле посредством национальных советов, которые, будучи составлены из депутатов [рейхсрата] от каждого народа, должны представлять интересы оных народов в их отношениях между собой и с Моим правительством. Да выйдет наше Отечество... из военных бурь как союз свободных народов” [27. 17 X].

Время для подобных шагов, однако, было упущено. Карл уже не мог удержаться на ускользавшем от него троне, зато помог своим манифестом избежать возможного кровопролития. “Слово императора... легитимизировало национальные советы и тем самым дало возможность многим чиновникам и офицерам, воспитанным в духе верности монархии, без внутренней борьбы начать служить национальным советам, в руки которых переходила власть”, – отмечает чешский историк Э. Ирманова [28. S. 445–446]. Национал-радикалы же не нуждались в благословении последнего Габсбурга: Антанта несла им на штыках государственный суверенитет. Не подлежит сомнению, что наиболее слабым местом манифеста 16 октября было то, что его действие не распространялось на Венгрию, поскольку Карл, верный данной им королевской присяге, не мог пойти на федерализацию унитарного Венгерского королевства.

Во второй половине октября 1918 г. распад Австро-Венгрии приобрел стихийный, неконтролируемый характер. Как и предусматривал манифест Карла I, власть в отдельных провинциях империи переходила к национальным советам, но о каком-либо подчинении Вене или консультациях с ней они уже не хотели слышать. 21 октября 210 депутатов рейхсрата из числа австрийских немцев, собравшись в Вене, заявили о намерении создать на населенных немцами землях габсбургской империи государство Немецкая Австрия; вопрос о форме государственного устройства и отношениях с Германией был пока оставлен открытым. 28 октября в Праге было объявлено о создании Чехословацкой республики (что означало прямой конфликт с Венгрией, так как словацкие земли были ее частью). Днем позже в Загребе Народное вече объявило о создании Государства словенцев, хорватов и сербов⁵. 31 октября грянула революция в Венгрии, к власти пришло левое правительство во главе с “красным графом” М. Каройи, надеявшееся (как оказалось, напрасно) договориться с Антантой о сохранении исторических границ венгерского государства. В ходе

⁵ Имелись в виду сербы, проживавшие на территориях, входивших в состав австро-венгерской монархии.

беспорядков солдатами-мародерами был убит бывший венгерский премьер, “железный” И. Тиса. 1 ноября во Львове, занятом украинскими повстанческими частями, была провозглашена Западноукраинская народная республика (ЗУНР), предъявившая претензии на восточную часть Галиции, Буковину и Закарпатье. Несколькими днями позже в Варшаву из немецкого заключения вернулся вождь польского национального движения Ю. Пилсудский, провозглашенный 10 ноября главой независимой Польши, в состав которой из земель, принадлежавших Габсбургам, вошли Краков и Галиция.

Все это время в Вене формально существовало императорское правительство (последним его главой стал профессор Г. Ламмаш), а во дворце Шенбрунн оставался глава уже фактически не существующего государства. От имени этого государства 3 ноября было заключено перемирие с Антантой. Между тем новые национальные правительства отзывали “свои” подразделения императорской и королевской армии с фронта, в результате чего в прифронтовых областях возник хаос. Тем не менее часть воинских соединений Итальянского фронта еще в первой половине ноября сохранила лояльность и управляемость, и их командующий фельдмаршал С. Бороевич по телеграфу обратился к императору с предложением перебросить эти войска в Вену для восстановления там порядка. Карл I, резонно опасавшийся, что такой шаг мог бы привести к началу в Австрии гражданской войны, отказался. Это было важное решение, весьма характерное для Карла: добиваясь мира с внешними противниками, он ни в коем случае не хотел войны и с противниками внутренними. Власть не представляла для него абсолютной ценности, во имя которой стоило проливать кровь. Будучи глубоко верующим человеком, Карл не собирался отказываться от исполнения монаршего долга, который, согласно его мировоззрению, был возложен на него Богом, однако не считал насилие по отношению к подданным составной частью этого долга. Монархия имела смысл лишь до тех пор, пока народы желали ее сохранения. Карл I верил, что наступившая смута – лишь временное явление, и, переболев национализмом, “его” народы поймут преимущества совместного существования под скипетром древней династии.

Фактически низложенный, но формально не отрекшийся монарх был для новых властей серьезной политической проблемой. 10 ноября после переговоров Ламмаша с властями Немецкой Австрии стало ясно, что на предстоящем голосовании по вопросу о будущем государственном устройстве большинство депутатов выскажется в пользу республики. Социал-демократы и часть националистов потребовали отречения Карла I. На следующий день Г. Ламмаш и министр внутренних дел Ф. Гайер приехали в Шенбрунн. Прочитав проект манифеста, предложенного ему министрами, император воскликнул: “Но это же отречение!” Ламмаш, Гайер и секретарь императора К. Веркман убеждали его в том, что разработанный ими документ предполагает отказ Карла не от короны, а от участия в государственных делах, что оставляло Габсбургам возможность вернуться на трон в будущем. После продолжительных бурных дебатов Карл подписал манифест, в котором говорилось: “С момента вступления на трон Я неустанно пытался избавить свои народы от бед войны, в начале которой нет Моей вины. Не колеблясь, Я восстановил конституционный порядок и открыл всем народам путь к самостоятельному развитию. Руководствуясь, как и прежде, неизменной любовью ко всем Моим народам, не желаю, дабы Моя особа служила препятствием на пути их свободного развития. Зара-

нее признаю решение, которое примет Немецкая Австрия о своем будущем государственном устройстве. Народ посредством своих представителей взял власть в собственные руки. В связи с этим Я отказываюсь от участия в государственных делах в какой-либо форме, одновременно освобождая от обязанностей назначенное Мною австрийское правительство. Пусть народ Немецкой Австрии создаст новый [государственный] порядок и объединится вокруг него. Счастье Моих народов всегда было Моим самым горячим желанием. Только внутренний мир способен залечить раны, нанесенные войной” [27. 11 XI].

Несколько дней спустя переговоры Карла с венгерской правительственной делегацией также завершились подписанием подобного документа. 23 марта 1919 г. по настоянию австрийского республиканского правительства и с согласия держав Антанты императорская семья была вынуждена покинуть родину и перебраться в Швейцарию. Тем не менее Карл Первый и Последний ни на минуту не допускал мысли о том, что многовековое царствование династии Габсбургов кончилось навсегда, а он сам, 32-летний молодой человек – уже не более чем часть европейской истории.

Несмотря на непростое положение, в котором оказалась императорская семья в изгнании (большая часть имущества Габсбургов была конфискована новыми властями, а некоторые драгоценности, вывезенные Карлом и Зитой, похитил мошенник, которому они доверились), Карл внимательно следил за происходящим в странах-преемницах Австро-Венгрии и постепенно установил сеть контактов со сторонниками монархии. Он размышлял над будущим Центральной Европы, и сохранившиеся заметки императора содержат прозорливые выводы о перспективах региона – выводы, правоту которых, увы, подтвердили события 30–40-х годов XX в.: “...Малые государства, возникшие в результате нашей катастрофы, политически и экономически вредны для Европы. Они являются источниками постоянных внутри- и внешнеполитических проблем. Во внешней политике – во-первых, потому, что конфликтуют друг с другом, а во-вторых, потому, что если нынешняя политика будет продолжена, они рано или поздно упадут в объятия Великогермании. Причины, по которым отношения между этими государствами плохи, нетрудно понять: [историческая] Венгрия была разделена между румынами, чехами и сербами⁶... Австрия была разделена, и многие ее немецкоязычные регионы отошли соседям. Маленькие “победители” нетерпеливо ожидают возможности окончательно свести счеты с маленькими “проигравшими”; те же, в свою очередь, ждут, когда “победители” ослабеют настолько, чтобы отобрать у них хотя бы часть их добычи... И над всем этим хаосом встает угрожающий призрак Великопрусии” [5. S. 454–455].

Особое внимание Карла привлекала Венгрия. Во-первых, в этой стране, потерявшей в результате Трианонского мира около 70% территории, была особенно сильна ностальгия по габсбургским временам. Во-вторых, в Венгрии Карл IV формально оставался королем: после победы контрреволюционных сил в гражданской войне 1919 г. страна была вновь провозглашена королевством, а исполнение обязанностей главы государства в ранге регента было – на время пребывания монарха за пределами Венгрии – возложено на адмирала М. Хорти, бывшего командующего австро-венгерским флотом. Хорти и Карл

⁶ По условиям Трианонского мира 1920 г.

вступили в переписку, в которой адмирал заверял короля в лояльности и утверждал, что лишь ожидает подходящего момента для передачи власти. По мнению Карла, такой момент настал весной 1921 г., когда он через своего эмиссара во Франции, все того же принца Сикстуса де Бурбон-Парма, получил устные заверения А. Бриана, вновь ставшего главой французского правительства, в том, что в случае возвращения Габсбурга на венгерский трон Франция не предпримет против него враждебных действий и окажет соответствующее влияние на Великобританию (подробнее см. [29. S. 307]). Бриан не рисковал ничем: в случае успеха Карла он приобретал важного союзника в Центральной Европе, а в случае неудачи – мог не бояться компрометации, так как никаких письменных доказательств контактов между ним и Карлом не существовало.

25 марта 1921 г. Карл тайно, с документами на чужое имя, через Францию, Германию и Австрию отправился в Венгрию. 27 марта он был в Будапеште – сам, без сопровождения своих сторонников, которых в тот момент в венгерской армии и политических кругах было немало. Дальнейшее, по воспоминаниям самого Карла, выглядело так: “Хорти вышел мне навстречу с растерянным выражением лица. В своем (ранее моем) кабинете он сразу же сказал мне: “Это катастрофа, Вашему Величеству следует немедленно вернуться обратно в Швейцарию!” Я дружески объяснил ему, что ни о чем подобном не может быть и речи, поскольку своим отъездом я сжег за собой мосты. Последовала борьба за власть, дискуссия, продолжавшаяся более двух часов, в результате которой я, не располагавший, в отличие от моего оппонента, никакой вооруженной поддержкой, несмотря на все отчаянные усилия, вынужден был уступить в высшей степени предательскому и низменному властолюбию Хорти... В соглашении, к которому мы пришли к концу нашего разговора (в течение трех недель подготовить условия для передачи власти королю. – Я.Ш.), я видел признак того, что регент все же склоняется к идее реставрации... Однако я утратил эту надежду после того, как узнал, что еще в тот же день он пригласил к себе представителей держав Антанты и сообщил им обо всем, о чем был обязан молчать” (имелась в виду информация об обещаниях А. Бриана, которую Карл сообщил Хорти во время их разговора) (цит. по [30. P. 54–56]).

В мемуарах адмирала М. Хорти акценты, естественно, расставлены по-другому. Хорти утверждает, что предложил Карлу связаться с Брианом через дипломатического представителя Франции в Будапеште и заявил, что в случае подтверждения французских гарантий готов немедленно передать власть королю. Это, несомненно, была уловка: посулы премьера Франции потому и давались в устной форме, что не предназначались к огласке. Как только Хорти – после отъезда Карла и без его ведома – сообщил дипломатам Антанты о появлении короля и своем разговоре с ним, последовала та реакция, которой и следовало ожидать и на которую, очевидно, рассчитывал Хорти: опровержение Парижем слов Карла и дружное предостережение западных правительств (а также Чехословакии, Румынии и Югославии) против попыток реставрации Габсбургов на венгерском престоле [31]. Учитывая тогдашнюю ситуацию в Венгрии и вокруг нее, нельзя не признать, что в отказе Хорти вернуть власть Карлу IV была своя логика. Судя по всему, человеческая правда в тот момент была на стороне короля, политическая же – на стороне регента.

Разочаровавшись в Хорти, Карл несколько месяцев спустя, в октябре 1921 г., предпринял новую попытку вернуть себе венгерский престол. Это был

первый и последний раз, когда в борьбе за власть он прибегнул к военной силе. Прибыв в Венгрию, Карл выступил на Будапешт во главе нескольких воинских частей, давших ему присягу. Поначалу ситуация складывалась благоприятно для короля: его войска, почти не встречая сопротивления, подошли к окраинам столицы. Однако регенту Хорти удалось мобилизовать часть армейских подразделений и вооруженное ополчение – в том числе благодаря намеренно распространяемым слухам, что на Будапешт якобы наступают чехословацкие войска. Роковую роль сыграл и генерал Хегедюш, который был поставлен Карлом во главе верных ему войск, но в решающий момент перешел на сторону хортистов. Самому Карлу не хватило решимости для проведения боевой операции, в которой у легитимистов были шансы на успех: вновь не желая излишнего кровопролития, король согласился на переговоры и попал в ловушку. Хортисты нарушили заключенное перемирие и перешли в контратаку. Карл отдал приказ прекратить сопротивление. Вторая и последняя попытка реставрации закончилась крахом.

Западные лидеры, не исключая и А. Бриана, немедленно отмежевались от Карла и выразили поддержку М. Хорти. Оценивая причины поражения последнего Габсбурга в 1921 г., трудно не согласиться с выводами А. Стыкалина: “Реставрация некогда могущественной династии на венгерском престоле не устраивала державы-победительницы, привыкшие видеть в Габсбургах надежных союзников Германии... Опасавшиеся большого международного скандала правящие круги Венгрии предпочли дать отпор сторонникам Карла... Вскоре Национальное собрание приняло акт, лишивший дом Габсбургов прав на венгерский престол” [32. С. 65]. Впрочем, даже в случае победы шансы Карла сохранить за собой трон, очевидно, были не слишком велики: очень уж негативной могла быть реакция на реставрацию Габсбургов со стороны соседей Венгрии, держав “малой Антанты”, а равно и стоявшей за ними Антанты “большой”.

По решению западных держав Карл Габсбург и его семья были отправлены на португальский остров Мадейра. Многочисленное семейство, страдавшее от недостатка средств (Антанта и не подумала позаботиться о своих пленниках), поселилось в крайне неудобной вилле, которая была предоставлена Карлу одним из местных жителей. 9 марта 1922 г. Карл сильно простудился, болезнь переросла в воспаление легких, осложненное врожденным пороком сердца. 1 апреля он умер и был похоронен на Мадейре, в церкви Носса Сеньора ду Монте. Позднее в Капуцинской гробнице в Вене, месте захоронения большинства Габсбургов, начиная с императора Матиаса, умершего в 1619 г., был установлен его мраморный бюст.

В 1928 г. в венской церкви св. Михаила была открыта мемориальная доска в честь последнего императора. На небольшой бронзовой табличке значатся слова: “Искал мира и нашел его в Боге”. Вероятно, это лучшая эпитафия Карлу Последнему – человеку, который наверняка был бы весьма неплохим правителем в спокойные, мирные годы. Он не был выдающимся политиком в том смысле, в каком обычно принято трактовать политическое мастерство – в умении добиваться реализации своих интересов даже в весьма затруднительных обстоятельствах. Карл олицетворяет другой, все реже встречающийся тип государственного деятеля – такого, который, по словам его сына Отто фон Габсбурга, “воспринимает свои политические задачи как миссию” и испытывает “чувство ответственности перед Богом” [19. S. 259]. Это чувство было

для последнего монарха Австро-Венгрии источником духовной силы и позволяло ему до конца бороться за идею европейского единства и мира – идею, в значительной мере реализованную сейчас, спустя много десятилетий после смерти Карла I.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Penížek J.* Poslední Habsburk. Praha, 1922.
2. *Vivian H.* Kreuzweg eines Kaisers. Karl I. von Österreich. Mit Auszügen aus den Tagesbüchern des St.-Cl. E. Strutt. Wien, 1935.
3. *Lorenz R.* Kaiser Karl und der Untergang der Donaumonarchie. Graz, 1959.
4. *Brook-Shepherd G.* Um Krone und Reich. Die Tragedie des letzten Habsburgerkaisers. Wien; München, 1968.
5. Kaiser Karl I. Persönliche Aufzeichnungen, Zeugnisse und Dokumente. Wien, 1987.
6. *Broucek P.* Karl I. (IV.). Der politische Weg des letzten Herrschers der Donaumonarchie. Wien; Köln; Weimar, 1997.
7. *Feigl E.* Kaiser Karl I. Ein Leben für den Frieden Steiner Völker. Wien; München, 1994;
8. *Demmerle E.* Kaiser Karl I. Wien, 2004.
9. *Galandauer J.* Karel I. Poslední český král. Praha, 2004.
10. *Pernes J.* Poslední Habsburkové. Karel, Zita, Otto a snahy o záchranu císařského trůnu. Brno, 1999.
11. *Исламов Т.М.* Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 3.
12. *Исламов Т.М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5.
13. Первая мировая война: пролог XX века. М. 1998; Последняя война императорской России. М. 2002; *Уткин А.И.* Первая мировая война. М., 2002
14. *Румлер Г.* Карл I Австрийский, 1916–1918// Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997.
15. *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003.
16. *Feigl E.* Zita. Kaiserin und Königin. Wien, 1991.
17. *Griessler-Pečarová T.* Zita, poslední císařovna. Praha, 1994.
18. Geheimes Staatsarchiv Munchen. Die Bayerische Gesandtschaft Sien. F. 1756, der Brief von 10. Juli 1914.
19. *Demmerleová E.* Císař Karel I. Praha, 2006.
20. Aussenamt Berlin, Politisches Archiv. Österreich 86. Nr. 1 secr. Bd. 4, AS 4699.
21. *Demblin A.* Czernin und die Sixtus-Affäre. München, 1920
22. *Kann R.A.* Die Sixtus-Affäre und die geheimen Friedensverhandlungen Österreich-Ungarns im ersten Weltkrieg. Wien, 1966.
23. *Engel-Janosi F.* Die Friedensbemühungen Kaiser Karls mit besonderer Berücksichtigung der Besprechungen des Grafen Revertera mit Conte Armand // XIIe Congrès international des Science Historiques. Paris, 1965. Vol. IV. P. 279–296; *Charles-Roux F.* La Paix des Empires Centraux. Paris, 1947.
24. *Kontler L.* Dějiny Maďarska. Praha, 2001; *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002; *Lendvai P.* Die Ungarn. München, 1999. S. 228–249; *Серанионова Е.П.* Словакия в составе Венгерского королевства в начале XX века// Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Кн. 1. С. 32–43.
25. Národní listy. 1917.14 VI.
26. *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce. Praha, 1927–1928. Sv. II.
27. Wiener Zeitung. 1918.
28. *Irmanová E.* Konec starého světa // Slovanský přehled. 2001. Č. 4.
29. *Rieder H.* Kaiser Karl. Der letzte Monarch Österreich-Ungarns 1887–1922. München, 1981.
30. *Freiherr von Werkmann K.* Aus Kaiser Karls Nachlass. München, 1925.
31. Admiral Nicholas Horthy, Regent of Hungary. Memoirs. London, 1956.
32. *Стыкалин А.С.* Трианонский мирный договор и идеи возрождения Венгрии // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М. 1999.

© 2008 г. Б. М. ТУПОЛЕВ

КУРТ РИЦЛЕР О “СРЕДИННОЙ ЕВРОПЕ” В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Издание в 1972 г. в ФРГ Карлом Дитрихом Эрдманом с его обширным вступительным трактатом дневников, статей и документов Курта Рицлера [1] стало важным этапом в исследовании генезиса и хода Первой мировой войны, германской “мировой политики” в целом. Оно же послужило импульсом к дальнейшему разворачиванию так называемой “контroversы” Фрица Фишера, начавшейся в Западной Германии в связи с первой статьёй этого гамбургского ученого 1959 г., посвященной проблематике германских военных целей в Первой мировой войне.

Деятельность Рицлера на имперской службе оставила свой след в соответствующих архивах Германии. Так, после издания дневники Рицлера были переданы на хранение в Федеральный архив в Кобленце.

Имя Курта Рицлера фигурирует в германской истории, по словам Эрдмана, там, где речь идет о рейхсканцлере и прусском министре-президенте Теобальде фон Бетман-Гольвеге (1909–1917 гг.), накануне и во время Первой мировой войны. Дневниковые записи Рицлера содержат важную информацию об июльском кризисе 1914 г., германских военных целях, взаимоотношениях между правительством и верховным командованием, о внутривластных столкновениях в стране [1. S. 7, 13]. Сравнительно немного документов относится к 1910–1911 гг., бóльшая часть – к 1914–1918 гг. Свое первое значительное политическое сочинение “Мировая политика в 1906 г.” Рицлер опубликовал, уже находясь на службе ведомства иностранных дел. Заведующий отделом печати ведомства Отто Хамманн взял его на службу “из-за его необыкновенных знаний в исторической и культурной областях и из-за его писательского дарования” [1. S. 28].

Позднее, в 1913 г. Рицлер становится постоянным помощником Бетман-Гольвега. Июль 1914 г. он проводил в ежедневном общении с канцлером в его бранденбургском поместье. В случае необходимости его посылали в Берлин с не требующими значительного времени заданиями. Записи бесед, которые он заносил в свой дневник, дают в дополнение к известным служебным и неслужебным материалам по июльскому кризису достаточно точное представление о размышлениях и восприятии ситуации рейхсканцлером. Так, Бетман-Гольвег полагал, что в международном плане он находится в весьма стесненном по-

ложении и не имеет другого выхода, как поддерживать Австро-Венгрию в ее противостоянии с Сербией и Россией, если Германия не хочет утратить своего последнего союзника [1. S. 51].

Как констатировал немецкий историк А. Хилльгрубер, германская экономическая экспансия с рубежа веков проявляла все усиливающуюся тенденцию к продвижению на Восток и, таким образом, утвердившийся на юго-восточном направлении бастион “Срединная Европа” уже не мог быть отдан без борьбы, тем более что здесь приходили в столкновение гегемонистские возможности держав и “мировая политика”. Германия на Ближнем Востоке по существу оказалась между российской и британской сферами влияния и как бы принимала на себя традиционную напряженность в отношении Англии к России в этом регионе. Австро-Венгрия в качестве “моста” к удаленной немецкой сфере влияния в Турции стала опорой германской средневропейской позиции, которая ни в коем случае не должна была быть разрушена. При этом Бетман-Гольвег придавал особое значение хотя бы косвенному ослаблению все возрастающей угрозы германской “средневропейской” позиции, прежде всего, со стороны царской России [2. S. 66–67]. Между тем в восприятии средневропейских проблем между Германией и Австро-Венгрией проявлялись существенные различия.

В дневниковых записях Курта Рицлера, сделанных в начале мировой войны, сообщается об австрийских планах в отношении Польши. Австрийцы хотят немедленно установить там по возможности консервативное правление, писал он. Они собираются ее полностью аннексировать или разделить, передав Германии часть польской территории к западу от Вислы [1. S. 196].

Действительно, с августа 1914 г. Австрия добивалась согласия Берлина на включение Польши в состав двуединой монархии в качестве новой польско-галицийской имперской земли. Германии было предложено “улучшить” ее восточную границу. 13 и 15 августа австрийский посол передал в Берлине предложения о разграничении военных администраций Германии и Австро-Венгрии на захваченных территориях Польши, когда под контролем германской администрации должны были находиться Калиш и Петрикау. После овладения Варшавой туда перебирался австрийский генерал-губернатор, а германская администрация полностью “удалялась” [1. S. 197. Ann. 5].

Ведомство иностранных дел Германии реагировало на австрийские предложения уклончиво, стремясь на время оставить польский вопрос открытым и избежать осложнений в отношениях с Веней. Единой концепции будущего Польши в Берлине тогда не существовало. Военное руководство выступало за провозглашение независимого польского государства, используя это в качестве средства пропаганды. Еще 31 июля 1914 г. кайзер сообщил польскому представителю свое решение создать независимое Польское государство, в союзе с которым Германия навсегда была бы защищена от России. В то же время министр иностранных дел Австро-Венгрии Леопольд граф Берхтольд был убежден, что “влиятельные консервативные круги” в Польше выступают за включение страны в состав Австрии, но боятся германской оккупации, впрочем – в той же мере, как и русской. Поэтому, мол, Германия должна скорее выступить с заявлением, что Польша получит независимую национальную администрацию при ее вхождении в состав Австро-Венгрии [1. S. 197. Ann. 6–7].

В Кобленце, где тогда находилась ставка германского верховного командования, 19 августа 1914 г. Рицлер записал в дневнике, что “вечером состоялся

долгий разговор о Польше и возможности более свободного присоединения других государств к империи – средневропейская система дифференциальных тарифов”. Сначала Великая Германия с Бельгией, Голландией, Польшей, а затем и Австрией, “как государствами, которым оказывается помощь” [1. S. 198].

Еще в своих довоенных сочинениях Рицлер указывал на связь между континентальной и “мировой” политикой, исходя из того, что германская мировая держава нуждается в гарантированном европейском базисе, высказывался за территориальное расширение Германии на континенте.

Рицлер был сторонником уменьшения территории Франции и выступал за передачу французской Фландрии Бельгии. Последняя, по его мнению, должна была стать “германским протекторатом”, но без крепости Люттих. Некоторые бельгийские пограничные зоны, согласно замыслу Рицлера, отходили к Голландии, Люксембургу и Пруссии. Он считал необходимым “свободно” присоединить к Германской империи в оборонительном и наступательном союзе Голландию и, вопреки австрийским устремлениям, в качестве восточного гласиса восстановленную как государство Польшу. В надежде на скорую победу у него вырисовывалась картина объединенной в таможенно-политическом отношении “Срединной Европы”, ядром которой являлась Германия со своими протекторатами и куда в расширяющемся союзе должна была войти Австро-Венгрия [1. S. 198–199].

Среднеевропейская идея была еще до отъезда из Берлина в Кобленц обсуждена 16 августа 1914 г. вице-канцлером Дельбрюком и Бетман-Гольвегом. К этому времени канцлеру уже были известны средневропейские замыслы Вальтера Ратенау. Предложенные Рицлером рамки средневропейской системы не совпадали ни с предложениями Ратенау, выступавшего за создание объединения между Германией, Францией, Австро-Венгрией, Балканами и Бельгией, ни с положениями Сентябрьской докладной записки о военных целях, которая предполагала образование союза, состоящего из Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Австро-Венгрии, Польши и, возможно, Италии, Швеции и Норвегии. В дальнейшем Ратенау, как и Бетман-Гольвег, а позднее и сам Рицлер придавали особое значение тесным взаимоотношениям между Германией и Австро-Венгрией, которым отводилась ключевая роль в будущем средневропейском союзе [1. S. 199. Anm. 2].

Между тем в своих письмах Хамманну от 22, 29 августа и 5 сентября 1914 г. Рицлер сообщал о противоречиях между имперским канцлером и военными, выдвигавшими далеко идущие аннексионистские требования. Сам Рицлер считал обширные прямые аннексии неосуществимыми и был сторонником создания системы экономического и военного присоединения или подчинения. Бетман-Гольвег также склонялся к такому решению. Однако занять определенную позицию в этом направлении оказалось невозможно, так как исход войны был тогда непредсказуем [1. S. 201. Anm. 3]. 9 сентября канцлер писал Дельбрюку о том, что кайзер вновь и вновь возвращается к мысли, что эвентуально аннексируемые у Бельгии и Франции территории должны быть “эвакуированы” и заняты военными колониями, заселяемыми заслуженными немецкими унтер-офицерами и рядовыми, которым будут предоставляться земельные участки. С другой стороны, в Берлине предполагали заключить с Францией после ее поражения торговый договор, который поставил бы страну в экономическую зависимость от Германии, сделав ее объектом немецкого экспорта и исключив экспорт из Англии [1. S. 201; 3. S. 87].

В соответствии с записями, сделанными Тирпицом в конце августа 1914 г., Бетман-Гольвег высказался за аннексию Германией части бельгийской территории севернее Антверпена, Намюра и Люттиха, сохранив южную Бельгию как буферное государство и отказавшись от идеи передать часть бельгийской территории Франции. В начале сентября Рицлер сообщил Хамманну, что канцлер теперь склоняется к предложенному им решению, чтобы Бельгия утратила только Люттих, но не подлежала оккупации, а с присоединением французской Фландрии должна быть экономически подключена к Германии. В военном отношении она фактически становится протекторатом Германии (с правом занятия последней ее портов) с антибританской направленностью [1. S. 202. Anm. 7].

В дневниковой записи 1 сентября 1914 г., на другой день после переноса Ставки верховного главнокомандования из Кобленца в Люксембург, Рицлер отмечал, что ничего не может сказать о судьбе Бельгии, так как Англия, конечно, выстоит в войне. “Но большая среднеевропейская экономическая система, – писал он, – должна кристаллизоваться вокруг нас, равным образом и свободное объединение с оборонительным и наступательным союзами. Это главное” [1. S. 204].

В записке Бетман-Гольвега о руководящих принципах, которыми следовало руководствоваться в переговорах о заключении мира, направленной 9 сентября 1914 г. Клеменсу Дельбрюку, ставилась задача обеспечить Германской империи безопасность на достаточно длительное время как на Западе, так и на Востоке. Одним из важнейших пунктов директивы было указание добиваться основания среднеевропейского Экономического союза посредством совместных таможенных соглашений при включении в него Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Австро-Венгрии, Польши и, возможно, Италии, Швеции и Норвегии. Этот союз, вероятно без общей конституционной “верхушки”, при внешнем равноправии его членов, но фактически под германским руководством, должен был стабилизировать экономическое господство Германии над Средней Европой [3. S. 87–88].

А уже 16 сентября 1914 г. Бетман-Гольвег писал Клеменсу Дельбрюку, что, по его мнению, вопрос о германо-австро-венгерском таможенном сближении следует обсудить в связи с проблемой политико-экономического объединения “Средней Европы”, о чем он упоминал в своем конфиденциальном письме от 9 сентября [3. S. 91].

Проект “Средней Европы” был по указанию Бетман-Гольвега более подробно разработан в ведомстве Дельбрюка, который отправился в Ставку верховного главнокомандования, чтобы проинформировать канцлера о состоянии подготовительной работы по этому вопросу. Дельбрюк отметил многочисленные технические трудности, связанные с проектом, и проявившиеся в предварительных дискуссиях расхождения во мнениях. Он не делал тайны из того, что если должно произойти экономическое сближение Германии с Австро-Венгрией в какой-либо форме, то согласие других ведомств потребуется только тогда, когда рейхсканцлер сам выступит с вполне определенной программой и непоколебимой волей осуществить ее. Проработка вопроса была продолжена под руководством Дельбрюка, хотя со стороны рейхсканцлера и не последовали желаемые им программные заявления. В письменном отчете о результатах обсуждения в его ведомстве от 20 октября 1914 г. Дельбрюк отме-

тил, что проект был тогда отвергнут большинством руководителей ведомств [1. S. 214. Anm. 2].

Находясь в Ставке верховного главнокомандования, выполняя разнообразные поручения рейхсканцлера, Рицлер фактически являлся референтом по проблемам политического ведения войны. В кульминационный момент сражения на Марне ему было предложено доложить канцлеру, как он представляет себе условия заключения мира. Основным звеном размышлений о военных целях на Западе оказалась бельгийская проблема, в связи с чем Бетман-Гольвег высказывался за раздел Бельгии между Голландией, Францией и Германией. Тогда же рукой Рицлера было написано воззвание к гражданскому населению Франции с призывом к примирению, однако сам он считал ожидания такого иллюзорными [1. S. 56].

Основной политической принцип, которым руководствовался Рицлер, заключался в том, что германская мировая держава должна обладать в Европе увеличенной и гарантированной территорией. Как и Бетман-Гольвег, он считал необходимым приобрести для империи полосу обеспечения – политико-военно-хозяйственное предполье, которое должно было стать континентальным базисом Германии. Вместе с тем, он являлся составителем чернового варианта знаменитой Сентябрьской докладной записки о военных целях Германии, которую сам считал предварительной. Из дальнейшего обмена мнениями канцлера и его помощника становится ясно, что Бетман-Гольвег, в конечном счете, не рассматривал Сентябрьскую докладную записку как обязательную программу действий. Они оба придерживались мнения, что прямые аннексии в Европе могут осуществляться только в весьма ограниченных масштабах [1. S. 57–58].

В этом они серьезно отличались от пангерманцев и их сторонников в тяжелой индустрии, военно-морском флоте и сухопутных войсках. Так, председатель Пангерманского союза Г. Класс в “Памятной записке относительно национальных, экономических и социально-политических целей немецкого народа в настоящей войне”, составленной в сентябре 1914 г., писал, “что Средняя Европа, т.е. область, которая ныне должна в тяжелейшей борьбе отстаивать свое право на существование”, вместе с уже завоеванными Германией и Австро-Венгрией территориями “создаст большую, единую экономическую область, – что буквально как властное требование носится в воздухе”. К этому ядру постепенно и с закономерной определенностью “присоединятся Нидерланды и Швейцария, три скандинавских государства и Финляндия, Италия, Румыния и Болгария”. Если к этому прибавить соседние земли и колонии перечисленных государств, то возникнет обширная экономическая область, которая, бесспорно, сможет защитить и сохранить свою хозяйственно-политическую независимость [3. S. 94].

Анализируя расстановку политических сил в имперском правительстве, Фриц Фишер констатировал, что для Бетман-Гольвега обеспечение континентальных позиций Германии служило предпосылкой сохранения и укрепления ее положения как мировой державы. Исходя из этого он был особенно заинтересован в оказании поддержки Австро-Венгрии в противодействии давлению на нее со стороны России, в образовании буферных государств между странами Центральной Европы и Россией и в военном подавлении или, по меньшей мере, сдерживании последней. С другой стороны, основной военной целью статс-секретаря имперского морского ведомства А. Тирпица, наиболее силь-

ного внутривластного противника рейхсканцлера в правительстве, и стоявших за ним кругов была победа Германии над Британией [4. S. 759].

29 августа 1914 г. Рицлер писал Хамманну, что канцлер отвергает обширные прямые аннексии. Как в отношении Бельгии, так и Польши, “двух равных по значению проблем”, не приняты какие-либо решения, так как Германия еще находится в начале своего пути, скорый мир с Францией невероятен и совершенно неясно, сможет ли Берлин действительно диктовать свои условия Англии [3. S. 80].

Срединная Европа и Срединная Африка в августе и в начале сентября 1914 г. занимали центральное место в политике германских военных целей, которой с разной мотивировкой и в различно трактуемых формах следовали правящие круги, монополистические объединения, буржуазно-юнкерские партии. Срединная Европа под германским руководством рассматривалась как лучшая гарантия того, чтобы возвысить Германию до уровня четвертой мировой державы или до положения ведущей мировой державы. Между тем Рицлер стал даже поговаривать о германском “мировом господстве”. В то же время утрату Германией заморских территорий в Берлине собирались возместить дальнейшим строительством германского военного флота и созданием средневропейского таможенного союза при включении в него Франции [4. S. 765]. Но впереди еще были долгие годы мировой войны...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Riezler K.* Tagebücher, Aufsätze, Dokumente. Eingel. und hg. von Karl Dietrich Erdmann. Göttingen, 1972.
2. *Hillgruber A.* Deutsche Grossmacht- und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Düsseldorf, 1977.
3. *Weltherrschaft im Visier.* Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945. Berlin, 1975.
4. *Fischer F.* Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1978.

© 2008 г. С. В. МОРОЗОВ

ПОЛЬСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ И КОНВЕНЦИЯ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ АГРЕССОРА 3–4 ИЮЛЯ 1933 ГОДА

Современная польская историография, проявляющая склонность к определенной идеализации так называемой “политики равноудаленности” [1–3], которую проводил в свое время режим Ю. Пилсудского, обходит молчанием некоторые немаловажные моменты польской внешней политики, свидетельствующие о стремлении “дистанцироваться” от Чехословакии. Это нашло свое отражение в период подготовки и подписания конвенции об определении агрессора.

Эта конвенция, подписанная в Лондоне 3–4 июля 1933 г. Советским Союзом и рядом так называемых малых стран, сыграла заметную роль в европейских международных отношениях и, в частности, осложнила реализацию проекта “Пакта четырех”. Появление последнего¹ принято считать началом предвоенного периода в европейских международных отношениях [4–6]. Среди различных аспектов его воплощения в жизнь обращали на себя внимание два. Первый – намечившееся перемещение Германии в высшую иерархию стран-участниц Версальско-локарнской системы (это был аванс за предстоящее исполнение роли агрессора против СССР). Второй, вытекающий из первого – грядущая ревизия территориальных границ некоторых стран, в том числе Польши и Чехословакии.

Избежать этой перспективы Польша и Чехословакия стремились разными путями. Глава чехословацкого МИД Э. Бенеш, мысливший категориями реальных возможностей, уверенно шел дорогой компромиссов с великими державами, встречая, к примеру, со стороны Парижа искреннее понимание. Польские же правящие круги, ставившие задачу “возрождения былого величия” своей страны и ее перемещения на более престижное место в международных отношениях, категорически отвергли проект “Пакта четырех”. Намечившееся было в конце марта – начале апреля сближение между Вежбовой и дворцом Чернинов в конце мая обратилось в пепел после того, как Кэ д’Орсэ² предоставил последнему дополнительные гарантии (см. подробнее [7. С. 46–73]).

Морозов Станислав Вацлавович – д-р ист. наук, доцент СПбГУ.

¹ “Пакт согласия и сотрудничества” (“Пакт четырех”) был подписан 15 июля 1933 г. в Риме представителями Великобритании, Франции, Германии и Италии с целью создания нового блока западноевропейских стран. Франция его не ратифицировала.

² Месторасположение соответственно польского, чехословацкого и французского внешнеполитических ведомств.

В связи с возросшей заботливостью Парижа в отношении Праги, в польской внешней политике с конца мая 1933 г. усилилась тенденция к смене приоритетов. Это оценило советское полпредство в Варшаве: «Польша правильно учла радикальную перемену в отношении к этому пакту Малой Антанты... Бумажные гарантии, данные Францией, представлялись в глазах Польши слишком малоценными... Согласие в той или иной форме на “Пакт четырех” – это согласие на пересмотр мирных договоров в ущерб Польше» [8. Оп. 17. Пап. 28. Д. 167а. Л. 15].

Осознавая возможные последствия пакта, Польша в качестве противодействия стала еще больше подчеркивать свои великодержавные амбиции. Для этого широко использовались завуалированные угрозы и вербальное давление: 23 мая 1933 г. глава МИД Польши Ю. Бек сделал заявление о возможном выходе своей страны из Лиги Наций. Через пару дней польский посол в Лондоне К. Скимунт заявил постоянному заместителю министра сэру Р. Ванситарту: “Если бы новые переговоры завершились договором четырех держав, и они бы предложили правительству Польши потерпеть, то я уверен, что польское правительство от такого “терпения” отказалось бы” [9. Оп. 1. Д. 68. К. 101–102]. 31 мая Бек повторно заявил об эвентуальном выходе из Лиги Наций, а также поручил представителю Польши в этой структуре Э. Рачинскому сообщить в Женеве главе французского МИД Ж. Поль-Бонкуру о такой возможности [8. Оп. 17. Пап. 28. Д. 167а. Л. 15].

В то время, как в Варшаве Бек грозил Западу громко хлопнуть дверью, Прага не только выразила согласие с французской формулировкой “Пакта четырех” и формально изменила первоначальную позицию Малой Антанты на заседании ее Постоянного совета 30–31 мая, но и держала курс на сближение с Советским Союзом. К письму от 4 мая 1933 г., подготовленному от имени правительств стран Малой Антанты и адресованному советскому полпреду А. Аросеву, Бенеш приложил проект договора о ненападении и ноту, в которой предполагалось признать СССР *de jure*.

Правда, с присущей ему осторожностью он сделал примечание, где отказывался рассматривать свое письмо и приложение к нему как “официальный акт” или “предложение”. Министр отметил, что это лишь “изложенная на бумаге концепция вопроса, о котором мы так часто говорили”. В итоговом коммюнике заседания Постоянного совета Малой Антанты, опубликованном 1 июня 1933 г. в газете “*Lidove noviny*”, сообщалось: “Что касается Советского Союза, то Малая Антанта с удовлетворением принимает к сведению общую позицию, выжившуюся по некоторым вопросам на конференции по разоружению, и с доверием взирает на развитие отношений в будущем” [10. С. 299].

Таким образом, Бенеш, прикрывшись Малой Антантой, пытался подготовить почву для того, чтобы, поддержав пакт и заключив соответствующий договор с Москвой, обезопасить границы Чехословакии от ревизии в случае движения Германии на восток и переориентировать ее в направлении северного соседа – Польши. Однако, хотя Бенеш объективно и стремился к реализации этой основной цели, официальный курс Праги был по-прежнему направлен на сближение с Варшавой, о чем свидетельствовали высказывания чехословацких дипломатов. Например, в июне 1933 г. чехословацкий посланник в Париже С. Осуский на обеде у польского поверенного в делах А. Мюльштейна заявил: «Если бы Польша захотела ... создать с нами единый фронт против пакта, то этот факт имел бы столь исключительное значение, что мы готовы были бы пойти вместе с Польшей против Франции, чтобы таким путем сорвать подписа-

ние “Пакта четырех”». Уведомив присутствовавших, что Польша по величине территории и численности населения имеет право на статус великой державы, чехословацкий дипломат посетовал на то, что она «не может не считаться с фактом, что Франция, соглашаясь на “Пакт четырех”, мешает ей в достижении этой цели». Обращаясь к французским министрам и генералам, оратор продолжил: “Признание за Польшей статуса великой державы не только в ее интересах, но также в интересах Франции и Чехословакии, которая при наличии в Европе атакующего германизма должна также заботиться об укреплении положения Польши. И если бы Польша, продвигаясь в этом направлении, согласилась с нами, то мы помогли бы ей, исходя из нашей собственной заинтересованности. Если бы это произошло, то правительство Франции, видя нашу солидарность и согласованность, вынуждено было бы изменить свою позицию” [11. С. 245].

Вероятнее всего, Осуский лишь выполнял те положения, которые рассылались в директивных письмах дипломатическим миссиям. Однако скрытая суть тезисов, высказанных им на обеде у Мюльштейна, свидетельствовала об их направленности на реализацию внешнеполитической линии Бенеша: создание видимой готовности ЧСР и Польши противостоять “Пакту четырех”. При этом Чехословакия обеспечила бы безопасность своих границ посредством французских гарантий, в то время как Польша в перспективе оказалась бы в оппозиции к “директории четырех европейских держав”, т.е. осталась бы один на один с “германским фактором”. Осуский с легкостью жонглировал стремлением Варшавы к признанию за ней великодержавного статуса, чтобы укрепить ее решимость противостоять планам пакта.

Дальнейшее развитие событий подтвердило вышеизложенные предположения. После парафирования 6 июня 1933 г. “Пакта четырех” в Риме³ Поль-Бонкур передал Осускому ноту, содержащую гарантию, что “новый договор ничем не затронет политики, которую оба правительства проводили согласно договору, их связывающему” [12. S. 204], т.е. договору от 25 января 1924 г. Другими словами Париж гарантировал Праге, что политические последствия “Пакта четырех” не приведут к ревизии ее границ. Это означало, что определенная часть внешнеполитических расчетов Бенеша относительно сотрудничества с западными державами в надвигавшемся процессе ревизии восточноевропейских границ выполнена.

Если Бенеш, обеспечив ЧСР французское “прикрытие” на случай реализации “Пакта четырех”, мог себе позволить относительное спокойствие, то польские правящие круги пришли в ярость. 8 июня 1933 г. последовало жесткое заявление Ю. Бека, что “в случае нарушения прав Лиги Наций, Польша оставляет за собой свободу действий”. В Париже Поль-Бонкур, желая смягчить впечатление в Польше от парафирования пакта, 9 июня сделал заявление, суть которого сводилась к тому, что интересам Варшавы не будет нанесен ущерб. Однако его заверения не успокоили польское правительство, и эта декларация была опубликована

³ Текст пакта был парафирован послом Франции Г. Жувенелем, послом Германии У. Хасселем, английским послом Р.В. Грэхемом и Бенито Муссолини. В документе нашли отражение мнения и требования всех участников пакта: наряду с пунктом о ревизии мирных договоров были упомянуты и санкции против агрессора, рядом с требованием Германии о равноправии в области вооружений содержалась французская формула безопасности. Однако, несмотря на его противоречивость, была достигнута главная цель: рождение блока западноевропейских держав, готовых решать свои проблемы безопасности за счет других государств континента.

в Варшаве лишь через четыре дня – 13 июня. В своих комментариях полуофициальные органы печати дали понять, что позиция Франции противоречит духу польско-французского союза и дает основания Польше применять к ней принцип взаимности, т.е. быть самостоятельной [8. Оп. 17. Пап. 28. Д. 167а. Л. 15].

Это показало Парижу, что в Варшаве не удовлетворены существующим положением. Почему Польша, служащая для Европы барьером против большевизма, не включена в качестве пятого участника в “директорию четырех держав”, ведь она по своим параметрам и роли заслуживает признания как великой державы? Проект “Пакта четырех” вызвал у Пилсудского и его окружения сильнейшее раздражение не потому, что они были против него, а потому что претендовали на включение в него Польши, оставшейся в стороне от устанавливавшейся в Европе новой иерархии [13. Оп. 11. Ед. хр. 187. К. 15].

Но Париж, видимо, польская позиция не интересовала. 12 июня чехословацкий посланник в Варшаве В. Гирса получил депешу, где сообщалось, что премьер-министр Франции Э. Даладьё в разговоре с Осуским одобрил позицию Бенеша и, не стесняясь в выражениях, осуждал Бека. Французский премьер подчеркивал, что заигрывания последнего с Венгрией, Италией и Германией могут принести вред Польше, ибо Франция может ее исключить из союзного договора [14. S. 60]⁴.

К этому моменту Польша и Франция по-разному оценивали свое участие в рамках предполагаемого сотрудничества. Если Париж по-прежнему был склонен относиться к Польше как к младшему партнеру, то последняя, зажатая в “тиски” между Германией и Россией, неустанно демонстрировала, что признает только равное сотрудничество [15. С. 273]. Польские правящие круги рассуждали так: Польша, в отличие от Чехословакии, из держав непосредственно граничившей лишь с Германией, имела общую границу как с Германией, так и с СССР, а, следовательно, подвергалась большей угрозе, так как в случае начала военных действий в Европе сразу же была бы в них так или иначе вовлечена.

Таким образом, после парафирования “Пакта четырех” и предоставления Францией завуалированных гарантий Чехословакии от возможной ревизии ее границ, в то время как польские границы оставались открытыми для действия 19-й статьи Лиги Наций, предусматривавшей ревизию мирных договоров, Польша стала все более отдаляться от своих формальных союзников. В позиции Вежбовой по отношению к дворцу Чернинов и Кэ д’Орсэ явственно обозначились признаки будущих разногласий.

В субботу 17 июня 1933 г. состоялась встреча польского посланника В. Гжибовского с заместителем министра иностранных дел ЧСР К. Крофтой, во время которой были затронуты несколько немаловажных моментов. Во-первых, было представлено разъяснение в связи с несостоявшимся визитом Ю. Бела в Прагу в конце марта: отказ Бека был мотивирован несовпадением позиций Польши и Малой Антанты. Польский дипломат разъяснил, что новое отношение последней к “Пакту четырех” сделало невозможным визит. Во-вторых, до сведения Крофты было доведено негативное отношение Бека к последним экономическим мерам чехословацкого правительства, направленным на вытеснение польской продукции с чехословацкого рынка. И, наконец, в-третьих, было вы-

⁴ Польско-французский договор о дружбе и взаимопомощи от 19 февраля 1921 г. Дополненный тайной военной конвенцией, он обязывал участников к оказанию незамедлительной помощи в случае неспровоцированной агрессии со стороны соседнего государства.

сказано недовольство проводимой политикой в отношении польского меньшинства в Тешенской Силезии. Как бы обобщая вышесказанное, Гжибовский подчеркнул, что представляется неясной перспектива тесного сотрудничества с Чехословакией в сфере международных отношений, разоружения, договоров о нацменьшинствах и в отношении к “Пакту четырех” [9. Оп. 1. Д. 58. К. 112].

Монолог Гжибовского по сути озвучил спорные моменты в двусторонних отношениях, возникшие после изменения позиции Малой Антанты по пакту. Заключительную часть беседы можно было рассматривать как завуалированное предупреждение о возможном грядущем охлаждении отношений между Варшавой и Прагой.

Ответ Крофты можно было бы определить как примирительный. Он заявил, что позиция Малой Антанты по “Пакту четырех” не противоречит позиции Польши, и различия существуют лишь по вопросу тактики, а к отказу Бека от визита он относится с пониманием. Крофта также проявил готовность благоприятно отнестись к вопросу совмещения польских экономических интересов, однако не с интересами Чехословакии, а с созданием экономической Малой Антанты, в связи с чем, по его мнению, был необходим поиск некоего *modus vivendi*. Обсуждение же проблемы тешенских поляков он предпочел отложить, упомянув о своих сожалениях в связи с некоторыми моментами деятельности польских консулов в Моравской-Остраве [9. Оп. 1. Д. 58. К. 113].

В заключение беседы Крофта, решивший, видимо, не оставаться в долгу по части претензий, напомнил, что Бенеш официально и публично выступил с предложением о заключении “вечного мира” с Польшей, а польского ответа до сих пор не поступило. Гжибовский, в свою очередь, заметил, что подобные предложения обычно предварительно обсуждаются, и он не слышал, чтобы Польша принимала подобного рода проект [9. Оп. 1. Д. 58. К. 114]. В целом беседа напоминала разговор глухих людей, так как каждый вел свою линию, будучи не в состоянии услышать слов своего оппонента.

Это впечатление в еще большей степени усиливается при чтении записи беседы Гжибовского с Бенешем, которая состоялась несколько дней спустя после возвращения последнего с сессии Постоянного совета Малой Антанты: складывалось впечатление, что собеседники находились в различных измерениях. Гжибовский начал было развивать тему польского меньшинства в Чехословакии, однако Бенеш сразу же перевел разговор на новую позицию Малой Антанты по “Пакту четырех”. По его мнению, тот превратился из ревизионистского в антиревизионистский, так как Муссолини отказался от расчленения Югославии, и в новом виде “пакт” может принести Польше исключительную пользу. Он также заявил, что по вопросу о “вечном мире” с Польшей ему удалось получить поддержку не только у правительства, но и со стороны парламента, так что теперь слово за Варшавой [9. Оп. 1. Д. 58. К. 115].

Затронув проблему “вечного мира”, Бенеш обозначил свое отношение к польско-германским контактам⁵, заметив, что сближение Чехословакии с Польшей облегчилось, так как Германия перестала быть центральным пунктом чешской политики, которая получила поддержку Малой Антанты. Раскритиковав поездку венгерского премьера Гёмбёша в Берлин, чехословацкий министр от-

⁵ В письме историку Л.Б. Намьеру Бенеш утверждал, что узнал о польско-германских переговорах на Рождество 1933 г. [16. Р. 281].

метил, что от последнего несколько раз поступали предложения секретно встретиться, но он отказался, так как является противником тайной дипломатии.

Как можно заметить, к прежним темам беседы (“Пакту четырех”, положению польского меньшинства в Чехословакии, заключению “вечного мира”) добавилась новая, пока еще маргинальная: польско-германские контакты. На вопрос Гжибовского о придунайском союзе⁶ Бенеш ответил, что, учитывая негативную реакцию Италии, речь пойдет о более тесном экономическом сотрудничестве Малой Антанты отдельно с Венгрией и Австрией. Но сначала Праге, Бухаресту и Белграду следовало бы сплотиться экономически, заключив таможенный союз, в который могла бы войти и Варшава [9. Оп. 1. Д. 58. К. 116]. Таким образом, стремясь к достижению своей политической цели – заключению “вечного мира” с Польшей, Бенеш попытался повысить привлекательность этой идеи за счет ее экономической составляющей. Он дал понять Гжибовскому, что это есть способ учесть польские интересы на чехословацком рынке.

В заключение беседы Бенеш снова затронул тему нацменьшинств, но под иным углом: вместо обсуждения проблемы тешенских поляков, он коснулся проблемы соблюдения договоров о нацменьшинствах, заявив, что в этом вопросе он будет солидарен с Польшей [9. Оп. 1. Д. 58. К. 116]. Учитывая стремление Варшавы выйти из договора по меньшинствам⁷, это мимоходом брошенное замечание означало, что претензии польских дипломатов по данной проблеме не имеют достаточного основания, поскольку отношение “санационных” властей к меньшинствам внутри своей страны небезупречно.

Содержание этой беседы Бенеш повторил для польского журналиста Войдылы, сделав ударение на “вечном мире” с гарантией общей границы, и добавил, что впоследствии он мог бы предложить такую же гарантию и Германии. Касательно проекта “вечного мира” он твердо заявил, что сообщил о нем Беку в Женеве, но проект, вероятно, не нашел поддержки среди той части польского руководства, которая надлежащим образом оценивает политическую и военную мощь Чехословакии [9. Оп. 1. Д. 89. К. 117].

Беседы Гжибовского с Крофтой и Бенешем свидетельствовали о том, что после изменения отношения Малой Антанты к “Пакту четырех” у Праги и Варшавы начали возникать разногласия. Единственная точка соприкосновения – проект “вечного мира” – носила скорее умозрительный характер, в то время как по таким важным вопросам, как экономическое взаимодействие, положение меньшинств, согласия не было. Дворец Чернинов был настроен продолжать движение выверенным курсом – на сотрудничество с западными державами в деле “ревизии” границ “государств, от которых ждут уступок”⁸, польские же дипломаты, убедившись в непоследовательности курса Праги, не могли не задаться вопросом о причинах такого поведения. Гжибовский считал, что напористость Бенеша в стремлении заключить “вечный мир” является тактическим маневром, суть которого прояснит ближайшее будущее. “Возможно, подслащиванием пилюли он желает замаскировать свою попытку изолировать нас от го-

⁶ Подразумевалось экономическое и политическое сближение стран придунайского региона, где ведущая роль была бы отведена Чехословакии.

⁷ В разговоре Пилсудского с Бекон в декабре 1931 г. предполагалась денонсация договора о нацменьшинствах, не считаясь с мнением Лиги Наций [11. S. 42].

⁸ Эта фраза впервые прозвучала из уст Бенеша в беседе главой Форин офис Д. Саймоном в связи с появлением проекта “Пакта четырех”.

сударств Малой Антанты. Возможно, ему необходима видимость улучшения отношений с Польшей для нормализации отношений на западном или северном направлении” [9. Оп. 1. Д. 89. К. 118]. Эта оценка служит доказательством возраставшего недоверия между союзниками Франции. Советник польской миссии З. Гладкий точно охарактеризовал беседу Гжибовского и Бенеша: “Если Вы не желаете со мной побеседовать, то хотя бы выпейте на брудершафт” [9. Оп. 1. Д. 89. К. 118].

Недоверие Варшавы объяснялось все более отчетливо обозначившимся новым внешнеполитическим курсом Праги. 30 июня 1933 г. было опубликовано коммюнике Малой Антанты, где значительное место было уделено Польше и СССР. По мнению Гжибовского, его целью было “предупредить великие державы Запада, что Малая Антанта обращает взор на Восток” [11. С. 243]. У польского посла в Париже А. Хлаповского было свое мнение, которое он высказал в донесении от 1 июля: «Господа Бенеш и Титулеску⁹, которые так быстро капитулировали перед “Пактом четырех”, согласятся под давлением Франции и на дальнейшие уступки» [11. С. 246].

Однако разногласия между столицами западнославянских стран не сразу приобрели устойчивый характер. В начале июля 1933 г. произошло событие, которое в формальном отношении в определенном смысле вновь сблизило оба государства. Его инициатором выступило руководство Советского Союза. Парафирование “Пакта четырех”, означавшее фактическое начало создания в рамках Лиги Наций военно-политического блока (что вообще-то было нарушением ее Устава), объективно имевшего антисоветскую направленность, требовало от Москвы определенных шагов. Советский Союз не являлся членом Лиги Наций и поэтому в юридическом отношении был беззащитен от последствий вероятного конфликта, что создавало объективную вероятность после завершения какого-либо вероятного военного конфликта обвинить его как не члена этой организации в развязывании агрессии. Учитывая гипотетический характер подобного варианта развития событий, советская дипломатия не могла официально делать его предметом своей активности. Но свою обеспокоенность советское руководство изложило на страницах печати с использованием принятых в то время пропагандистских приемов. В газете “Правда” появился следующий комментарий: “Для буржуазии малых европейских стран “Пакт четырех” стал первым тревожным сигналом. ... В Варшаве, Бухаресте, Праге, Белграде, Риге, Ревеле отлично понимают, что, когда руководящие империалистические державы Европы попытаются договориться между собой заключать блоки и соглашения против других, они не остановятся перед тем, чтобы бросить на чашу весов судьбу средневропейских народов” [17].

Летом 1933 г. НКВД, среди прочего, решал две важные внешнеполитические задачи. Первая носила долгосрочный характер и сводилась к тому, чтобы СССР был принят в Лигу Наций. Вторая относилась к ближайшему будущему и заключалась в исключении возможности необоснованных обвинений Советского Союза в развязывании агрессии. Еще в феврале 1933 г. советское правительство в целях предупреждения эвентуальной агрессии внесло на конференцию по разоружению в Женеве проект документа об определении нападающей стороны. Однако из-за долгих проволочек в комиссиях, а также негативного отношения к этому проекту Англии Генеральная комиссия отложила на неопределен-

⁹ Н. Титулеску – министр иностранных дел Румынии.

ный срок принятие решения по данному предложению. Решить эту важную задачу Советскому Союзу удалось путем заключения соглашений с отдельными странами. Во время работы экономической конференции в Лондоне группа стран, в том числе СССР и Польша, 3 июля 1933 г. подписала конвенцию об определении агрессора [18. С. 388–392]. На следующий день Советский Союз подписал конвенцию с членами Малой Антанты во главе с Чехословакией [18. С. 402–406].

Западная дипломатия пыталась оценить лондонскую конвенцию (например, между странами Малой Антанты и СССР) в качестве демонстративного противопоставления “Пакту четырех”, заявляя, что на востоке Европы создается некий блок в противовес соглашению четырех западных держав. Дезавуируя подобные заявления, в СССР неоднократно разъясняли, что лондонские конвенции – это не противовес “Пакту четырех”, а “очередной шаг на пути обеспечения дальнейшего мира” [18. С. 424]. К тому же, если “пакт четырех” являлся закрытым соглашением, то конвенции были открыты для присоединения любой страны. Например, советский полпред в Италии В.П. Потемкин в беседе с Муссолини приглашал участников “Пакта четырех” присоединиться к лондонской конвенции [18. С. 428].

С точки зрения польско-чехословацких отношений лондонская конвенция представляет несомненный интерес, так как возникшая к лету 1933 г. политическая отчужденность между обеими странами именно в ней получила формально-правовое отображение: участие Польши и Малой Антанты в конвенции было оформлено различными документами. В связи с этим уместно замечание об определенном парадоксе: с одной стороны, подписание лондонской конвенции объединило Польшу и Чехословакию в рамках одного правового мероприятия, а с другой – это объединение носило исключительно формальный характер, так как было отражено в отдельных юридических документах и фактически дистанцировало Варшаву от Праги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дурачински Э.* Польская историография новейшей истории // Новая и новейшая история. 2002. № 3.
2. *Грегорович С.* Место и роль СССР в политике Польши в 30-е годы // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. Сборник статей. М., 2001.
3. *Захариас М.* Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 г. // Советско-польские отношения в политических условиях. Сборник статей. М., 2001.
4. История дипломатии. М., 1965. Т. III.
5. История внешней политики СССР 1917–1976. М., 1976. Т. I. 1917–1945.
6. История международных отношений и внешней политики СССР. М., 1967. Т. I. 1917–1939 гг.
7. *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политической “равноудаленности” министра Ю. Бека. М., 2004.
8. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 122.
9. Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 15.
10. Внешняя политика Чехословакии. 1918–1939. М., 1959.
11. *Климовский Д.С.* Германия и Польша в локарнской системе европейских отношений. Из истории зарождения второй мировой войны. Минск, 1975.
12. *Zahraníční politika.* 1933.
13. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558.
14. *Kozenski J.* Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań, 1964.
15. *Лазько Р.Р.* Перад патапам. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939). Мінск, 2000.
16. *Namier L.B.* Europe in Decay 1936–1940. London, 1950.
17. *Правда.* 5 VII 1933.
18. Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI.

© 2008 г. *М. И. МЕЛЬТЮХОВ*

ОДИН ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМНОГО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ГЕРМАНСКИХ И СОВЕТСКИХ ВОЙСК В ПЕРИОД ПОЛЬСКОГО ПОХОДА 1939 ГОДА

28 сентября 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор о дружбе и границе, согласно которому границей “между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства” стала линия рек Писса, Нарев до города Остров, Остроленка, река Западный Буг до Крыстынополя, Рава-Русская, Сенява, река Сан до истоков. 2 октября в Москве в ходе переговоров наркома обороны маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова и начальника Генштаба РККА командарма 1 ранга Б.М. Шапошникова с представителями германского военного командования генерал-лейтенантом Э. Кестрингом, полковником Г. Ашенбреннером и подполковником Г. Кребсом была достигнута договоренность об отводе находившихся западнее новой демаркационной линии войск Красной Армии и продвижении вермахта на восток. Согласно подписанному протоколу движение войск следовало начать с утра 5 октября, и к исходу 12 октября войска сторон должны были завершить продвижение к новой демаркационной линии. Отвод советских и продвижение германских войск велись в соответствии с планом, и к вечеру 13 октября вермахт вышел к демаркационной линии на всем ее протяжении [1. С. 526–532, 536–540, 551]. В ходе этого передвижения имел место проход германских войск по контролируемой Красной Армией территории. К сожалению, впервые упомянувший об этом факте С.З. Случ [2. С. 53] не привел каких-либо подробностей. Теперь рассекречены новые материалы Российского государственного военного архива (РГВА), позволяющие более обстоятельно исследовать эту проблему.

Готовясь к продвижению на новую советско-германскую демаркационную линию в районе среднего течения р. Сан, представители войск сторон обсуждали выполнение достигнутого соглашения. В частности, в 9 ч. утра 4 октября состоялись переговоры представителя штаба 96-й стрелковой дивизии полковника Богданова с немецкими представителями, в ходе которых выяснилось, что “на переход р. Сан немецкое командование приказа не имеет”. Было

решено провести новую встречу представителей сторон в 13 ч. 5 октября, в ходе которой стало известно, что в 8 ч. утра 6 октября немецкие войска начнут переправу в районе Кшешува, откуда будут отводиться советские части, и двинутся к Билгоруа [З. Д. 124. Л. 62].

Тем временем в 3 ч. утра 5 октября начальник штаба 17-го стрелкового корпуса Украинского фронта полковник Гольцов приказал начальнику штаба 97-й стрелковой дивизии к 7 ч. утра направить делегатов на сторожевые участки для переговоров с немцами, в ходе которых следовало договориться о взаимном продвижении войск. “Предупредите своих делегатов по переговорам с немцами не допустить возведения переправы у Сенява против нашей территории, пусть делают ее севернее Сенява на своей территории” [З. Д. 156. Л. 129]. В тот же день в штаб 6-й армии было доложено о том, что командир 17-го стрелкового корпуса “комдив [К.С.] Колганов был в Сенява, где вел переговоры с представителями немецкого командования. Переправу у Сенява он не разрешил. Немцы начинают действовать с утра 7.10.39. Комдив Колганов смотрел их план, он соответствует нашему плану” [З. Д. 147. Л. 31].

Как докладывал в 22 ч. 5 октября в штаб 17-го стрелкового корпуса начальник штаба 96-й стрелковой дивизии, “немецкими частями, расположенными на зап[адном] берегу р. Сан на участке [дивизии], в течение 4 и 5.10 проводилась подготовка к переправе через р. Сан в районе Кржешув [Кшешув], Сенява и Лешахув [Лежайск]. Никаких попыток к организованной переправе со стороны немецких войск за этот период не обнаружено. После переправы отдельных немецких солдат и офицеров на наш берег, они возвращались обратно, когда им было сказано о закрытии перехода на территорию, занятую нашими войсками” [З. Д. 122. Л. 262]. С утра 5 октября немецкие войска в районе Сенявы навели мост через р. Сан. Советским представителям было сообщено, что переправа начнется в 10 ч. по местному времени 6 октября в пунктах Сенява, Гецов и Ниско [З. Д. 80. Л. 25; Д. 129. Л. 89; Д. 349. Л. 38].

В 23 ч. 10 мин. 5 октября начальник Генштаба Б.М. Шапошников и военком Генштаба полковник Н.И. Гусев направили командующему войсками Украинского фронта распоряжение № 095: “Ввиду просьбы германского главного командования народный комиссар приказал разрешить с утра 6 октября продвижение германских частей по шоссе через Сенява в северо-восточном направлении через госграницу на германскую территорию и по шоссе Ярослав – Олешница – Цешанув так же на германскую территорию. Через местных делегатов урегулировать все вопросы, связанные с этим продвижением и соблюсти, чтобы не было перекрещивания колонн с нашими войсками. Получение и исполнение подтвердить” [4. Д. 7. Л. 31; 5. Д. 169. Л. 52–53].

В 1 ч. 30 мин. 6 октября начальник штаба Украинского фронта комдив Н.Ф. Ватутин направил командующим 5-й и 6-й армий соответствующий приказ: “Ввиду просьбы германского командования народный комиссар приказал разрешить с утра 6 октября продвижение германских войск через Сенява по шоссе в северо-восточном направлении на Тарногород и по шоссе Ярослав – Олешница – Цешанув на германскую территорию. Командарму-6 через своих делегатов урегулировать все вопросы, связанные с этим продвижением, чтобы не получилось перекрещивания колонн. Поставить германскому командованию условие к исходу 8.10 не продвигаться далее рубежа Цешанув, Юзефов, Шебрешин. Командарму-5 отход 140[-й] с[трелковой] д[ивизии] спланировать так, чтобы к исходу 8.10 она отошла за линию границы на участке Любыча,

Любачув. Исполнение донести. Получение подтвердить” [4. Д. 7. Л. 42 – 42об.; 5. Д. 169. Л. 56–58].

Пока это приказание шифровалось и передавалось в штабы армий, в 1 ч. 50 мин. 6 октября Ватутина вызвал к прямому проводу оперативный дежурный Генштаба майор Клименко:

“– Здравствуйте, тов. комдив, мне приказано узнать лично у Вас, когда должно Военсовету о посланном Вам распоряжении в отношении пропуска германцев через нашу границу и отдан[о] ли соответствующее указание и как[о]е нашим войскам?

– Мне эта директива доложена в 1.10. Сейчас разрабатывается указани[е] нашим войскам о пропуске немцев через нашу территорию, которым будут показаны следующие маршруты Ярослав шоссе на Цешанув с условием выхода передовых частей немцев к Цешанув только к исходу 8/10. Второй маршрут Сенява – Тарногород – Билгорай с условием выхода в район Тарногород к исходу 6/10. Передовыми частями на фронт Билгорай – Пискаляки (20 км юго-восточнее Билгорай) к исходу 7/10. Наши части освободят дороги на указанных маршрутах и о деталях договорятся через своих представителей.

– Тов. комдив, а как в отношении переправы в районе Сенява? Знает ли командующий об этой директиве?

– Немцы сами должны строить себе переправу. Я Вам уже сказал, что распоряжение сейчас будет передаваться. Командующий еще не знает” [5. Д. 169. Л. 54 – 55].

Несколько позднее состоялся разговор по прямому проводу Ватутина с не названным представителем командования 6-й армии (вероятно, с командующим комкором Ф.И. Голиковым. – *М.М.*):

“– Прошу доложить комбригу (так в тексте. – *М.М.*) Ватутину, правильно ли я понял передачу приказа наркома полковником Даниловым, что завтра германские войска будут проходить по расположению 96 и 97 дивизий из Сенява на Тарногород, из Ярослава на Олежище [Олешица]. Докладываю: такое движение их нам не выгодно. Прошу разрешить им завтра, 6/10, двигаться только из Сенява на Тарногород и после того [как] 96[-я] с[трелковая] д[ивизия] будет отведена на государственную границу Олежище [Олешица], Молодыча, 7/10 дать им двигаться из Ярослава на Олежище [Олешица]. Тогда 96[-я] с[трелковая] д[ивизия] будет отведена в свой район Краковец. Прошу доложить лично тов. Ватутину и мне сообщить результат.

– У аппарата комдив Ватутин.

– Тов. комдив, прошу прочитать то, что я передал на ленте и дать мне указание. Жду.

– Приказ наркома Вы поняли правильно. Нарком обороны разрешил пропустить немцев 6/10. Если вы сможете договориться с немцами о движении их из Ярослава только 7/10, то против этого возражений нет. Если же немцы будут настаивать на движении 6/10, то на это необходимо пойти. Принять меры к тому, чтобы не было перекрещивания колонн и освободить районы, выяснить места остановок немцев и не допустить перемешивания их с нашими частями. Все.

– Тов. комдив, я вас понял и выполню точно. Все.

– Примите меры, чтобы немедленно передать распоряжение войскам. Проконтролируйте выполнение и установите более тесную связь с представителями немецкого командования. Все.

– От нас будут командированы 2 штабных командира для урегулирования с немцами. Поедут полковник Гусев и майор Шишов. Все.

– Хорошо. До свидания” [4. Д. 7. Л. 96–97].

В 18 ч. 13 мин. 6 октября оперативный дежурный Генштаба майор Боровик передал в штаб Украинского фронта, что “комкор Смородинов требует немедленно дать окончательное решение командующего о пропуске немцев через Сенява.” В 21 ч. 05 мин. – 21 ч. 18 мин. оперативный дежурный штаба фронта майор Федоров передал в Москву вышеуказанное приказание, которое было еще в 1 ч. 30 мин. направлено в штабы 5-й и 6-й армий [5. Д. 169. Л. 56–58].

Пока шли все эти переговоры, в штаб 6-й армии из штаба 17-го стрелкового корпуса было доложено о том, что “майор Ковалев в 18.30 вел переговоры [с] командованием немецкой первой п[ехотной] д[ивизии] в Ярославле. Командование этой дивизии от движения по маршруту Ярослав – Олешнице – Цешанув отказывается. Эта дивизия целиком пойдет через Сеняву. По мнению немецкого командования, по маршруту Ярослав, Цешанув возможно движение немецких частей расположенных южнее первой п[ехотной] д[ивизии], причем это движение сможет начаться не раньше 8 октября. Движение первой п[ехотной] д[ивизии] через Сеняву начнется в 11.00 7 октября. Командование первой п[ехотной] д[ивизии] просит разрешения выслать в ночь на 7 октября сапер[ов] для ремонта шоссе на участке Сенява – Тарногород, на что прошу Ваших указаний”. В ответ штаб 6-й армии сообщил о разрешении “пропустить немецких сапер[ов] для ремонта шоссе только с рассветом” [3. Д. 147. Л. 56–57]. Тем временем в 10 ч. 6 октября 7-й пехотный полк вермахта переправился через р. Сан около Кшешува на участке 209-го стрелкового полка 96-й стрелковой дивизии и выступил в направлении города Билгорай. Советские части с 12 ч. стали отводиться от Кшешува на юго-восток к Сеняве [3. Д. 80. Л. 21; Д. 122. Л. 269; Д. 129. Л. 89; Д. 348. Л. 39].

В 9 ч. 10 мин. 7 октября оперативный дежурный Генштаба майор Боровик запросил оперативного дежурного штаба Украинского фронта майора Федорова: “Выясните у нач[альника] 1 отдела проходили ли вчера 6/10 немецкие войска через Сенява?” В ответ Федоров сообщил, что “не проходили немецкие войска вчера 6/10 через реку у Сенява” [5. Д. 169. Л. 59]. В 14 ч. 31 мин. 7 октября оперативный дежурный Генштаба майор Куцев вновь запрашивал штаб Украинского фронта: “Проходили ли немцы на северо-восток через р. Сан у Сенява, если да, то когда и сколько” [5. Д. 185. Л. 72]. В 16 ч. 7 октября начальник штаба 97-й стрелковой дивизии доложил в штаб 17-го стрелкового корпуса: “С утра начался пропуск германских войск через р. Сан у Сенява по дороге Сенява – Тарногород, прошли следующие части:

а) В 9.07 прошли саперные части пешим порядком 68 чел.

б) С 11.00 по 12.00 прошло: мотоциклистов – 38; легков[ых] машин – 29; пушек на мехтяге – 29; машин с пехотой – 14; машин с грузом – 15; машин с кухнями – 3; кухню на конной тяге – 1. Количество пехоты, посаженной на машинах уточняется” [3. Д. 122. Л. 284]. В 8.30 – 9.27 8 октября оперативный дежурный штаба Украинского фронта майор Куприянов доложил в Генштаб, что “по донесениям 5 и 6 армий движения немецких войск в северо-восточном направлении в течение 6/10 не было. По донесению шта[ба] 17[-го корпуса] немецкие войска 7/10 проходили [через] Сенява на Тарногород в следующем порядке: одна колонна – голова Сенява в 11.25, хвост в 11.30; вторая автоколон-

на с людьми в 11.45 через Сенява, третья колонна с людьми в 11.50 через Сенява. Все движение на Тарноград”. Далее сообщались вышеуказанные сведения о количестве прошедших войск, и отмечалось, что “по дороге Ярослав, Олешнице движения немецких частей нет, ожидается движение с 8.00 – 11.00 8.10” [5. Д. 176. Л. 58]. Начавшееся 7 октября движение германских войск через Сеняву, а с 9 октября и через Ярослав, отразилось в большом количестве донесений и сводок штабов 97-й, 99-й стрелковых дивизий и 17-го стрелкового корпуса, на основании которых штаб 6-й армии ежедневно издавал обобщающие разведсводки, содержащие сведения о времени и количестве прошедших войск.

Если на переговорах 6 октября представители вермахта отказались от использования дороги Ярослав – Цешанув, то утром 8 октября подполковник вермахта Гейгендорф заявил, что “германские части хотят продвигаться по дороге Ярослав – Олешнице – Цешанов 9 октября в 9.00 средневропейского времени” [3. Д. 121. Л. 1]. Уже в 10 ч. – 10 ч. 25 мин. командирам 97-й и 99-й стрелковых дивизий из штаба 17-го стрелкового корпуса было по телефону сообщено о том, что “передвижение германских войск по дороге Ярослав – Олешнице разрешено. О чем сообщите германскому командованию. Получите сведения о времени начала и конца движения войск. Подготовьте регулирование движения на дороге Ярослав – Олешнице и примите необходимые меры к укрытию от наблюдения наши войска” [3. Д. 121. Л. 3–4]. В 23 ч. 25 мин. представитель штаба 97-й стрелковой дивизии доложил в штаб 17-го стрелкового корпуса: “Переговоры с представит[елями] немецкой армии в Ярославе назначены на 9.00 9.10.39. Переправа в Ярославе еще не готова и, очевидно, завтра еще не будет окончена” [3. Д. 151. Л. 76]. В 23 ч. 50 мин. 8 октября в штаб корпуса поступил приказ командующего 6-й армии: “Пропуск немецких частей разрешен: 1. По дороге Сенява – Тарноград до 20.00 9/10. 2. По дороге Ярослав – Олешнице – Цешанув до 20.00 10/10 (по московскому времени). После указанного времени границу закрыть. Через своих делегатов об этом договоритесь с представителями немецкого командования” [3. Д. 121. Л. 23]. Соответствующее распоряжение было сразу же передано в штабы 97-й и 99-й стрелковых дивизий [3. Д. 121. Л. 16].

Естественно, советская военная разведка, которая отслеживала перемещения германских войск в приграничной полосе, внимательно наблюдала за проходящими по контролируемой Красной Армией территории частями вермахта и фотографировала их [3. Д. 135. Л. 6, 16, 26]. Как отмечалось в вечерней разведсводке № 24/р штаба 6-й армии от 9 октября, 8 октября продвигались немецкие «солдаты с перевернутыми погонами, однако, у некоторых погоны не перевернуты и имеют цифры 132, 84, 80, 124, 22, 138, 9. Солдаты с цифрой на погонах 22 по специальности саперы, а с цифрой 9 автобронетанковых частей. На некоторых автомашинах надписи “6/gon” и “1/gö”. Исключительное большинство машин специальные военные и очень мало призванных по мобилизации гражданских. Многоместные легковые машины полубронированы, брон[я] до половины кузова. Большая часть пулеметов и прочей техники закрыта брезентами. На мотоциклах, очевидно, были ручные пулеметы, но сняты (это заметно по дуге, на которой укрепляется пулемет). Все грузовые машины и прицепы укрыты брезентами. Открытыми перевозились зенитные спаренные пулеметы (по внешнему виду ручные, воздушного охлаждения), 20 мм противотанковые пушки, небольшое количество 45 мм орудий ПТО,

45 мм мортиры, 75 мм орудия с раздвижными станинами лафета и два орудия 100 или 105 мм.

По рассказам одного германского офицера, через Сенява проходят части 44[-й] п[ехотной] д[ивизии]. По его заявлению, до этого части прошли 70 км, однако, по внешнему виду этого не заметно. Все солдаты в сапогах, в то время как солдаты германских частей, находившихся до сих пор перед частями армии [были] в горных ботинках и коротких обмотках. Таким образом, части, проходящие через Сенява, являются новыми частями, выдвинутыми из тыла. Это подтверждается разговорами с одним германским офицером, который на вопрос, когда будут двигаться части по дороге Ярослав – Олешница, заявил, что он этого не знает и выяснить не может, так как они не имеют связи с Перемышлем. Необходимо отметить, что немцы, очевидно, для скрытия организационного строения своих частей, применяли чрезвычайно запутанное построение своих колонн. Так, например: сначала двигалась пехота, затем автотранспорт, после чего артиллерия, обоз, автотранспорт, бронемашины и т.д.

Части двигались небольшими колоннами и с большими интервалами чрезвычайно растянуто, что затрудняло определение организационной структуры частей. Состав стр[елковой] роты около 150 чел., колич[ество] ручн[ых] пулеметов, ружейных мортир, ст[анковых] пулеметов не установлено, так как на людях их нет – все, очевидно, в обозе и укрыто брезентами. [...] Через р. Сан в р[айо]не Ярослав с утра 9/10 устанавливается переправа. По окончании этой работы предполагается выдвижение германских частей из р[айо]на Ярослав” [3. Д. 80. Л. 34–35; Д. 124. Л. 96; Д. 129. Л. 103; Д. 348. Л. 48–49; Д. 349. Л. 47–48].

Исходя из общего количества прошедших войск, вечерняя разведсводка № 25/р штаба 6-й армии за 10 октября указывала, что “в течение дня [9 октября] через Сенява прошли: один пехотный полк, один артиллерийский полк гаубичный на конной тяге со своими штабом и тылами и, очевидно, танковый парк пех[отной] дивизии. Движение германских частей чрезвычайно растянуто. Установить нумерацию проходящих германских частей не представляется возможным, так как погоны у большинства перевернуты обратной стороной или цифры закрыты лентами. От разговоров по этому вопросу офицеры и солдаты уклоняются. Переправой руководит офицер штаба пехотн[ой] дивизии, размещенной в Ярослав” [3. Д. 124. Л. 103–104; Д. 129. Л. 111–112; Д. 348. Л. 50–51; Д. 349. Л. 50–51]. Поначалу советская разведка полагала, что “через Сенява проходили части 1[-й] германской дивизии”, входившей в состав 18-го армейского корпуса вермахта [5. Д. 209. Л. 60–61]. Однако, в конце концов, удалось установить, что “10/10 по маршруту Ярослав – Олешница – Томашов выдвигались части 44[-й] п[ехотной] д[ивизии] 17[-го] а[рмейского] к[орпуса]” [5. Д. 209. Л. 70–71].

В 9 ч. утра 9 октября оперативный дежурный Генштаба РККА майор Гунев запрашивал штаб Украинского фронта: “Сообщите, проходили ли немецкие войска 8/10 по нашей территории с направлением от Ярослав на северо-восток. Жду оперсводку у аппарата” [4. Д. 7. Л. 43]. В ответ начальник 1-го отдела штаба Украинского фронта комбриг В.М. Злобин в 11 ч. сообщил в Москву, что “по данным от 6 армии вчера 8.10.39 через Ярослав не проходили немецкие войска”. Далее сообщались цифровые данные о прошедших через Сеняву войска из сводки штаба 6-й армии [5. Д. 176. Л. 62–63; Д. 185. Л. 74–75]. Тем временем в 12 ч. 20 мин. 9 октября командование 99-й стрелковой ди-

визии доложило в штаб 17-го стрелкового корпуса о том, что “в 8.00 9.10.39 немецким командованием передана записка в шта[б] див[изии], в которой указано, что немецкие войска начнут переход р. Сан в Ярославле и будут двигаться по дороге Ярослав – Олешнице с 9.00 9.10.39 г. до 20.10.39 (время средневропейское). Про ежедневное пользование дорогой Ярослав – Олешнице немецкое командование будет сообщать в 17.00 (средн[е]вроп[ейское] время) на мосту через р. Сан в Ярославле” [3. Д. 121. Л. 13]. В 15 ч. 50 мин. начальник штаба корпуса доложил в штаб 6-й армии: “В переговорах с немецким командованием подполковник Гейгендорф сообщил: ввиду плохих дорог и растянутости частей они закончить передвижение войск по дороге Ярослав, Олешнице до 20.00 10.10.39 не могут. Подполковник Гейгендорф просит продлить срок до 20 октября. Если по дороге Ярослав – Олешнице до 20 октября нельзя, то просит дать другую дорогу севернее до этого же срока” [3. Д. 121. Л. 17].

В 20 ч. 50 мин. 9 октября в телефонном разговоре с начальником 2-й части штаба 97-й дивизии майором Ковалевым начальник 2-го отдела штаба 17-го корпуса майор Андреев сообщил: “Пропуск немецких частей разрешен:

- 1) По дороге Синява – Тарногород до 20.00 9.10.
- 2) По дороге Ярослав – Олешнице до 20.00 10.10.

После указанного времени границу закрыть, о чем договориться с немецким командованием. Когда начнут переправляться немецкие части у Ярослав[а]?

– Начнут переправу завтра (10/10 в 6.00). Сегодня без договоренности со мной нач[альник] заставы пропустил колонну нем[ецких] войск состоящую: 1) легк[овых] машин – 20, 2) мотоциклов – 10, 3) раций – 1, 4) автомашин грузовых с пехотой на каждой 20 – 22 чел. – 6, 5) 5-тонн[ые] автомашины – 11, 6) 5-тонн[ые] автомашины с прицепами – 3” [3. Д. 121. Л. 11].

В 7 ч. 20 мин. 10 октября в штаб 17-го стрелкового корпуса из 97-й дивизии поступил новый запрос: “Командование немецких войск просит продлить движение частей через Сенява до 12.10.39 г. Время прибытия ответа они ожидают сегодня к 9 часам. Просим ваших указаний” [3. Д. 121. Л. 29]. Запросив штаб 6-й армии, штаб корпуса уже в 7 ч. 40 мин. получил ответ, который в 8 ч. 15 мин. был сообщен оперативному дежурному по штабу 97-й дивизии: “Сообщается, что пункт Сенява открыт для прохождения немецких войск до 20.00 10.10.39 г. Возбуждено ходатайство о разрешении продлить срок прохождения немецких войск через Ярослав или Сенява до 20/10. Ответ ожидается до 17.00, о чем немедленно сообщите немецкому командованию” [3. Д. 121. Л. 27–28; Д. 135. Л. 14]. В 0 ч. 55 мин. 11 октября штаб 6-й армии сообщил командиру 17-го корпуса: “Немцев разрешено пропускать до 20/10 через мост у Сенява. Движение через границу у Ярослава закрыть с 11/10” [3. Д. 147. Л. 95–95об.]. Однако уже утром 11 октября немецкие представители стали настаивать на продлении срока движения через Ярослав. В конце концов, в 12 ч. 30 мин. 11 октября из штаба 6-й армии поступил следующий ответ: “На Ваш запрос о продлении срока по маршруту через Ярослав разрешите им движение беспрепятственно. О сроках этого установления Вам будет сообщено дополнительно” [3. Д. 147. Л. 104].

В 16 ч. 50 мин. 11 октября начальник 2-й части штаба 99-й стрелковой дивизии майор Цыганков передал в штаб 17-го стрелкового корпуса письмо, подписанное подполковником Гейгендорфом: “Гов. коменданту г. Перемышль! Я принужден сообщить Вам, что Главное командование Германской армии не

согласно с Вашим решением не допустить использования нами дороги Ярослав – Олешнице. Это Ваше решение совершенно противоречит московским соглашениям, дорога через Сеняву ввиду ее скверного состояния, не может быть использована, и мы принуждены пользоваться дорогой через Ярослав, идя Вам навстречу, зная плохое состояние дороги, мы согласны замедлить движение наших войск к Бугу, если Вы удовлетворите нашу просьбу. 12 октября с.г. от 6 часов по среднеевропейскому времени освободите нам дорогу через Ярослав, что будет в согласии с московским соглашением” [3. Д. 121. Л. 46–46об.]. Собственно, сложности продвижения немецких частей отмечались и советскими разведчиками. Как указывалось в вечерней разведсводке № 27/р штаба 6-й армии от 12 октября, 11 октября “наблюдением установлено, что проходящие германские части испытывают большие трудности из-за плохого состояния дороги Сенява – Тарногород, что подтверждается присланным письмом подполковником германской армии Гейгендорфом, в котором просит германское командование о разрешении пропуска частей по дороге Ярослав – Олешнице. 11/10 из-за плохого состояния дороги образовался затор колонн. За период с 7/10 по 11/10 вкл[ючительно] через пункт Сенява прошла одна пех[отная] дивизия германской армии. По дороге Ярослав – Олешнице проходили небольшими колоннами транспортные автомашины” [3. Д. 80. Л. 58; Д. 129. Л. 124; Д. 122. Л. 381; Д. 124. Л. 136; Д. 348. Л. 53; Д. 349. Л. 32–32об.].

В 4 ч. утра 12 октября начальник штаба 17-го корпуса сообщил командирам 97-й и 99-й стрелковых дивизий приказ штаба 6-й армии: “Командующий Укрфронтом разрешил движение германских войск по дороге Ярослав – Олешнице с 8.00 12/10 в течение всего дня. Дополнительные указания будут даны к исходу дня 12/10 (о прекращении или дальнейшем движении). Примите необходимые меры по организации соответствующего порядка на данной дороге с выставлением расторопных и образцовых маяков. Примите меры маскировки своих войск. Немедленно поставьте в известность представителя германского командования” [3. Д. 121. Л. 34, 35]. Однако на переговорах с представителями вермахта выяснилось, что “немцы просят еще раз о продлении срока по маршруту через Ярослав до 15/10. с.г. Ответ наш о разрешении им движения по этому маршруту в течение дня 12/10 с.г. их не удовлетворяет”. Штаб 17-го стрелкового корпуса дважды в течение дня просил штаб 6-й армии “дать указания для ответа немецкому командованию” [3. Д. 147. Л. 99, 102].

В 23 ч. 45 мин. 12 октября командующий 6-й армии направил командиру 17-го корпуса приказ: “Пропуск германских войск по шоссе Ярослав, Олешнице разрешается. Ответ германскому командованию вручить за Вашей подписью в нижеследующей формулировке: “От высшего командования Красной Армии разрешение на продвижение германских войск по шоссе Ярослав – Олешнице было получено на 12/10. Дальнейших указаний пока не получил. Но, учитывая Вашу просьбу, под свою ответственность, дальнейшее продвижение Ваших войск по названному маршруту с утра 13/10 приказал допустить. Комдив Колганов”. Ответ послать и довести его до сведения германского командования через комбрига Турунова немедленно” [3. Д. 121. Л. 39]. Получив в 1 ч. 30 мин. 13 октября этот приказ, командир корпуса в 2 ч. поставил командиру 99-й дивизии задачу вручить соответствующий ответ немцам [3. Д. 121. Л. 40–41, 43]. Как было позднее доложено в штаб 6-й армии, “распоряжение о пропуске германских войск по дороге Ярослав – Олешнице вручено немецкому

командованию на мосту в Перемышль по нашему времени в 4 часа 40 минут 13/10” [3. Д. 121. Л. 33].

В 14 ч. 13 октября командованию Украинского фронта было направлено распоряжение наркома обороны № 195/ш, согласно которому “движение немецких войск через Сенява и город Ярослав на Томашов, на север и северо-восток к германской границе разрешается до 20/10 с соблюдением определенного порядка и наблюдения. Назначить ответственных людей, которым поручить следить за беспрепятственным и нормальным прохождением в указанных пунктах немецких войск” [5. Д. 176. Л. 61].

Движение германских войск по вышеуказанным дорогам продолжалось, хотя и становилось все менее интенсивным. Одновременно с линии границы 16 октября были отведены части Красной Армии [6. С. 280, 283]. Получив соответствующее распоряжение штаба 6-й армии № 00106, начальник штаба 17-го стрелкового корпуса 17 октября направил командирам 96-й и 99-й стрелковых дивизий приказ № 01: “В связи с передачей охраны границы пограничным войскам НКВД, ведение дальнейших переговоров с германским командованием по вопросам пограничного режима, так и другим вопросам, передать командованию пограничных частей.

Командир 17[-го] с[трелкового] к[орпуса] приказал:

Командирам и комиссарам дивизий для того, чтобы быть в курсе событий на границе иметь тесный контакт с командованием погранчастей и о всех ненормальных явлениях на границе немедленно доносить командиру корпуса.

Соответствующие распоряжения 92 и 93 погранотрядам даны” [3. Д. 121. Л. 59].

20 октября в штаб 6-й армии поступили телеграммы начальников Генштаба № 0132 и штаба Украинского фронта № А0126, на основании которых в штаб 17-го стрелкового корпуса 25 октября было направлено распоряжение за № в/0153. В свою очередь начальник штаба корпуса 28 октября направил начальникам штабов 96-й и 99-й дивизий приказ № 09: “Народный комиссар обороны пропуск через переправу у Сенява транспортов, машин и грузов германской армии разрешил до 3 ноября 1939 г. Переговоры по данному вопросу с германским командованием возложены на начальника погранвойск” [3. Д. 121. Л. 61–62]. Однако последним из известных документов, в котором упоминается продвижение германских войск по контролируемой советскими войсками территории является вечерняя разведсводка штаба 6-й армии № 37/р за 22 октября, отмечавшая, что “с 10.30 20.10.39 через Сенява прошло 2 грузовых машины немецкие” [3. Д. 348. Л. 69]. В вечерней разведсводке штаба 6-й армии № 38/р за 23 октября констатировалось, что “данных о движении германских войск через Сенява [и] Ярослав не поступало” [3. Д. 348. Л. 70]. В последующих сводках никакой другой информации по этому вопросу также не содержится.

Таким образом, вышеприведенные документы позволяют получить общее представление о малоизвестном факте советско-германских отношений в октябре 1939 г. Советское командование было готово пропустить германские части в направлении р. Западный Буг уже 6 октября, то есть сразу же вслед за отходящими на юго-восток соединениями Красной Армии, по территории, которая в соответствии с советско-германским договором от 28 сентября была отнесена к сфере интересов Германии. Единственной контролируемой Красной Армией территорией, по которой должны были пройти части вермахта,

являлся выступающий на запад район между р. Сан и Цешанув. Реально же германские войска проходили 7 – 20 октября по шоссе Сенява – Тарногород (в том числе 8 км по контролируемой советскими войсками территории). Всего советская разведка отметила проход по этому шоссе с запада на восток 3 722 лошадей, 12 легких и 6 средних бронемашин, 1 902 различных автомашин с 191 орудием, 46 станковыми и 146 зенитными пулеметами, 679 мотоциклов, 705 велосипедистов, 848 различных повозок, 106 походных кухонь и не менее 16 493 военнослужащих вермахта. 9 – 19 октября части вермахта проходили по шоссе Ярослав – Цешанув (в том числе примерно 40.7 км по контролируемой Красной Армией территории). Всего, по данным советских наблюдателей, по этому шоссе прошло с запада на восток 1 015 различных автомашин с 7 орудиями, 139 мотоциклов, 1 парная повозка, 4 походные кухни и не менее 4 570 военнослужащих вермахта (все вышеприведенные цифры подсчитаны по [3. Д. 80. Л. 33, 34–35, 40, 52–53, 54, 58; Д. 122. Л. 309, 321, 363, 381; Д. 124. Л. 89, 96, 103–104, 108, 136, 140, 152; Д. 129. Л. 94, 103, 111–112, 121–122, 124, 126, 129; Д. 135. Л. 1–1об., 3–4, 34–34об., 36–37; Д. 348. Л. 44, 48–49, 50–56, 59, 62, 65–66, 68–69; Д. 349. Л. 32–32об., 45, 47–48, 50–51, 55–56, 58, 61, 97]). Использовались ли эти дороги для переброски частей вермахта после 20 октября пока, к сожалению, остается неизвестным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. 2-е изд., исправ. и доп. М., 2004.
2. Случ С.З. Советско-германские отношения в сентябре – декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000. № 5.
3. Российский государственный военный архив. Ф. 900. Оп. 2.
4. Российский государственный военный архив. Ф. 35084. Оп. 1.
5. Российский государственный военный архив. Ф. 37977. Оп. 1.
6. Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. Сборник документов и материалов. М., 1970.

© 2008 г. *Н. С. ПИЛЬКО*

ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К НЕМЕЦКОМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ МЕНЬШИНСТВУ В СЛОВЕНИИ В КОНЦЕ 1930-Х – НАЧАЛЕ 1940-Х ГОДОВ

После отделения славянских земель от Австро-Венгерской монархии и образования Королевства сербов, хорватов и словенцев (впоследствии Королевство Югославия) в состав нового государства вошли некоторые земли Цислейтании (Словения, Истрия, Далмация) и Транслейтании (Хорватия, Славония, Воеводина) с проживающим там немецкоязычным населением. Многие предпочли покинуть эти территории, другие же остались в Югославии, приняв югославское гражданство. Согласно переписи 1931 г., проведенной в Югославии, из 13 934 038 человек 499 969 (или 3.59% всего населения) назвали немецкий язык родным [1. S. 19]. На территории Дравской бановины (современная Словения), согласно данным той же переписи проживало 28 998 человек, которые своим родным языком считали немецкий, что составляло 2.5% от всего населения Словении [1. S. 19]. Есть и другие цифры, несколько отличающиеся от приведенных выше. Это данные собранные специальным статистическим отделом (Statistische Stelle) ведущей организации немецкого меньшинства – Швабско-немецкого культурного союза (Kulturbund). Согласно собранным этим отделом материалам, в Словении к 1941 г. проживало 28 075 “чистокровных” немцев [1. S. 17]. Некоторые исследователи считают эти данные более репрезентативными, поскольку в проведенной югославскими властями переписи главным критерием был родной язык, а не национальная принадлежность.

Положение немцев в Югославии имело свою специфику, заключавшуюся в том, что из господствующей нации, каковой они являлись в Габсбургской монархии на протяжении нескольких сот лет, после ее распада они превратились в меньшинство, которое было вынуждено бороться за сохранение своей национальной идентичности и отстаивать свои права.

Для сохранения своей культуры, обычаев и языка немецкое меньшинство создавало специализированные общества и организации. В Словении первые из них стали появляться в начале 1920-х годов. В основном их деятельность ограничивалась проведением культурных и спортивных мероприятий. Среди них можно выделить несколько наиболее крупных организаций: “Немецкий школьный союз южной провинции”, “Национальный союз немцев, находящихся за

Пилько Надежда Сергеевна – канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

границей”, “Союз восточных немцев”, “Культурная лига” и др. Первоначально это были весьма миролюбивые общества. Однако с приходом к власти в Германии в 1933 г. Национал-социалистической рабочей партии (НСДАП) эти организации постепенно приобрели политическую окраску. Их руководство начало выдвигать такие требования, как признание национальной самобытности немцев в конституции, право самостоятельного решения всех вопросов немецкой общины, а также введения ее национального устройства в соответствии с духом и мировоззрением германской нации.

Как таковая проблема немецкого меньшинства наиболее остро встала перед югославским правительством в последние предвоенные годы. Связано это было, в первую очередь, с тем, что к середине 1930-х годов одним из ведущих экономических и политических партнеров Югославии становится Германия, которая постепенно занимает господствующее положение во всех отраслях югославской экономики и в связи с этим недвусмысленно вмешивается во внешнюю и внутреннюю политику государства. За период с 1935 г. по 1940 г. Германия практически вытеснила других экономических партнеров и установила контроль над югославской экономикой. После аншлюса Австрии (1938 г.) и оккупации Чехословацкой республики (1939 г.) на Германию вместе с захваченными ею территориями приходилось 45.8% югославского экспорта и 54% импорта [2. С. 260]. В 1939 г. она прочно заняла первое место во внешнеторговом обороте Югославии, окончательно вытеснив Англию и Францию.

Нацистская Германия доказала свою жизнеспособность, а это не могло не повлиять на самосознание немцев не только в Германии, но и за ее пределами. Широкую популярность получает идея воссоздания великой Германской империи. Подобные настроения не обошли стороной и немцев Югославии.

В начале 1930-х годов из всех организаций немецкого меньшинства на авансцену выходит Культурный союз. В Словении первые центры этой организации появляются в 1931 г. в Мариборе и Целье, в Любляне – в 1932 г. После 1933 г. идеологическая база подобного рода объединений претерпела значительные изменения. Югославскими спецслужбами был установлен факт сотрудничества членов Культурного союза с германскими спецслужбами, которые наряду с разведывательной деятельностью занимались популяризацией нацистской идеологии. В 1935 г. все центры Культурного союза были закрыты. Эти действия по отношению к Культурному союзу вызвали негативную реакцию правительства Германии. Немецкий посланник в Белграде фон Геерен пытался оказать давление на главу югославского правительства М. Стоядиновича, указывая, что такая политика окажет отрицательное воздействие на германо-югославские отношения. Но на данном этапе протесты Германии не дали результатов. Культурный союз перешел на нелегальное положение. Официально он был распущен, но остались различные так называемые немецкие музыкальные и спортивные общества, на которые и переключили свое внимание нацистские пропагандисты.

Однако, несмотря на довольно жесткие меры, примененные к Культурному союзу, правительство Стоядиновича всячески пыталось показать свою лояльность к рейху. Так, во время своего визита в Германию в январе 1938 г. Стоядинович на встрече с Гитлером заявил, что “Югославия относится с уважением к Германии. Югославия никогда и ни при каких условиях не присоединится к пакту, имеющему антигерманский характер. Немцы и сербы никогда не были врагами, а только противниками” [3. Vol. 5. P. 222]. Но Югославии недолго оставалось играть роль нейтрального государства.

После аншлюса Австрии геополитическое положение Югославии резко изменилось. Германия стала ее непосредственным соседом, что оказало несомненное воздействие на деятельность нацистов в стране. Проблема меньшинства в Дравской бановине теперь занималась организация Миттельштелле (Mittelstelle). Гаулейтер НСДАП Штирии З. Уиберрейтер весной 1938 г. в докладе о положении немцев в Югославии отмечал, что в Сербии и Хорватии более терпимо относятся к немцам, нежели в Словении, где их третируют, срывают значки со свастикой с автомобилей, отбирают газеты с фотографиями Гитлера и т.д. По словам Уиберрейтера, Миттельштелле обязана была взять на себя “ответственность за положение немцев по ту сторону границы” [4. S. 99]. С этой целью при Миттельштелле был учрежден отдел по вопросам немецких беженцев из Югославии, и Словении в частности.

В апреле того же года в Германии состоялся плебисцит по вопросу создания “великой Германии”. Немецкие граждане, находившиеся на территории Югославии, получили возможность принять участие в этом мероприятии и проголосовать в Граце. Однако, когда они возвращались в Югославию, на границе югославские таможенники отобрали у них нацистские значки, портреты Гитлера, знамена со свастикой. Все изъятое было уничтожено. Реакция немецкого посольства последовала незамедлительно. Ответ югославского правительства был не менее резким. Было заявлено, что в стране за последнее время появилось огромное количество немецких офицеров, которые под прикрытием туристических и деловых поездок занимаются агитацией и шпионажем. Вдобавок к этому, государственные власти в Словении директивно запретили использовать приветствие “хайль Гитлер”, нарушение запрета наказывалось денежным штрафом. Но активность организаций немецкого меньшинства, напротив, не снизилась, а стала еще более агрессивной. Это неминуемо привело к столкновениям со славянским населением. Наиболее острая ситуация сложилась в Словении. Одним из способов протеста стало распространение листовок с призывом бойкотировать немецкие фирмы и магазины. Подобное проявление недоброжелательности использовалось руководителями организаций немецкого меньшинства для нагнетания обстановки. Они неоднократно обращались к германскому правительству с просьбами предоставить им оружие для самообороны. Конфликты такого рода участились после подписания Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 г.

В феврале 1939 г. было сформировано новое югославское правительство во главе с Др. Цветковичем. Официально было заявлено, что внешнеполитический курс страны не изменился, одним из ведущих партнеров по-прежнему остается Германия. Тем не менее, югославское правительство всеми силами стремилось остаться в стороне от европейского конфликта, и продолжало придерживаться политики лавирования. Но сохранять нейтралитет становилось все труднее. Особенно сложная ситуация сложилась после Мюнхенского соглашения и распада Малой Антанты. Югославия со всех сторон была окружена фашистскими или профашистскими государствами. Германия постоянно требовала проявления дружеского расположения югославского правительства не на словах, а на деле. Это отразилось и на решении вопроса о немецком национальном меньшинстве. 11 февраля 1939 г. в Белграде состоялась встреча посла Германии с Цветковичем. Посол заявил, что германское правительство удовлетворено неизменностью внешнеполитического курса Югославии. Единственной причиной, которая мешала быть германо-югославским связям безоблачными,

является характер отношения к немецкому элементу в Югославии и, особенно, в Словении [3. Vol. 6. P. 390–391]. Посол также указал, что новая Германия рассматривает хорошее отношение к немцам по ту сторону границы как одно из необходимых условий для продолжения дружбы. Фон Геерен добавил, что особое внимание должно быть уделено проблемам немцев в Словении, и это явится проверкой германо-югославских отношений.

Ультимативный характер германских требований принес свои плоды. Правительство пошло на уступки. В Словении была вновь разрешена деятельность Культурного союза. К 31 марта 1939 г. уже были воссозданы 32 районных комитета. Кроме того, в сентябре того же года немецкому послу в Белграде было сообщено об освобождении всех немцев (граждан Югославии), арестованных в Дунайской и Дравской бановинах по подозрению в шпионаже.

В мае месяце того же года в Граце был образован Юго-восточный немецкий институт (Sudostdeutsches Institut), который активно сотрудничал с немецкими организациями в Словении и занимался в основном проблемами немецкого меньшинства в Юго-Восточной Европе. Но этим его деятельность не ограничивалась. После войны в архивах института были найдены списки, в которых содержались сведения о словенцах, подлежащих выселению из Словении после ее оккупации. Против их фамилий стояли те или иные пометки: “подлежит немедленному выселению”, “враждебно настроен к Германии”, “следует держать под наблюдением” и т.д. [5. С. 344].

В ноябре 1939 г. сменилось руководство Культурного союза. На руководящие посты были назначены члены НСДАП. Именно в этот период внутри Союза происходит раскол на два лагеря. В первый входили приверженцы нацистской идеологии. Оппозицию составляли католически ориентированные немцы и представители немецкого католического духовенства. Они осуждали идеологию новой Германии, антисемитские выпады и отношение к католическому учению. Оппозиционное крыло просуществовало вплоть до апреля 1941 г.

Политика Культурного союза становилась все более агрессивной. Восстановление легальности этой организации позволило проводить помпезные массовые собрания, которые по своей форме отличались от собраний НСДАП только отсутствием портретов Гитлера и знамен со свастикой. Помимо собраний и нацистской пропаганды перед Культурным союзом была поставлена задача вовлечь в эту организацию как можно большее количество немецкой молодежи. Для этого создавались различные спортивные и гимнастические общества. Одним из крупнейших стало общество “Рапид” в Мариборе. Его численность составляла более 800 человек [4. S. 106]. Официальная идея создания подобных обществ объяснялась необходимостью подготовить молодежь “к защите немецкого населения” [4. S. 105]. На самом деле в этих организациях готовили немецкие военные подразделения, которые при вступлении гитлеровской армии на территорию Югославии должны были обеспечить порядок и подавить возможное сопротивление. Другой не менее многочисленный центр по подготовке молодежи находился в словенской области Кочевье. Обусловлено это было тем, что на территории Кочевья проживало компактное немецкое население, потомки средневековых немецких колонистов, считавших эти земли своими. Вся область была разделена на 25 зон, в каждой из которых был образован отряд, так называемый штурм. По своей структуре он мало чем отличался от штурмовых отрядов СА, вводилась даже униформа: черные сапоги, черные брюки для верховой езды, белая рубашка и черная фуражка. Югославское

правительство, несомненно, знало об этом. Еще в апреле 1939 г. югославская разведка установила, что в Словении тайно формируются штурмовые отряды СА [5. С. 345]. Однако противостоять этим явлениям правительство, очевидно, сочло нецелесообразным.

После начала Второй мировой войны Культурный союз развернул активную вербовку югославских немцев в германскую армию. По городам расклеивались листовки с призывом ко всем считающим себя немцами вступать в ряды германской армии. Несмотря на то, что югославское правительство издало указ, запрещающий вербовать в Югославии добровольцев любым из воюющих государств, процесс шел полным ходом. Известны случаи массового перехода границ. Так, после нападения Германии на Францию югославо-германскую границу перешло более ста человек. Явления такого рода были в немалой степени вызваны активной нацистской пропагандой. Перебежчики сообщали сведения различного характера, параллельно проходили специальную подготовку, становясь агентами влияния.

Агрессивность внешней политики Третьего рейха вызвала горячую поддержку немецкого национального меньшинства по всей Югославии. В Словении немцы выступали за присоединение югославской части Штирии к рейху. Особенно эти настроения активизировались в июле–августе 1940 г., после капитуляции Франции. Представители немецких организаций распространяли слухи, что глава правительства Цветкович и министр иностранных дел Цинцар-Маркович добровольно передадут Германии некоторые части Дравской бановины. Сказать точно, были ли у югославского правительства подобного рода планы, нельзя. Германия же предлагала конкретные действия. Так в период 1939–1940 гг. Юго-восточный институт в Граце и Государственное управление областными границами (Gaugrenzlandamt) в Клагенфурте занимались разработкой планов по присоединению словенской Штирии к рейху. Первые предложения по переделу границ, которые носили названия меморандумов, были выдвинуты в начале июля 1940 г. Их разработкой занимался руководитель института Г. Карстаньен. Еще до создания своего первого меморандума “Южная граница Штирии” им был опубликован ряд работ по истории немцев в словенской Штирии и Прекомурье, а также по истории славян в этих областях, которых он неизменно называл вендами. По его мнению, их язык отдаленно напоминал словенский, однако по культуре и своему характеру они были ближе к немцам.

Вернемся к меморандуму “Южная граница Штирии”, пояснения к которому были найдены ведущим специалистом по данной проблематике словенским историком Т. Ференцем в Архиве внешней политики (Politisches Archive Auswaertigen Amtes) в Бонне. Смысл пояснений сводился к следующему: Югославия “по Сен-Жерменскому договору незаконно, без плебисцита и против воли немецкого и вендского населения, получила треть Штирии, которая столетиями была землей рейха” [6. S. 223]. Далее говорилось, что новая граница оборвала исконные экономические и культурные связи в Штирии и Каринтии и разрушила торговый треугольник Грац-Марибор-Клагенфут [6. S. 223]. Кроме того, отмечалось, что автохтонные словенцы, “которые пришли к власти в Нижней Штирии только благодаря Франции, полностью уничтожили цветущую немецкую культурную жизнь” [6. S. 223]. Предлагались три варианта передела границы. Все они сводились к тому, что должна восторжествовать историческая справедливость путем объединения Штирии в составе Германии. Этот меморандум гау-

лейтор Штирии З. Уиберејтер в июле 1940 г. направил имперскому министру иностранных дел И. фон Риббентропу.

Вопросом о возвращении Германии “исконных немецких территорий” занималось Государственное управление областными границами Каринтии в Клагенфурте. Главой этого управления М. Кайбитчем был также предложен проект возврата некогда “принадлежавших Австрии округов Радовльица, Крань и Камник”. В первую очередь, в нем содержалась информация о величине, численности населения и земледелии в этих областях. Помимо этого, перечислялись важнейшие индустриальные предприятия. Кайбитч указывал на то, что с исторической точки зрения “Верхняя Крайна – древняя культурная немецкая территория” [6. S. 232], объясняя это тем, что землями Крайны владели немецкие помещики. Впоследствии они пригласили к себе на работу немецких колонистов, которые и привнесли на эти земли германскую культуру. Меморандум был отослан в Берлин главе внешнеполитического ведомства.

Эти предложения были приняты к сведению, но их не спешили реализовывать. Гитлер, вступив против своего ожидания в затяжную войну с Великобританией, стремился, в первую очередь, обеспечить себе надежный тыл. Очевидно, ему была более выгодна Югославия как слабое и полностью подчиненное Германии государство, чем как поработоченная территория. Агрессивное поведение немецкого меньшинства недвусмысленно свидетельствовало о беспомощности и безволии югославского правительства. Если в 1938 г. оно еще могло противостоять германскому давлению, то впоследствии шло на уступки, стремясь всячески угодить своему “партнеру”. В начале правительство еще пыталось сдерживать натиск нацистской идеологии такими методами как запрет деятельности отдельных организаций, аресты, как немецких граждан, так и югославских немцев занимавшихся шпионажем. Но уже к 1941 г. власти, как уже указывалось, были готовы идти на любые уступки немецкому национальному меньшинству. Из телеграммы временного поверенного в делах СССР в Югославии В.В. Лебедева мы узнаем следующее: «В Югославии началась новая волна уступок и заигрываний перед немцами: полиция предупредила директоров кинотеатров об их личной ответственности за освящение немецких фильмов... В то же время немцы с большой помпой открыли в Белграде свой “научный институт” в присутствии регента и большинства министров...» [7. С. 9]. Такая подконтрольная страна, очевидно, вполне устраивала Гитлера. А проблемы немецкого меньшинства были одним из рычагов давления на югославское правительство, которым Германия умело пользовалась.

Активная деятельность немецких организаций вызывала рост антигерманских настроений в Югославии, особенно в Словении. Прежде всего это было связано с тем, что до образования Югославии Словения входила в состав Цислейтании, где господствующей нацией были немцы, которые воспринимались как угнетатели, пытавшиеся и теперь посягнуть на независимость словенского народа. А распространение слухов о том, что часть югославской Штирии может быть передана Германии, еще больше разжигало антигерманские настроения. Исследование этих настроений германскими спецслужбами позволило фашистским властям в первые дни оккупации заняться депортацией неугодных элементов. Только с июля по октябрь 1941 г. из Словении было выселено около 18 тыс. человек [8. S. 62]. Оперативность немецких властей привела к тому, что в отличие от итальянской, в германской оккупационной зоне практически не было партизанского движения вплоть до капитуляции Италии в 1943 г.

Присоединение Югославии к Тройственному пакту было расценено населением как предательство национальных интересов. По всей стране прокатилась волна протестов и антифашистских демонстраций. Учитывая сложившуюся обстановку и широкое недовольство масс, группа офицеров свергла правительство Цветковича-Мачека, подписавшее пакт. К власти пришло новое правительство во главе с генералом Д. Симовичем.

Переворот явился неожиданностью для фашистского Рима и нацистского Берлина. В тот же день состоялось совещание верховного командования вермахта. На нем Гитлер заявил, что он не собирается ждать возможных заверений в лояльности со стороны правительства Симовича, и что “нужно провести всю необходимую подготовку к уничтожению Югославии как военной и политической силы, к уничтожению с беспощадной суровостью и молниеносно” [9. S. 15]. Гитлеру был представлен наспех составленный план, согласно которому наступление должно было начаться в ближайшее время из Австрии и Болгарии.

В ночь на 6 апреля 1941 г. без объявления войны германские войска начали операции на всех югославских границах. В тот же день фашистская авиация подвергла бомбардировке Белград и несколько военных аэродромов. Вторжение на территорию Словении осуществляла II немецкая и II итальянская армии. За считанные дни Югославия была оккупирована. Согласно резолюции Гитлера о разделе Югославии от 12 апреля 1941 г. Германия получила Нижнюю Штирию и Верхнюю Крайну. Военное управление длилось всего три дня. Затем на этих территориях была введена оккупационная система подобная той, которая была установлена в Эльзасе, Лотарингии и Люксембурге. Эти территории автоматически переходили под юрисдикцию гаулейтора и государственных чиновников соседних с ними германских областей. Директивой от 14 апреля начальником гражданского правления Нижней Штирии назначался З. Уйберрейтер [10. Doc. št. 2. S. 26]. Начальником гражданской администрации Верхней Крайны стал заместитель гаулейтора НСДАП Каринтии Ф. Кутчера. В конце апреля 1941 г. З. Уйберрейтер, выступая перед отрядами СА, заявил: «Три недели назад фюрер мне приказал: “сделайте эту землю опять немецкой”» [11. 29 IV 1941]. Исполнение приказа началось немедленно. Оккупанты проводили политику германизации, безжалостно уничтожая словенскую национальную культуру и самобытность. Основная задача, которая ставилась перед оккупационными властями, сводилась к скорейшему онемечиванию захваченных территорий. Активная деятельность развернулась вокруг всего, что имело словенский национальный характер, хотя первые попытки германизации предпринимались еще до прихода немцев. Так, в Мариборе представители Швабско-немецкого культурного союза за несколько дней до оккупации обнародовали в “*Marburger Zeitung*” призыв ко всем торговцам и коммерсантам сменить словенские надписи на немецкие [11. 10 IV 1942].

Следует отметить, что эти территории в директиве Гитлер обозначил как “некогда принадлежавшие Австрии” [10. Doc. št. 2. S. 26], т.е. оккупация трактовалась как возврат “исконно немецких” земель. Для своей резиденции Уйберрейтер выбрал г. Марибор. В одной из немецкоязычных газет говорилось: “Немецкие войска находятся в стенах нашего города, они – гаранты нового порядка и, прежде всего, справедливости, которая достанется всем в равной мере” [12. № 10. S. 35]. Приезд начальника гражданского правления в столицу Нижней Штирии был обставлен представителями Культурного союза с большой помпой. Глава этой организации в Словении Г. Барон в своей приветственной речи

отметил: “Мы немцы и мы свободны, двадцать три года мы терпели унижения и насмешки и со стиснутыми зубами не переставали надеяться, что скоро придет день освобождения, настал час, и представитель фюрера вступил на мариборские земли, на земли, где мы еще год назад за каждое немецкое слово были оплеваны и унижены. Благодарность фюреру мы не можем выразить никак иначе, кроме как готовностью служить. Сейчас нужно работать день и ночь” [10. Doc. št. 3. S. 27].

После онемечивания словенского населения оккупированные земли планировалось присоединить к Германии. Они стали бы не сырьевым придатком или колонией, а немецкой государственной территорией, поскольку земли Нижней Штирии и Верхней Крайны рассматривались властями как исконно германские. Осуществить аннексию планировалось 1 октября 1941 г. [13. S. 114]. Согласно проекту, разработанному к этому времени имперской канцелярией, “освобожденные земли Нижней Штирии присоединялись к государственной области Штирия, земли Верхней Крайны – включались в государственную провинцию Каринтия”. Также отмечалось, что на присоединенные земли будет распространено законодательство рейха [10. Doc. št. 39. S. 55]. Население, имевшее немецкое происхождение, получало гражданство согласно германскому законодательству. Остальная часть жителей должна была пройти тщательную расовую и политическую проверку. Ответственным за “воссоединение” этих земель с Германией назначался имперский министр внутренних дел.

Вскоре после оккупации, согласно указу начальника гражданского правления от 18 июня 1941 г., словенская Штирия была разделена на шесть округов:

1. Сельский округ Марибор (Landkreis Marburg)
2. Сельский округ Птуй (Landkreis Pettau)
3. Сельский округ Целье (Landkreis Cilli)
4. Сельский округ Трбовле (Landkreis Trifail)
5. Сельский округ Брежице (Landkreis Rann)
6. Городской округ Марибор (Stadtkreis Marburg) [14. AS1602].

Указ вступил в силу 1 июля. Еще до раздела Нижней Штирии штаб гражданского правления отдал распоряжение в будущих сельских и городских округах организовать интендантства. Каждый округ состоял из областей, которые возглавляли политические комиссары. Так, например, округ Целье состоял из шести областей [14. AS1602]. В Верхней Крайне подобная реорганизация произошла на месяц позже. Были образованы три сельских округа: Крань, Камник и Радовлица. Въезд в оккупированную зону разрешался только по пропускам, словенско-германская граница не ликвидировалась, но из государственной превращалась в таможенную [12. № 13. S. 41].

Помимо гражданского правления в апреле 1941 г. на территории Верхней Крайны и Нижней Штирии для поддержания порядка создавались штабы службы безопасности. Начальником полиции безопасности и службы безопасности (Kommandeur der Sicherheitspolizei und des Sicherheitsdienstes) был назначен штандартенфюрер СС и руководитель отдела безопасности в Граце О. Луркер¹.

30 апреля 1941 г. начальник гражданского правления Уиберрейтор издал указ, согласно которому все географические названия следовало переименовать в соответствии со списком, составленным в Юго-восточном институте в

¹ О. Луркер был охранником в Ландсбергской тюрьме, где А. Гитлер отбывал срок после провала путча 1923 г. [15. С. 48].

Граце еще в 1940 г. Замена подлежали все указатели, восстанавливались немецкие названия, существовавшие в период Габсбургской монархии [10. Doc. št. 11. S. 31]. В итоге были изменены не только географические названия, но и наименования улиц, магазинов, фирм и уличные вывески [12. S. 41].

Для выявления лиц, подлежащих депортации или германизации, была создана так называемая Комиссия по оценке политических взглядов. Она начала свою работу 5 июня. Это была нетрудная задача, поскольку еще до нападения на Югославию немцы располагали информацией о словенцах, негативно настроенных к Германии. Всего выделялось пять групп, по которым следовало распределить население: категория “А” (немецкие лидеры – *führend deutsch*), “В” (немцы – *deutsch*), “С” (равнодушные – *indifferent*), “D” (враждебно относящиеся к немцам – *deutschfeindlich*), “Е” (особенно враждебно относящиеся к немцам – *führend deutschfeindlich*) [13. С. 136–137]. Всего проверке подверглось 322 тыс. 252 человека. К категории “А” отнесено 1512 человек; к категории “В” 22 тыс. 558, что составляло 7% от общего числа; в категории “С” числилось 285 тыс. 377 человек или 89%; к категории “D” относилось 11 423 человека или 4%; в категорию “Е” вошли 1382 человека. Помимо политической, была проведена оценка по расовому признаку. В этом случае выделялось четыре категории: I, очень хорошо (*sehr gut*), сюда относились представители “чистой арийской расы, физически здоровые и морально устойчивые люди”, большинство этой группы составили этнические немцы; II, хорошо (*gut*) эту группу составили люди с небольшой примесью славянской крови; III, средние (*Durchschnitt*) – на половину славяне; IV, расово непригодные (*rassisch ungeeignet*) – все остальные [4. S. 750]. Четвертая категория подлежала депортации.

Для тех, кого планировалось оставить в Штирии был создан Штирийский отечественный союз. 11 мая Уйберрейтор на торжественном приеме заявил: “Вы – члены Швабско-немецкого культурного союза, будете теперь авангардом, ядром Штирийского отечественного союза и займете важнейшие руководящие должности” [11. 12 V 1941].

Вступившие в него делились на две категории: постоянных и временных членов. Постоянными членами стали фолксдойчеры и члены Культурного союза, они получили красные удостоверения, временные – зеленые удостоверения. За пределами Штирийского отечественного союза осталась значительная часть населения [13. S. 138], которая впоследствии подверглась репрессиям. Сбор заявлений осуществлялся в течение восьми дней с 15 по 22 мая [11. 31 V 1941]. Численность вступивших в Штирийский отечественный союз составила 95% от всего взрослого населения Нижней Штирии [4. S. 746]. Немцы столь высокую явку провозгласили плебисцитом по вопросу о присоединении к рейху. Однако на самом деле у населения не было выбора. За отказом вступить в Союз следовал немедленный арест и высылка за пределы Словении или интернирование в концентрационный лагерь. Политический комиссар в г. Целье Т. Дорфмейстер заявил, что “в Отечественном союзе будут объединены все немцы и люди негерманского происхождения, которые верны фюреру и великогерманскому рейху. Тем, кто этого не принимает, нет места в Нижней Штирии” [11. 13 V 1941].

Каждый вступающий в Штирийский отечественный союз в возрасте от 18 до 45 лет автоматически становился членом верманшафта, военной организации, которая имела много общего с СА. Для обучения была образована специальная школа в г. Рогашка Слатина. К середине осени 1941 г. в верманшафт вступило 84 тыс. 700 жителей Нижней Штирии [13. S. 140], каждый из них получил фор-

му. Раз в неделю они посещали специальные собрания, где зачитывались основные указы высшего руководства. После этого следовали курс политического воспитания и военно-строевая подготовка. Части верманшафта использовались для подавления Народно-освободительного движения.

Из югославских немцев в 1942 г. было создано специальное подразделение СС “Унтерштайермарк” (Untersteiermark) в Мариборе, которое состояло из 15 отрядов [16. S. 21]. Помимо верманшафта широкое распространение получила вспомогательная полицейская организация “Сельская охрана”. Первоначально она существовала только в Верхней Крайне. В нее в основном вступали жители деревень. Вооружались они только на время несения службы и находились под надзором полиции, поскольку немецкие власти опасались, что среди служащих найдутся те, кто потенциально может перейти на сторону партизан или употребить оружие против немецких властей [17. Doc. 170. S. 513]. В Нижней Штирии эта организация была создана 18 ноября 1942 г. для “защиты населения Нижней Штирии от лиц, угрожающих безопасности и порядку” [17. Doc. 184. S. 561]. Вступить в нее могли мужчины любого возраста (преимущественно немцы) с устойчивыми политическими взглядами, имеющие опыт обращения с оружием. Это подразделение создавалось на добровольных началах, и поэтому его членам не выплачивалась зарплата [17. Doc. 184. S. 562]. Гестапо активно использовало услуги так называемых “доверенных лиц” (Vertrauensmänner). Как правило, их вербовали из числа подозреваемых в причастности к вооруженному сопротивлению. Для того, чтобы снять с себя вину и избежать наказания, они должны были стать осведомителями. За хорошую службу предусматривались денежное вознаграждение и полная реабилитация. Из их числа готовились так называемые разведчики (Aufklärer) и создавались “антибанды” (Gegenbanden), которые внедрялись в партизанские отряды, собирали о них информацию и передавали гестапо. Среди мирного населения они выявляли сочувствующих Освободительному движению. Всего на территории Нижней Штирии было четыре группы, действовавших в этом направлении: “Трефф”, “Никола”, “Карл” и “Эльза”.

24 мая 1941 г. начальник гражданского правления Верхней Крайны издал указ о создании Каринтийского народного союза. В указе говорилось, что на данной территории НСДАП временно не будет введена. Членами Союза могли стать все те, кто поддерживал политику Гитлера и относился с симпатией к рейху [10. Doc. št. 23. S. 40]. В целом его структура и функции практически не отличались от Штирийского отечественного союза.

Проводимая немецкими властями депортация имела своей целью по возможности скорее освободить Штирию и Верхнюю Крайну от так называемого славянского элемента. На “очищенных” от словенцев землях планировалось поселить этнических немцев, которые проживали на территории Люблянской провинции и являлись до войны югославскими гражданами.

Таким образом, Германия продолжала осуществлять процесс объединения всех немцев в рамках одного государства. По мере депортации словенцев на освобожденных землях поселялись так называемые немцы Кочевья из итальянской оккупационной зоны. В апреле 1941 г. их представители встретились с Гитлером в Мариборе. Он в свою очередь пообещал им территорию между реками Сава и Сотла [12. S. 366–367]. Тогда же газета “Gotischer Zeitung” опубликовала статью “Мы принадлежим тебе, фюрер”. В ней говорилось, что “немцы вступили на эти земли 600 лет назад, именно они дали жизнь этой дикой земле, и по-

этому она по праву может считаться немецкой” [18. S. 316–318]. Далее отмечалось, что “после 1918 г. ненависть словенцев обрушивалась на все, что хоть мало-мальски имело немецкий характер” [18. S. 316–318]. Согласно договору, заключенному в Риме между Германией и Италией 31 августа 1941 г., процесс переселения планировалось закончить к 20 ноября того же года. Люблянскую провинцию имели право покинуть лица, имевшие германское гражданство и по воле случая оказавшиеся в итальянской оккупационной зоне, а также немцы, рожденные и постоянно проживавшие в провинции [10. Doc. št. 42. S. 58]. Всем желавшим покинуть эту часть Словении предоставлялось право забрать с собой все имущество [10. Doc. št. 42. S. 58]. Новые граждане Германии не испытывали затруднений в поиске жилья, поскольку им предоставлялись покинутые словенцами дома со всем их содержимым. Однако процесс переселения затянулся [12. S. 288].

Немецкое население не было брошено гитлеровскими властями на произвол судьбы. Однако не хватало транспортов для перевозки, вскоре не стало хватать и средств. Не все немцы хотели трогаться со своих насиженных мест, так что в ряде случаев приходилось применять силу. Кроме того, сам факт принадлежности к немецкому народу был недостаточен для того, чтобы завоевать доверие оккупационных властей. Все руководящие посты занимали немцы рейха, а так называемые фолксдойчеры вынуждены были обивать пороги в поисках работы. Тот факт, что в германской оккупационной зоне не был открыт филиал НСДАП свидетельствовал о том, что югославских и, в частности, словенских немцев не спешили принять в “нацистскую семью”. Такое положение продолжало сохраняться вплоть до 1945 г.

Югославские немцы так и не стали полноправными гражданами Германии, их надежды на светлое будущее в Третьем рейхе не оправдались. После войны судьба многих из них сложилась трагично. В настоящее время в Словении нет единой немецкой общины, хотя некоторые немецкоязычные граждане ведут борьбу за свои интересы и за официальное признание немецкой диаспоры национальным меньшинством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Biber D.* Nacizem in Nemci v Jugoslaviji. 1933–1941. Ljubljana, 1966.
2. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне. М., 1972.
3. Documents on German foreign policy. 1919–1945. London, 1967. Vol. 5–6.
4. *Ferenc T.* Nacistična raznarodovalna politika v Sloveniji v letih 1941–1945. Maribor, 1968.
5. *Ионг Л. де.* Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. М., 1958.
6. *Ferenc T.* Spomenice o nemskih ozemeljskih zahtevah v Sloveniji leta 1940 // *Zgodovinski casopis.* XXIX. 1975/3–4.
7. Отношения России (СССР) и Югославии. 1941–1945 гг. М., 1998.
8. *Narodnoosvobodilna vojna na Slovenskem. 1941–1945.* Ljubljana, 1986.
9. AVNOJ I revolucija. Beograd, 1983.
10. *Okupacijski sistemi na Slovenskem. 1941–1945.* Zgodovinski viri. Ljubljana, 1997.
11. *Marburger Zeitung.*
12. *Quellen zur nationalsozialistischen etnationalisierungspolitik in Slowenien. 1941–1945.* Maribor, 1980.
13. *Zakonjšek R.* Štajerska 1941. Ljubljana, 1980.
14. *Arhiv Republike Slovenije.* Deželni Svetnik Celje. Načrt za urejanje.
15. *Мельников Д., Черная Л.* Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1991.
16. *Ferenc T.* Nemška okupacija Dravske doline in Pohorja // *Časopis za zgodovino in narodopisje.* 1990. № 1.
17. Сборник докумената и податка о Народноосвободилачком рату Југослованских народа. Београд, 1965. Т. VI. Књ.4.
18. *Auerspeger A.* Iskalci Grala. Dokumenti. Ljubljana, 2004.

© 2008 г. А. С. СТЫКАЛИН

XX СЪЕЗД КПСС И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ИТОГАМ КОНФЕРЕНЦИИ

В феврале 2006 г. в России и за рубежом было широко отмечено 50-летие со времени проведения, вероятно, наиболее неординарного по своему историческому значению съезда КПСС, оказавшего заметное влияние как на дальнейшую эволюцию советского режима, так и на перспективы международного коммунистического движения. Этой знаменательной дате в отечественной истории новейшего времени было посвящено несколько научных конференций (см. [1–3]). Организаторы и участники одной из них, состоявшейся в апреле 2006 г. в Институте славяноведения РАН, вышли за рамки обозначенной темы “XX съезд КПСС и Восточная Европа”, в ходе ее работы был поднят широкий круг вопросов, связанных с предысторией и историей съезда, равно как и его последствиями для судеб всего советского блока.

Как и подобает значительному историческому событию, XX съезд стал предметом не только историографии, но и активного мифотворчества, отчасти питаемого мемуарами самого Н.С. Хрущева. Достаточно напомнить, например, о версии, согласно которой Хрущев выступил со своим знаменитым докладом о культе личности якобы вопреки ожесточенному противодействию вплоть до последнего дня съезда¹ большинства коллег по Президиуму ЦК КПСС. Поэтому большое значение приобретает расширение документальной базы исследований, посвященных XX съезду КПСС.

Решения съезда возникли не на пустом месте, им предшествовала определенная корректировка политического курса в СССР, начавшаяся сразу после смерти Сталина. Уставшие жить в атмосфере страха, ожидания арестов деятели КПСС, относившиеся к сталинскому окружению, хотели обезопасить себя и свои семьи от повторения произвола, а потому и решили поставить под контроль партаппарата репрессивные органы. Освободили некоторых ранее осужденных по политическим мотивам. Менее конфронтационной стала внешняя политика СССР, что сказалось на ослаблении международной напряженности. Постепенно прекратилась антиюгославская кампания, взят курс на сближение с

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ На разоблачении наиболее распространенных легенд, бытующих в публицистике и общественном мнении, остановились в своих выступлениях на конференции Ю.В. Аксютин и зам. директора РГАНИ М.Ю. Прозуменчиков.

режимом Тито (об этом подробно говорил *А.Б. Едемский*). Летом 1955 г. впервые после длительного перерыва был проведен саммит лидеров больших держав. Как известно из работ Ю.В. Аксютиня и других исследователей, вопрос о специальном докладе Н.С. Хрущева с критикой культа личности на закрытом заседании в последний день работы съезда был принципиально решен еще за день до начала работы съезда, 13 февраля, и дальнейшие дискуссии были связаны главным образом с попытками Хрущева включить в текст доклада ряд положений, непосредственно компрометирующих некоторых из них.

В странах советского лагеря также происходила эрозия режимов сталинского типа, причем эволюция к новым формам и методам в политике компартий не была прямолинейной, она характеризовалась спадами и подъемами, замедлением и ускорением: слишком велика была инерция прошлого. Как и в СССР, в социалистических странах после 1953 г. шла подчас довольно острая борьба за власть между партийными кланами: верх брали то более последовательные сталинисты, то сторонники осторожного отхода от устоявшихся догм и сложившейся политической практики. *Б.Й. Желицки* напомнил участникам конференции о противоборстве венгерского партийного лидера М. Ракоши и преданного ему аппарата с реформаторски настроенным премьер-министром И. Надем, которое завершилось временным устранением последнего с политической арены и жестким выкорчевыванием результатов его деятельности. Схожим образом, как показала *В.В. Марьина*, обстояло дело в Чехословакии. После смерти К. Готвальда в марте 1953 г. его соратники, постоянно оглядываясь на Кремль и испрашивая его советов, начали борьбу за влияние. Развернулось соперничество между первым секретарем ЦК КПЧ А. Новотным, президентом ЧССР А. Запотоцким и премьер-министром В. Широки. Хотя мировоззренческих противоречий между ними не было, олицетворением провозглашенного в сентябре 1953 г. “нового курса”, направленного на повышение благосостояния масс, стал в глазах населения Запотоцкий. Хрущев, однако, отдавал предпочтение партаппаратчику А. Новотному, что соответствовало проводившейся им тактической линии, направленной на перенесение центра тяжести в принятии решений с совминовских органов (где тон долгое время задавали его соперники Г.М. Маленков и В.М. Молотов) на партийные.

На конференции был поднят вопрос о том, какую роль сыграли в инициировании послесталинских реформ в странах Восточной Европы импульсы, полученные из Москвы. С одной стороны, резкая критика новыми советскими лидерами навязанной Сталиным губительной экономической политики в Венгрии начала 1950-х годов, нацеленной на форсированное создание базы тяжелой индустрии без учета объективных возможностей страны, создала условия для провозглашения реформаторской программы И. Надя. С другой стороны, в Москве, очевидно, с самого начала проявили обеспокоенность слишком радикальными реформаторскими проектами, создававшими угрозу выхода процессов из-под партийного контроля. Характерно, что в июле 1953 г., во время пребывания в СССР Запотоцкого, руководство ЧССР хотя и подверглось критике за проводившуюся экономическую и социальную политику, вместе с тем получило указание “не каяться сверх меры”, дабы не нанести ущерба авторитету партии. Весной–летом 1955 г. как в Венгрии, так и в Чехословакии не без давления Москвы вновь внимание акцентировалось на развитии тяжелой промышленности, продолжении кооперирования деревни, борьбе с мелким товаропроизводителем. Новое фронтальное наступление с целью завершения построения

“основ социализма” в странах Восточной Европы было связано с осложнением международной обстановки (вступление ФРГ в НАТО подстегнуло руководство КПСС к новому витку гонки вооружений и принятию мер по укреплению советского блока).

В Польше процессы послесталинской “оттепели” в досъездовский период в меньшей мере, нежели в других странах, сопровождались попятными движениями. *А.М. Орехов* в своем докладе (и недавно опубликованной монографии [4]) показал, что в ПНР уже в 1954–1955 гг. активизировалась общественная и интеллектуальная жизнь, в среде интеллигенции и студенческой молодежи после долгого перерыва возникли первые неформальные объединения и независимые инициативы (в частности, дискуссионные клубы, в деятельности которых с самого начала проявились элементы плюрализма). Как на публичных форумах, так и в периодике в условиях некоторого ослабления цензурного пресса обсуждались актуальные экономические и социальные проблемы, предлагались проекты реформирования существующей системы, звучала все более острая критика не только высокопоставленных функционеров, несших ответственность за провалы в экономике и нарушения законности, но и некоторых системных пороков. В не слишком удачных попытках приспособить к изменившимся условиям сложившуюся при Сталине систему и застал XX съезд КПСС польскую коммунистическую элиту, как, впрочем, и элиты других стран.

XX съезд КПСС (14–25 февраля 1956 г.), первый после смерти Сталина, с самого начала своей работы привлек большое внимание зарубежных наблюдателей. Отчетный доклад содержал развернутую внешнеполитическую программу КПСС (на ее анализе сконцентрировал внимание *А.М. Филитов* (см. также [2]). В нем был также сформулирован ряд стратегических положений идеологии мирового коммунистического движения – о мирном сосуществовании государств с различным общественным строем, о возможности предотвращения войны в современную эпоху, а также означавшее наибольший отход от традиционных сталинских идеологем положение о многообразии путей перехода к социализму. *Л.Я. Гибанский* в своем выступлении обратил внимание на факт, не привлекавший ранее внимания исследователей: некоторые тезисы, прозвучавшие в отчетном докладе, восходили к теоретическим наработкам сталинского периода, относившимся к середине 1940-х годов, когда еще действовала по инерции установка на продолжение в условиях послевоенного мира союза антифашистских держав-победительниц.

При всех претензиях на дальнейшее развитие марксистской теории отчетный доклад не предвещал кардинальных перемен в оценке сталинского периода, как бы подтверждая слова Хрущева, произнесенные в июне 1955 г. на встрече с лидерами ряда соцстран в Бухаресте по пути из Белграда: “Мы никому не позволим развенчивать Сталина” [5. С. 134]. Правда, лидер венгерских коммунистов Ракоши, как явствует из его мемуаров, сетовал, что не нашел в докладе ожидавшихся им призывов бороться с “правыми” силами, чем обязательно воспользуются всякого рода “оппортунисты и ревизионисты”. Вместе с тем он полагал, что, “кроме уже сказанного, на съезде не будет ничего существенно нового” [5. С. 137]. Настроение Ракоши в дни съезда было подпорчено лишь публикацией в газете “Правда” 21 февраля статьи академика Е. Варги к 70-летию со дня рождения Б. Куна, в которой бывший нарком экономики Венгерской Советской республики 1919 г. назвал Куна не только “фактическим руководителем Венгерского Советского правительства”, но и выдающимся деятелем меж-

дународного коммунистического движения. Если учесть, что вся пропагандистская машина Венгерской партии трудящихся (ВПТ) долгие годы создавала миф о Ракоши как основателе венгерской компартии, вожде Венгерской Советской республики 1919 г., лидере коммунистического движения в 1920-е годы, нетрудно представить себе, что означала для него и преданного ему аппарата официальная реабилитация Москвой репрессированного в 1938 г. Б. Куна.

Как Ракоши (о реакции которого на XX съезд говорил *Б.И. Желицки*), так и другие гости съезда, а в не меньшей мере и западные, независимые от Москвы комментаторы обратили внимание на выступление А.И. Микояна 16 февраля на съезде. Оно несколько контрастировало по риторике с отчетным докладом, в котором ответственность за злоупотребления властью в 1930-е – начале 1950-х годов была возложена на Берию, а критика Сталина фактически сводилась к тезису: превращение “того или иного деятеля в героя-чудотворца” умаляет роль партии и народных масс. Микоян, хотя также избегал персонального упоминания Сталина, в то же время подверг довольно острой критике сталинские методы, говорил об отсутствии коллективного руководства в КПСС с начала 1930-х годов. Некоторые западные наблюдатели, в частности, влиятельный британский левый политолог, биограф Троцкого Исаак Дойчер, увидели в этой речи не только отражение внутривластной борьбы (что в общем соответствовало действительности), но выпад против Хрущева [6. С. 613–617]. На самом деле это был (по выражению М.Ю. Прозуменщикова) “пробный шар”, пущенный с ведома и согласия Хрущева с тем, чтобы выявить реакцию мирового коммунистического движения и более широкого зарубежного общественного мнения на критику Сталина. Реакция эта свидетельствовала о настоящем замешательстве среди зарубежных коммунистических функционеров и показала неподготовленность большинства из них к коренному повороту в оценке Сталина. Как заметил наблюдавший за ходом XX съезда Дойчер, “в то время как советские вожди, даже самые известные сторонники Сталина, воздерживаются от восхвалений Сталина, Мао Цзэдун и Торез... высказали восхищение Сталиным в стиле, который напоминает скорее 1952 год и кажется теперь так некстати” [6. С. 617]. Уже в дни съезда в Москву из разных стран поступили телеграммы, в которых выражалось несогласие с “правоуклонистской” трактовкой Сталина (см. [6. С. 609]). 23 февраля на приеме в Восточном Берлине по случаю дня Советской армии секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Циллер говорил советскому журналисту, что возможно, Сталин допускал некоторые ошибки, но мы сформировались в эпоху, когда именно он стоял во главе мирового коммунистического движения, а потому “слишком резкая критика Сталина причиняет нам огромную боль” [6. С. 630]. Таким образом, партийные функционеры в странах “народной демократии”, особенно относившиеся к молодому поколению, были в еще меньшей степени психологически подготовлены к разоблачению Сталина, нежели их коллеги в СССР (едва ли не в первую очередь это касалось ГДР, где вся пропаганда строилась на возвеличении заслуг Сталина в борьбе с нацизмом). К тому же молодые восточноевропейские партаппаратчики зачастую обладали крайне искаженным представлением о советской реальности 1930-х годов и в силу этого не осознавали подлинных мотивов, заставивших Хрущева настоять на подготовке специального доклада “О культе личности и его последствиях”: “Если мы на съезде не скажем правду, то нас заставят через какое-то время сказать правду. И тогда мы уже будем не докладчиками, а мы будем тогда подследственными людьми. Мы тогда

будем обвиняться в соучастии, в непосредственном участии, поскольку прикрывали эти злоупотребления уже после смерти Сталина... И поэтому надо самим сказать, что было преступление. А уж когда спросят с тебя ответ за эти преступления, будет поздно, тогда тебя уже судить будут. Я не хочу этого, я не хочу такой ответственности”, – говорил Хрущев коллегам по Президиуму ЦК (цит. по [7. С. 173]). Опубликованная 4 марта в “Neues Deutschland” статья В. Ульбрихта с критикой Сталина не только не развеяла сомнений, но (об этом напомнил *А.М. Филитов*) была воспринята многими в СЕПГ как явный тактический ход с целью предупредить наступление внутрипартийной оппозиции на руководство СЕПГ и вызвала весьма негативную реакцию даже со стороны тех, кто в принципе выступал за обновление. Корреспондент “Правды” П. Наумов в записке о реакции в компартиях обеих Германий на решения XX съезда КПСС, направленной 12 апреля главному редактору газеты секретарю ЦК КПСС Д. Шепилову и послу СССР в ФРГ В. Зорину, писал: “Среднее руководящее звено и партийный актив возмущены тем, что Ульбрихт и Рейман (лидер западно-германских коммунистов. – А.С.) говорят об ошибках Сталина в таком тоне, как будто сами они к культуре личности не причастны. Они по-прежнему выступают как непогрешимые вожди, рассчитывая, что партийная масса поверит без доказательств и объяснений каждому их слову” [6. С. 669].

Союз коммунистов Югославии (СКЮ) был единственной компартией, в которой новая, более критическая оценка официальной Москвой сталинского периода сразу была воспринята как руководством, так и более широкими партийными кругами не только с удовлетворением, но и с нескрываемой радостью, что, впрочем, не исключало и элементов некоторого скептицизма в отношении способности советских лидеров последовательно идти по избранному пути (о советско-югославских отношениях в 1956 г. в контексте идей и решений XX съезда КПСС говорили на конференции *А.Б. Едемский* и др.). В самом факте отмежевания Хрущева от сталинских преступлений югославы видели подтверждение своей правоты в советско-югославском конфликте 1948–1949 гг., что же касается теоретических положений, выдвинутых на XX съезде (прежде всего об учете национальной специфики, о возможностях мирного перехода к социализму), то они, по утверждению югославских коммунистов, уже давно стали неотъемлемой составной частью идеологии СКЮ. Между тем, тезис съезда о многообразии путей продвижения к социализму явился жестом, адресованным Москвой в тех конкретных условиях не столько Пекину, сколько Белграду: задача вовлечь режим Тито в орбиту влияния СССР была весной 1956 г. одной из приоритетных во внешней политике СССР, и ради ее решения не исключались компромиссы. Другим жестом доброй воли в адрес руководства СКЮ стал роспуск в апреле 1956 г. Коминформа, в конце 1940-х годов использовавшегося Сталиным в качестве главного инструмента осуществления массивной антиюгославской кампании (резко отрицательное отношение представителей ФНРЮ и СКЮ к Коминформу не скрывалось ими в ходе контактов с советскими дипломатами и журналистами, в том числе в дни XX съезда). В Москве давно осознавали необходимость коренной реорганизации этой утратившей эффективность структуры и вместе с тем еще в декабре 1955 г. Хрущев на сессии Верховного Совета СССР эмоционально опровергал прогнозы западных журналистов о ее скором упразднении [8. 30 XII 1955]. Все-таки окончательный выбор был сделан в пользу ее ликвидации, и это произо-

шло в преддверие новой большой советско-югославской встречи, назначенной на июнь 1956 г.

В целом настороженная реакция в компартиях на самые первые признаки переоценки деятельности Сталина стала для Хрущева и его окружения дополнительным аргументом в пользу того, чтобы доклад “О культе личности и его последствиях”, зачитанный на закрытом заседании по окончании работы съезда (25 февраля), не делать достоянием гласности за пределами СССР (“Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед ними наших язв” [б. С. 117]). Из зарубежных коммунистических лидеров, присутствовавших на съезде, с полным текстом доклада в дни съезда были ознакомлены (не получив, впрочем, его в руки) только руководители компартий социалистических стран, а также Франции и Италии. Для многих из них антисталинское выступление Хрущева стало полной неожиданностью. Позже, в марте, лидерам компартий стран “народной демократии” был послан “причесанный” текст доклада, подготовленный для парторганизаций КПСС. Делегации подавляющего большинства компартий оказались совсем в ином положении – их ознакомили с общим содержанием доклада перед самым отъездом из Москвы. Так, делегацию компартии Австрии за несколько часов до отбытия в аэропорт работник аппарата ЦК КПСС информировал всего в течение 10–15 минут [б. С. 727]. Только после того, как доклад Хрущева (версия, направленная в социалистические страны для ориентации их лидеров) через Польшу просочился на Запад и, начиная с 18 марта, стал предметом комментариев в прессе, узкий круг руководств западных компартий приглашался в советские посольства, где им зачитывался, но не передавался (!) полный текст. 4 июня с согласия госдепартамента США полную версию опубликовали “New York Times”, “Washington Post”, а также издание Конгресса США “Congressional record”. В сообщении госдепартамента, сопровождавшем публикацию, было отмечено, что в докладе прозвучала сильная критика методов Сталина по уничтожению коммунистов и в то же время не было выражено никакого сожаления по поводу уничтожения оппонентов коммунистических идей. После 4 июня текст доклада широко публиковался по всему миру. Противники коммунизма получили в руки документ огромной обличительной силы, тем более убедительный, что он исходил из самого центра мирового коммунистического движения. Пытаясь первое время вопреки очевидному отрицать аутентичность опубликованной в США версии, советские дипломаты лишь усложняли положение западных коммунистов, ставших в своих странах объектами резкой критики за апологетику сталинских преступлений.

Заявленный на XX съезде курс на преодоление сталинского наследия был воспринят западным общественным мнением неоднозначно и доминировали скорее настороженность и скептицизм. 16 февраля, на следующий день после публикации в газете “Правда” отчетного доклада, британские дипломаты, встречаясь с советскими собеседниками, отмечали в позитивном плане тезис о возможности предотвращения войн в современную эпоху, а с другой стороны, обращали внимание на то, что сохранились в силе прежние установки коммунистического движения на завоевание доминирующих позиций во всем мире [9]. Газета “Frankfurter allgemeine Zeitung” 23 февраля (еще до того, как закрытый доклад Хрущева был прочитан) следующим образом отреагировала на отчетный доклад и выступление Микояна, отразившие происходившее обновление коммунистической доктрины Кремля: “Многие доброжелатели на Западе истолкова-

ли демонстративное разоблачение Сталина как признак чистки советского режима, который отбросил грубые революционные нравы... На самом же деле новое развитие представляет собой нечто в высшей степени опасное, а именно широко задуманную попытку усилить путем возврата к ленинскому интернационализму фанатизм и революционность коммунистического движения, застывшего в сталинской догме". Идейное преодоление сталинизма могло расцениваться, таким образом, не только как попытка соединить советскую модель социализма с некими более либеральными политическими методами, а как прямое возвращение к небезопасному большевистскому мессианизму начала 1920-х годов, проектам осуществления "мировой революции". Примерно о том же писал 27 февраля еженедельник "Business week", реагируя на активизацию с середины 1950-х годов политики СССР в отношении стран, освобождающихся от колониальной зависимости; по его мнению, Западу будет труднее дать отпор новому коммунистическому вызову, поскольку идеи XX съезда находят немалый отклик в Азии – СССР там задает тон, преуспевает в приобретении друзей среди стран "третьего мира". (Впрочем, как отмечалось на конференции, увлечение Хрущева поиском союзников среди лидеров развивающихся стран, таких как Неру, Насер и Сукарно, не всем в Кремле казалось правильным: В.М. Молотов при попытке отстранения Хрущева в июне 1957 г. говорил в этой связи об "отрыжке троцкизма" в действиях Хрущева).

С другой стороны, газета "New York Times" 27 февраля в статье под характерным заголовком "Изменилась ли политика Москвы?" подвергла сомнению заявленный на съезде тезис о возвращении к ленинизму, сославшись на продолжающееся отсутствие внутрипартийной демократии, сам факт единодушия, с которым принимались все съездовские решения.

Как напомнили в своих выступлениях *А.М. Филитов*, *М.Ю. Чуканов* и другие, XX съезд КПСС не дал оснований США для сколько-нибудь существенной корректировки своей политики на советском и восточноевропейском направлениях. 11 июля госсекретарь Дж.Ф. Даллес заметил на пресс-конференции, что насилие и терроризм, теперь осуждаемые, были свойственны не только внутренней, но и внешней политике СССР. Права и свободы, декларированные конституцией 1936 г., отнюдь не исключили применения насилия в массовых масштабах; только наличие сильных демократических институтов может дать реальные гарантии предотвращения деспотизма. Одним из "пробных камней" нового курса на международной арене стало бы, по мнению Даллеса, восстановление полного суверенитета восточноевропейских сателлитов СССР. Как бы там ни было, роспуск Коминформа, совпавший по времени с поездкой Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в Великобританию, за которой последовал прием французской правительственной делегации в СССР, в глазах многих на Западе подтверждал наличие в восточной части Европы определенных перемен, воспринимался как один из признаков приверженности постсталинского руководства СССР политике разрядки.

Особенно внимательно изучали материалы XX съезда идеологи европейской социал-демократии, собравшиеся 2–4 марта в Цюрихе на сессии Социнтерна (на ее решениях сконцентрировал внимание в своем выступлении *М.Ю. Чуканов*). Отречение от Сталина, отмечалось в документах Социнтерна, не изменило характера советского режима – он остается диктатурой, и социалистам, не разделяющим коммунистической доктрины, по-прежнему отказано в правах; в во-

сточноевропейских тюрьмах все еще находятся “многие из тех, чьим единственным преступлением было убеждение, что существует несколько путей к социализму” (см. также [10]). Получившая распространение после смерти Сталина идеология “коллективное руководство”, по мнению социал-демократов, означает коллективное руководство диктатурой; они не видели каких-либо признаков ее эволюции к подлинной демократии. Тезис о многообразии путей к социализму, прозвучавший в отчетном докладе, представлялся им не более, чем опасной тактической уловкой. Если применительно к идеям XX съезда и можно в какой-то мере говорить о поисках возможности избежать гражданской войны во время революционных преобразований, то этот поиск, полагали социал-демократы, основывался на догматическом постулировании прошлого опыта, в лучшем случае неоднозначного. Так, эстонский партийный руководитель И.Г. Кэбин в своем выступлении на съезде в качестве примера “мирного перехода власти в руки трудящихся” назвал Эстонию 1940 г., а А.И. Микоян напомнил о событиях февраля 1948 г. в Чехословакии. На сессии Социинтерна в Цюрихе секретарь Норвежской рабочей партии Х. Ли говорил в этой связи о том, что мирный путь к социализму, предлагаемый теперь коммунистами, – это не что иное, как подрыв парламентской демократии по чехословацкому образцу и приглашение социал-демократам принять участие в собственном уничтожении. В программных документах Социинтерна и выступлениях его лидеров отмечалось, что точно так же, как существуют различные пути к социализму, существуют и фундаментальные различия между коммунистами и социал-демократами в понимании социалистической цели, ибо не может быть деспотического социализма. Социинтерн оставил в силе прежние свои установки, суть которых заключалась в том, что сосуществование на правительственном уровне не означает идеологического сосуществования. Социал-демократы принципиально отказались заключить идейный мир с партиями, “чье намерение состояло в том, чтобы ликвидировать их партии и основополагающие ценности”. Минимальным предварительным условием для такого мира должно было стать, по их мнению, восстановление подлинно свободных демократических рабочих движений во всех странах, где они существовали раньше, но были подавлены коммунистическими диктатурами. Некоторые оговорки делались социал-демократами применительно к СКЮ, снискавшему уважение смелым противостоянием сталинскому диктату. В апреле 1956 г. по инициативе лидера британских лейбористов Х. Гэйтскелла Хрущеву и Булганину в Англии были переданы списки восточноевропейских социал-демократов, находившихся в заключении. Это вызвало раздраженную реакцию советских руководителей, но в то же время ускорило выход некоторых политиков из тюрем.

В выступлении Ю.С. Новопашина делался акцент на непоследовательности Хрущева и его команды в выявлении сущности советского режима и явной неготовности лидеров СССР заменить монополию одной партии принципом плюралистической состязательности различных движений. Участники обсуждения напомнили в этой связи о том, насколько болезненно были восприняты в Москве попытки П. Тольятти пойти несколько дальше в критике сталинизма как системы, задавшись вопросом: а не произошло ли при Сталине скатывание советского общества к “некоторым формам перерождения”. Элемент полемики с Тольятти содержался даже в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 г.

“О преодолении культа личности и его последствий”, призванном четче обозначить допустимые границы в критике Сталина.

При всей половинчатости решений XX съезда осуждение Сталина и провозглашение тезиса о многообразии путей продвижения к социализму были достаточным и для того, чтобы поставить в непростое положение служивших “верой и правдой” официальной Москве лидеров зарубежных коммунистических партий, сразу же ставших объектами резкой критики в своих странах как за апологетику сталинской политики, так и за неоправданное следование советским образцам и моделям в предшествующие годы. Это коснулось и партийно-государственных руководителей стран советского блока, в которых к середине 1950-х годов все более отчетливо обнажились кризисные явления в экономике, свидетельствуя о несбыточности провозглашенных программ форсированного построения социализма и настоятельно требуя корректировки курса (об этом говорили на материале разных стран *А.М. Орехов, В.В. Марьина, Б.Й. Желицки, Т.В. Волокитина, Т.А. Покивайлова*).

Пользуясь тем, что подавляющее большинство партийцев (за исключением Польши, где текст доклада, отпечатанный тиражом в 20 тыс. экземпляров, широко распространялся в обществе и даже продавался на “черном рынке”) имело более, чем смутное представление о том, что происходило в Москве на закрытом заседании, лидеры стран “народной демократии” по возвращении домой стремились в прессе и устных выступлениях (в частности, на пленумах своих партий) так интерпретировать решения XX съезда, чтобы затушевать разительное несоответствие между идеями обновления, принесенными из Москвы, и собственной досъездовской практикой. Задача стояла перед ними мало выполнимая, поскольку эти люди в большей или меньшей мере скомпрометировали себя прямой причастностью к крупномасштабным репрессиям (в том числе в ряде стран проведением показательных судебных процессов в отношении неугодных деятелей) и, кроме того, несли ответственность за провалы в экономической политике.

При всей своей ограниченности решения XX съезда КПСС дали мощный импульс реформаторским силам в странах советского лагеря, ведь критика тех или иных сторон системы, за которую прежде представители оппозиционно настроенной интеллигенции подвергались нещадным гонениям, вдруг получила неожиданную поддержку из самой Москвы. Стремление советских лидеров к переменам иногда преувеличивалось. Вместе с тем реформаторские тенденции, шедшие из Советского Союза, были легитимизированы уже одной лишь своей принадлежностью к советскому опыту и в силу этого были особенно опасны для противившихся реформам восточноевропейских лидеров, стремившихся возвести преграды на пути новых веяний из СССР. Показательна приводимая в советских дипломатических донесениях из Будапешта за март 1956 г. шутка о том, что Ракоши мечтает возвести “железный занавес” между СССР и Венгрией. Как бы там ни было, исходившие от реформаторов призывы к переменам, оказавшись в известном созвучии с официально провозглашенной линией КПСС, обрели значительно больший вес в общественном мнении, стали в некоторых странах реальным фактором внутривосточной жизни, с которым властям теперь уже приходилось считаться.

Известный венгерский политик А. Генц (активный участник событий 1956 г., а в 1990–2000 гг. президент своей страны) заметил в начале 1990-х годов, что в отличие от СССР в странах Восточной Европы не успел сложиться миф об аб-

солютной неизбежности существующей системы власти [11. С. 30]. Вместе с тем ситуация в разных странах была, как вытекало из прозвучавших докладов, совсем не одинаковой. Если в польском и венгерском обществах к весне 1956 г. был уже накоплен некоторый опыт борьбы за десталинизацию, реформаторские течения заметно окрепли и партийное руководство, оказавшись под массивным давлением снизу, начало постепенно сдавать свои позиции, то в Восточной Германии, Чехословакии, балканских странах коммунистическая власть с ее мощным репрессивным механизмом смогла удержать контроль за ходом событий, заблокировав любые проявления внесистемной политической активности.

В экономически развитой и обладавшей демократическими традициями Чехословакии несмотря на значительные структурные сдвиги в промышленности (связанные с переориентацией внешнеэкономических связей на Восток) в 1950-е годы еще продолжал сохраняться довольно высокий по европейским стандартам уровень жизни, что не способствовало радикализации оппозиционных настроений. В этих условиях (как отмечалось в выступлении *В.В. Марьиной*) руководству Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) удалось полностью уйти от ответственности за все так называемые “деформации социализма”, проявления культа личности и нарушения “социалистической законности”. Главная вина была возложена на бывшего генерального секретаря ЦК партии Р. Сланского, ставшего жертвой внутрипартийной борьбы и казненного в 1952 г. В решении июньской конференции КПЧ говорилось, что Сланский “хотел превратить партию в бездушное орудие, которое служило бы его карьеристским интересам” [8. 13 VI 1956]. С трибуны мартовского пленума Центрального руководства Венгерской партии трудящихся (ВПТ) Ракоши, стремясь оградить себя от обвинений в затягивании с реабилитацией жертв репрессий, сослался на мнение “чехословацких товарищей”, которые, беседуя с ним в кулуарах XX съезда, упрекали венгерских лидеров за излишнюю торопливость с пересмотром судебных дел. В Чехословакии в это время все фактически ограничилось отменой обвинений за связи с титовской Югославией. Процесс реабилитации жертв режима здесь не набрал ход, многие из чехословацких коммунистов, осужденных в начале 1950-х годов, ждали реабилитации до 1963 г. С другой стороны, как обратила внимание *В.В. Марьиная*, в целях умиротворения общества правительство в 1956 г. обратило первоочередное внимание на социальную сферу, шло по пути понижения цен и повышения зарплаты рабочим и служащим. Такая политика оказалась в тех условиях эффективной: в октябре 1956 г. чешский и словацкий рабочий класс не проявил активной солидарности с польскими и венгерскими выступлениями против сталинизма. Это заметил и Хрущев, на совещании с лидерами ряда компартий 24 октября обронивший в связи с положением в Чехословакии: “Если живот у человека набит, он не станет прислушиваться к недругам” [12. С. 365].

Совсем иной была динамика событий в Польше и Венгрии. Руководство Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) резонно просчитало, что все равно не удастся скрыть от общества прозвучавшей в выступлении Хрущева правды, пусть далеко не полной, о Сталине и режиме, и любая попытка сохранения в тайне доклада о культе личности вызовет еще более негативную реакцию, нежели обнародование содержащихся в нем фактов. Состояние и умонастроения общества, ознакомленного с содержанием доклада Хрущева, лучше всего охарактеризовал парижский эмигрантский журнал “Культура” в статье

под выразительным заголовком “После землетрясения”. Согласие с необходимостью развенчания культа личности Сталина часто соседствовало (не только в Польше, о чем говорил *А.М. Орехов*, но и в других странах) с недоверием к новым советским лидерам, долгие годы работавшим со Сталиным, а теперь пытавшимся переложить на умершего вождя всю ответственность за происшедшее. Доклад о “культе личности” воспринимался как своего рода политический трюк, при помощи которого Хрущев пытался завоевать для себя авторитет. Существовали также сомнения: не является ли критика Сталина всего лишь тактическим ходом, данью сиюминутной политической конъюнктуре (после Хрущева “придет другой и объявит все это неправдой”).

В ходе обсуждений поднимался вопрос о необходимости коренной переоценки политики Сталина по отношению к Польше, затрагивались проблемы болезненные с точки зрения истории польско-советских взаимоотношений (сентябрь 1939 г., Катынь, Варшавское восстание), ставился вопрос: не являются ли Катынское дело и отказ оказать поддержку Варшавскому восстанию результатом сознательной политики, направленной на ослабление польской государственности? Стремление преодолеть завесу молчания проявилось и в прессе – в том числе в переоценке исторической роли Армии Крайовой (АК), подчинявшейся лондонскому эмигрантскому правительству. В условиях, когда разбуженное общественное мнение впервые после долгого перерыва стало фактором, влияющим на принятие политических решений, власти пошли весной 1956 г. на проведение амнистии, вследствие которой вышло на свободу более 9 тыс. политзаключенных, в том числе бойцы АК.

Тезис о многообразии путей к социализму дал повод для обсуждения проблемы суверенитета Польши, его гарантий при наличии на территории страны частей Советской армии. Звучали призывы к радикальному пересмотру характера отношений с Москвой. Спонтанно возник вопрос о переоценке осужденного в конце 1940-х годов “правонационалистического уклона” в ПОРП; вопреки усилиям партийного руководства, пытавшегося воспрепятствовать политической активизации В. Гомулки, в массовом сознании (как справедливо отмечал *А.М. Орехов*) определилась явная тенденция моральной поддержки человека, символизировавшего собой “польский путь к социализму”. Своего рода идейной подготовкой возвращения Гомулки на политическую сцену явилась публикация в партийной прессе статей, акцентирующих внимание на специфических особенностях построения социализма в Польше.

Процессы дифференциации в среде правящей партии сопровождались критикой снизу руководства ПОРП за бюрократизм и авторитарные методы, а также запаздывание с постановкой и решением назревших проблем. Выдвигалась идея созыва внеочередного съезда партии для переизбрания ее высших органов. Звучали также призывы к созданию фракций внутри ПОРП. Уже в апреле дискуссия о путях развития страны вышла за пределы правящей партии. Возникло независимое от идеологического контроля ПОРП студенческое движение. В ходе обсуждений проблем функционирования политической системы и демократизации ее механизмов ставился вопрос о необходимости оппозиционных фракций в польском Сейме. Активизировались малые партии, прежде служившие всего лишь приводными ремнями ПОРП. В деятельности части актива Объединенной крестьянской партии (ОКП) отчетливо проявилось стремление к преобразованию в самостоятельную партию, реально отстаивающую интересы польского крестьянства. Выработка ее программы действий была неотдели-

ма от критики аграрной политики в Польше с конца 1940-х годов. По мнению *А.М. Орехова*, весной 1956 г. руководство ПОРП оказалось в целом неспособно предложить обществу продуманную реформаторскую программу, кризис продолжал углубляться, что нашло отчетливое проявление в познаньских волнениях конца июня 1956 г.

Не только в Венгрии и Польше, но и в более спокойной Чехословакии весной – в начале лета 1956 г. главным выразителем оппозиционных настроений стало независимое движение творческой интеллигенции, выступавшей с требованием идеологического и политического плюрализма. Фрондирующий Союз польских писателей превратился в арену столкновения радикально настроенных литераторов и представителей партийных властей (о положении в литературной жизни Польши говорил *В.А. Хорев*). Если поначалу доминировали требования невмешательства в искусство со стороны партийных органов и критика социалистического реализма как метода мифологизации действительности в соответствии с определенным политическим заказом, то позже вопросы художественной культуры отошли на второй план. Председатель Союза польских писателей *А. Слонимский* говорил в апреле на сессии Совета культуры и искусства ПНР: “Дело вовсе не в Сталине, а в социалистическом строе, который неизбежно рождает Сталиных” [4. С. 149].

Значительным был отклик на решения XX съезда КПСС чешских и словацких литераторов (об этом говорили *С.А. Шерлаимова* и *Ю.В. Богданов*). Ключевым событием в культурной жизни страны стал Второй съезд чехословацких писателей, состоявшийся в конце апреля. В выступлениях ряда участников съезда и, прежде всего, выдающихся чешских поэтов *Я. Сейферта* и *Ф. Грубина* была впервые публично подвергнута острой критике система идеологического диктата, установившаяся в обществе после 1948 г., осуждена практика цензурного произвола. Писателю вновь, по крылатому выражению Сейферта, надлежало в духе вековой традиции стать “совестью нации”. “Казалось, что острая грань между культурой официальной и независимой начнет стираться, появилась надежда, что начнут выходить книжки, которые до сих пор выйти не могли, на съезде говорилось о писателях, отстраненных от литературы, и о тех, которые были репрессированы”, – вспоминал впоследствии *В. Гавел* [13. С. 37]. Словацкие писатели на своей конференции 1 июня 1956 г. всецело солидаризировались с “пафосом” Второго съезда и, прежде всего, с требованием подлинной творческой свободы для творцов литературы. Горячо обсуждался и болезненно волновавший словаков вопрос о репрессиях, постигнувших словацких писателей, обвиненных в 1951 г. в “буржуазном национализме”. В первую очередь речь шла о реабилитации и возвращении в литературу талантливого поэта-коммуниста *Л. Новомеского*, отсидевшего половину десятилетнего срока и выпущенного в 1956 г. под надзор полиции.

Как отмечал, в частности, *Ю.В. Богданов*, именно настроения в писательской среде доставляли больше всего хлопот партийному руководству Чехословакии, старавшемуся как можно скорее приглушить начавшееся после XX съезда брожение в обществе. Так, ситуации в Союзе словацких писателей была посвящена добрая половина доклада первого секретаря ЦК КПС К. Бацилека об идеологических проблемах партийной работы в Словакии (октябрь 1956 г.), в котором жесткой критике подверглись периодические издания Союза – еженедельник “Культурны живот” и журнал “Млада творба”. А на городской пар-

тийной конференции в Братиславе (март 1957 г.) коллективам этих органов было предъявлено обвинение в том, что они стремились превратить свои издания в идеологический оппозиционный центр наподобие Кружка Петефи в Будапеште.

Грозная тень октябрьских событий в соседней Венгрии (а 600-тысячное, компактно проживающее в Словакии венгерское меньшинство было особенно восприимчивым к происходившему в соседней стране) побуждала словацкое руководство по возможности к мирному урегулированию отношений с писателями. К концу 1957 г. не только партийные лидеры, но и писатели, не получившие в тот момент ощутимой поддержки в обществе, склонились к компромиссу: все ограничилось удалением со своих постов ряда функционеров творческого союза. В отличие от Чехии, в Словакии ни одно из периодических изданий Союза писателей не было закрыто, правда, они несколько снизили градус своей критической активности.

Хотя и в Польше, и в Чехословакии, и в Венгрии конфликт власти и творческой интеллигенции был к концу 1950-х годов внешне исчерпан, публично поднятые весной 1956 г. на волне XX съезда насущные проблемы не получили никакого внятного разрешения: загнанные внутрь, они продолжали жить в общественном сознании. Когда в начале 1960-х годов чехословацкая экономика вступила в полосу затяжного кризиса, политический маятник на XII съезде КПЧ в декабре 1962 г. вынужденно качнулся в сторону проведения экономической реформы, некоторой либерализации общественной жизни, пересмотра политических процессов 1950-х годов. Как прозвучало, в частности, в выступлении *Ю.В. Богданова*, в Словакии веяния демократизации с самого начала получили особую, ярко выраженную национальную окраску, что было обусловлено недовольством все более широких слоев населения политикой Праги по отношению к Братиславе. Такое отношение особенно усилилось после принятия в 1960 г. новой конституции Чехословакии, согласно которой Словакия лишилась всех сколько-нибудь значимых органов самоуправления; тем самым был практически перечеркнут основной принцип чешско-словацкого общежития, провозглашенный в 1945 г. в Кошицкой программе, – отношений “равного с равным”. В Словакии именно литературный еженедельник “Культурны живот” стал трибуной оппозиционных настроений по отношению к централистско-бюрократическому курсу А. Новотного, со слепым упорством отстаивавшего дух и букву унитарной чехословацкой государственности. Реабилитация так называемых “буржуазных националистов” – В. Клементиса (посмертно), Г. Гусака, Л. Новомеского и других в 1963 г. стала по сути дела актом реабилитации национального самосознания, преодоления комплекса национальной неполноценности. Вообще и для словацкой, и для чешской литературы, хотя и несколько по-разному, не столько 1956 год, сколько именно 1963 год стал новой отправной точкой в будущее, резко повысив ее иммунитет к любым волюнтаристски навязываемым рекомендациям, усилив ее сопротивляемость прямому идеологическому и административному нажиму.

В отличие от соседней Чехословакии, в Венгрии и Польше уже в первые месяцы после XX съезда соотношение сил на внутривластной арене поставило власти перед необходимостью далеко идущего компромисса с реформаторски настроенной оппозицией, зародившейся в недрах правящих партий, однако к осени 1956 г. все более перераставшей узкопартийные рамки, становившейся

выразителем интересов всего общества. При этом в Польше, как отмечалось на конференции, новое руководство во главе с В. Гомулкой сумело совершить решительный поворот к отстаиванию национальных приоритетов перед диктатом Москвы, что нейтрализовало наиболее радикалистские настроения в обществе, чрезвычайно чувствительном к неравноправию в польско-советских отношениях, предотвратило развитие событий по венгерскому варианту. В Венгрии же постоянное запаздывание властей с принятием эффективных политических и экономических мер, способных разрядить взрывоопасную обстановку, привело к мощному вооруженному восстанию 23 октября.

Даже если принять во внимание неоднозначность венгерских событий (показавших не только примеры борьбы против сталинистской диктатуры, но и ничем не оправданные акты вандализма разъяренной толпы), следует признать, что избранный осенью 1956 г. силовой способ решения венгерского вопроса контрастировал с обновительной риторикой XX съезда КПСС (об этом говорили *Б.И. Желицки* и *А.С. Стыкалин*). Всему миру были наглядно продемонстрированы реальные пределы провозглашенного Н.С. Хрущевым курса на отказ от сталинской внешнеполитической практики, предполагавшего среди прочего признание многообразия форм перехода к социализму и корректировку характера отношений с союзниками по социалистическому лагерю. Показав неспособность советских лидеров пойти на более решительный разрыв со сталинским наследием во внешней политике, действия СССР в Венгрии пагубно сказались на его международном престиже и имидже. В частности, военное вмешательство официальной Москвы во внутренние дела Венгрии оттолкнуло от нее многих левых интеллектуалов на Западе, связывавших с XX съездом КПСС определенные надежды на демократическое обновление социализма в СССР. Это способствовало усилению изоляции мирового коммунистического движения от потенциальных союзников.

С точки зрения внутренних процессов, происходивших в самом коммунистическом движении, венгерские события имели не меньшее значение. Можно отчасти согласиться с известным венгерским ученым-политологом И. Бибо (в начале ноября 1956 г. министром в коалиционном правительстве И. Надя), который весной 1957 г., незадолго до своего ареста и тюремного заключения писал: “Когда после смерти Сталина его преемники широким фронтом приступили к смягчению сталинской политической практики, затем провалили попытку создания нового культа личной власти (речь идет о Берии. – *А.С.*), а на XX съезде и принципиально порвали с некоторыми характерными сталинскими тезисами, подвергнув критике самого Сталина, все это породило среди коммунистов надежду на то, что в коммунистическом движении, и прежде всего в КПСС, есть такие силы, которые смогут вывести их на более правильный путь строительства социализма. После того, что случилось в Венгрии с 4 ноября и позже, надежда эта была навсегда подорвана” [14. С. 31]. Политика СССР, не просто нацеленная на удержание Венгрии в рамках советского блока любой ценой, но исходившая из неприятия слишком далеко идущих реформ в этой стране, показала сторонникам “национального коммунизма” в разных странах, что и после XX съезда любые попытки отхода от образцовой советской модели общественного устройства могут быть восприняты официальной Москвой как посягательство на ее ведущую роль в социалистическом лагере и – шире – международном коммунистическом движении и способны вызвать с ее стороны негативную реакцию. Вследствие венгерских событий в ряде западных компартий

обострилось противоречие между приверженцами национально-специфического пути к социализму и сторонниками последовательной ориентации на Москву, отчетливо наметилась тенденция к расколу. Приостановилось начавшееся в 1954–1955 гг. сближение Советского Союза с титовской Югославией, продолжавшей упорно отстаивать свою концепцию социализма, произошло заметное осложнение советско-югославских отношений.

На конференции говорилось, однако, и о том, что силовое решение венгерского вопроса не было заранее predetermined. Как явствует из опубликованных записей заседаний Президиума ЦК КПСС за конец октября 1956 г. [12], в Кремле не только осознали невысокую эффективность прежней восточноевропейской политики СССР, основанной на жестком диктате, но и сделали определенный шаг к отказу от нее. В течение нескольких дней доминировали поиски мирного варианта разрешения кризиса. Дух XX съезда КПСС, провозгласившего идею многообразия путей к социализму, имел (пусть эфемерный) шанс на то, чтобы реально проявить себя в советской внешней политике. Однако решимости в проведении нового курса советским лидерам явно не хватило. Восторжествовал более привычный силовой подход. А.И. Микоян, до конца отстаивавший линию на политическое разрешение конфликта, не был понят и поддержан своими товарищами по Президиуму ЦК. Достигнутая вооруженным путем победа решила сиюминутную задачу “наведения порядка” в Венгрии, но в более долгосрочном плане оказалась пирровой. Хотя после 1956 г. стиль отношений Москвы с союзниками претерпевает определенные изменения (здесь сыграла свою роль и принятая в самый разгар венгерских событий, 30 октября 1956 г., небезызвестная “Декларация об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами” [8. 31 X 1956], на которую потом охотно ссылались в диалоге с Москвой ее, стремившиеся к расширению самостоятельности, восточноевропейские соседи), шанс перестройки этих отношений на принципиально новых основаниях был упущен, что не позволило переломить тенденции к углублению кризиса социалистической системы. Все это в конечном итоге привело к ее закономерному краху на рубеже 1980–1990-х годов.

Говоря о влиянии XX съезда КПСС на эволюцию советской системы, положение в Восточной Европе и мировом коммунистическом движении, докладчики не обошли вниманием и вопрос об исторической роли Хрущева. О ней, по всеобщему мнению, не приходится говорить однозначно. Хрущев был не только сознательным разрушителем сталинского наследия, многими своими действиями выпадавшим из системы, плотью от плоти которой являлся, но человеком, который в силу своей непоследовательности, идеологической зашоренности, торопливости, утопического прожектерства нес значительную долю ответственности за неудачу десталинизации. Можно согласиться с тем, что когда-то, в 1980-е годы, написал известный историк и философ М. Гелфер: “ослушник сталинской системы”, Хрущев не был способен “совладать со Сталиным в самом себе”; всякая попытка сделать своей программой “анти-Сталина” при помощи его же наследия (бесконтрольности “идеальной”, хотя и несколько вземленной в сравнении со сталинскими временами власти) “должна была вернуть вспять либо загнать в тупик Хрущева, а вместе с ним и нашу страну” [15. С. 177, 181]. Однако это уже предмет для дискуссий на другой конференции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбачевские чтения. М., 2006. Вып. IV. XX съезд и доклад Н.С. Хрущева “О культе личности” в российской истории: к 50-летию XX съезда КПСС.
2. 50-летие XX съезда КПСС. Круглый стол 22 февраля 2006. М., 2006.
3. *Сенявский А.С.* XX съезд КПСС в контексте российской истории. Круглый стол ИРИ РАН // Отечественная история. 2007. № 1.
4. *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы “оттепели”: из истории советско-польских отношений. М., 2005.
5. “Видал, как возникает культ личности”. Матяш Ракоши о Сталине и о себе // Источник. 1997. №.1.
6. Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002.
7. *Барсуков Н.А.* XX съезд в ретроспективе Хрущева // Отечественная история, 1996. № 6.
8. Правда.
9. Архив внешней политики РФ (АВПР). Ф.047. Оп.37. Д.7. Папка 187.
10. *Чуканов М.Ю.* Отклики Социалистического Интернационала на XX съезд КПСС // Отечественная история, 2006. № 1.
11. *Генц А.* Будапешт, 1956... // Новое время. 1991. № 35.
12. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы.
13. *Гавел В.* Заочный допрос. М., 1991.
14. *Бибо И.* Положение в Венгрии и мировая обстановка // Мост. Будапешт, 1992. № 1–2.
15. *Гефтер М.Я.* Судьба Хрущева. История одного неусвоенного урока // Октябрь. 1989. № 1.

© 2008 г. Г. Д. ГАЧЕВ

АРХИВ – ЭТО: ЧТО ТВОРИЛО ТВОРЦА?

(К изданию документов и материалов о жизни Васи́ла Друме́ва)

Исследовать архив каждого творца – это в “святая святых” его существование проникновение: чем жива́ его душа жива в роднике ее, чем дышала. И как мы в жизни ценность придаем не пространству, воздуху и свету, а предметам и идеям – сгусткам, плывущим в ареале полей-стихий этих: в делах и произведениях, в поступках зрим первоценность, – так и не придаем значения тому, ИЗ ЧЕГО возникают все эти отдельности – субстрат и поддон и окутывающий воздух... Словом, “из какого сора растут стихи”, что на поверку внимательным оком совсем и не “сором” оказывается, а интереснее порой, чем и самые “стихи”.

И это – второй уровень интереса к явлению человека-творца, на который общество и публика выходят, уже насытившись первым: творениями – книгами читанными, картинами выставленными, поступками-делами, произведшими впечатление, памятными и вписанными в анналы истории. А вот на следующий уровень, более глубокий: а что творило творца, личность сию – какая плазма жизни, среда, что под и вокруг? – на это выходит культура спустя время: в поколении не современников, а потомков, последователей и исследователей, кто как раз роется в культурном слое, как археолог, и добывает те “черепки” и “берестяные грамоты”, что остались рудиментами от некогда полноценного быта, духа эпохи и стиля жизни людей. Живая плазма и среда открываются нашим очам – “аутентичность”, “всамделишность” существования, первичность, не пропущенная даже через сосуд-тигель творца, его перегонный аппарат, из чего шедевр произведения накапал наружу на подход и погляд, что можно потрогать как вещь и предмет.

На эти соображения вышел я, взявшись читать книгу: “Климент Браницки и Търновски (Васил Друмев). Документи и материали” [1]. Книга составлена из материалов, открытых Мариной Смольяниновой в ходе ее многолетних разысканий в провинциальных архивах Болгарии. Исследовательница – известный специалист в области болгарской литературы, автор многих книг и статей, в том числе ею написаны разделы о литературе Болгарии в трехтомной “Истории литератур западных и южных славян”, подготовленной Институтом славяноведения РАН. Она награждена Высшим орденом БАН – “Ма-

Гачев Георгий Дмитриевич – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

рин Дринов” “за исключительные заслуги перед Болгарской Академией наук, большой вклад в изучение болгарской литературы эпохи Возрождения и укрепление болгаро-русских научных и культурных связей”. И эта книга соделана на высоком уровне научной квалификации – да. Но и читается так, что я оторваться не мог – пуще, чем если бы перечитывал знаменитые художественные сочинения того же автора: повесть “Несчастное семейство” и драму “Иванко – убийца Асена I”.

Но чтоб понятен стал этот эффект, надо прежде ознакомить читателя, а себе – вспомнить фактуру-текстуру личности и дела этого автора-персонажа в жанре “who is who” – по анкетным критериям и рубрикам: как человек вписывается в социум и им знаем извне. А затем, “вторым номером нашей программы”, явить: что так впечатлило меня из документов архива и поделиться этим интересом и с читателями сего опуса.

Васил Друмев (1841–1901) – замечательная фигура в эпоху болгарского возрождения: писатель, просветитель, общественный и церковный деятель – митрополит. Типичная многогранность – для “титанов Ренессанса”. Она – и от синкретического характера культуры, что еще являет собою только начинающий распускаться бутон, и от целостности натуры и личности людей, не ставших еще рабами разделения труда, узкими специалистами-мастерами в своих профессиональных областях.

Сын мелкого ремесленника, Васил Друмев девятнадцатилетним юношей написал первую болгарскую повесть (“Несчастное семейство”, 1860), став основателем национальной беллетристики, а в 37 лет он – первоиерарх болгарской церкви – Климент, епископ Браницкий и митрополит Тырновский, а после Освобождения Болгарии год занимает посты премьер-министра и министра народного просвещения, затем – опала, заточение в монастырь... Такова траектория судьбы...

Но – по порядку. В юности был близок к революционерам, состоял в отряде Георгия Раковского – в “легии” в Белграде, что готовила вооруженное восстание против турок. Затем учеба в России: окончил Одесскую духовную семинарию в 1865 г., потом Киевскую духовную академию в 1869 г. В 1869–1873 г. он в Браиле, в Румынии – один из основателей Болгарского литературного общества, предтечи Болгарской Академии наук. Он редактор и первого научного журнала “Периодическо списание” в 1870–1873 гг., где выступал как публицист и литературный критик. Уже он – известный прозаик и драматург. В повести “Несчастное семейство” – жуткие страдания болгарского народа под турецким игом представлены. А в следующей повести “Ученик и благодетели” (1864) он утверждает просветительские идеи и выступает с прогрессивными взглядами в педагогике. Но и в истории болгарской драматургии его трагедия “Иванко – убийца Асена I” (1872) – основоположна. В ней он ставит проблемы властолюбия и долга, личных амбиций и государственных интересов...

Вообще он – просветитель и воспитатель своего народа, педагог, что сказывается в его страстных текстах. Вот как актуально звучат и ныне его строки, написанные в 1872 г., обличающие родоотступничество (что эпидемией прокатывается в Болгарии начала XXI в.): “Нельзя уважать человека, отказавшегося от своей национальности, ибо в таком случае он сам топчет себя, сам не уважает себя. Но такое печальное будущее готовят своим детям те родители, которые отдают их в иностранные училища, а о своих народных училищах не заботятся.

Может быть, дети таких родителей и достигнут лучшего материального положения, но они легко могут потерять самое дорогое – свою национальность. В них не будет той искры божественного огня, которая делает человека достойным этого звания, которая заставляет его плакать о народных бедствиях, радоваться народным радостям и жертвовать собой ради народных нужд. В трудных обстоятельствах они махнут рукой на дела народные и совершенно откажутся от своей национальности” (цит. по [2. С. 48–49]).

Самому ему как раз и пришлось “пожертвовать собой ради народных нужд”. Писатель и педагог по склонности натуры, он в 1873 г. принимает духовный сан, почти “наступая на горло собственной песне”. “Многие заклинают меня во имя народа принять духовный сан, – писал он критику Н. Бончеву, – Что вы скажете на это? Ряса пугает меня” [2. С. 49]. Но тогда как раз шла бурная борьба за церковную независимость Болгарии, и нужны были просвещенные иерархи. Приняв сан, Друмев писал Т. Пееву, заменившему его в Болгарском литературном обществе: “Трудно мне, и день ото дня становится все труднее. Напрягаю все свое благоразумие, но ничто не помогает мне. Страшная тоска охватывает меня порой... Эх! Бесценна человеческая свобода...” [2. С. 49–50]. Вот уже заглядываем мы во внутренний мир этого человека, что еще глубже раскроется в архивных материалах...

И вот он уже епископ Климент Браницкий, епархия его в Северной Болгарии, в Силистре и Русчуге на южном берегу Дуная, а на северном – Браила, где основанное им “Периодическое списание” Болгарского литературного общества продолжает функционировать, а он шлет туда статьи. Но главное – его просветительно-педагогическая деятельность, забота о церковных и светских училищах, что отражено в архивных материалах Силистренской болгарской общины за 1874–1877 гг. О них – позже. А пока – о величайшем событии в истории Болгарии – ее освобождении в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Во время русско-турецкой войны Васил Друмев был епископом Русенской епархии. За несколько дней до ее начала первый секретарь русского консульства в Русчуге Крылов посетил болгарского владыку, чтобы сообщить о предстоящих событиях, и предложил ему немедленно отправиться в Бухарест. Климент Браницкий отказался, говоря, что оставить Болгарию в эти трудные времена ради собственной безопасности было бы бесчестно. Он приводил доказательства, что и для болгарского населения, и для русских войск будет значительно полезнее ему остаться. И действительно, в осажденном городе существовал комитет, в который входил и епископ Климент. Этот комитет собирал сведения военного характера и посылал их в русский штаб. Захарий Стоянов, осуждавший болгарское духовенство за пособничество туркам во время войны, подчеркивал, что исключение составлял епископ Климент, проявивший гражданское мужество и имеющий большие заслуги перед болгарским народом. Когда русские войска под предводительством генерала Эдуарда Тотлебена входили в Русчук, их встречала делегация жителей города во главе с Климентом Браницким. Командование русских войск было приглашено на благодарственный молебен в соборной церкви “Св. Троицы”. Там и произнес владыка нижеследующую речь – на русском языке. Она представляет собой замечательный и исторический, и литературный документ, так что имеет смысл ввести ее в обиход и нашего славяноведения.

*Речь епископа Климента Браницкого
при встрече войск русских освободителей в Русчуке в 1877 г.*

“Добре дошли!

Итак, наше горячее желание исполнилось. После долгих ожиданий и сомнений, после долгих страданий и страха, мы, наконец, видим вас, храбрые и благородные российские воины, среди нас и вы приносите нам желанный мир. Слава и благодарение Всеблагому Богу, который по великой своей милости сподобил нас дожить до этой счастливейшей минуты. Правда, мы не знаем еще условий мира, который вы нам приносите, но мы знаем, что вы пришли к нам во имя Господне, т.е. во имя той евангельской любви, которая водворит у нас мир, спокойствие и счастье; мы знаем, что Император Всероссийский, великий царь-освободитель благоволил посетить нашу несчастную Болгарию, разделить вместе со своими возлюбленными детьми и храбрым своим воинством все опасности войны для того, чтобы облегчить нашу злую участь, сделать нас свободными, счастливыми; мы знаем, наконец, что храброе российское воинство перенесло много трудов и лишений, пролило много драгоценной крови для нашего освобождения. А зная все это, мы не можем не радоваться до глубины души, видя вас между нами, не можем не благодарить Бога за это в самом деле великое счастье, не можем не благословлять святую Русь и ее великодушного Императора. Только простите нам, если мы не умеем встретить вас, дорогие гости, так, как вы заслуживаете и как бы нам хотелось. Нам хотелось бы обнимать вас как друзей, целовать как братьев, радоваться вам, как нашим благодетелям, удивляться вашей братской любви к нам. Но все это не выскажет той глубочайшей признательности, которою преисполнены сердца наши к великому царю-освободителю, к вам, храбрым российским воинам и ко всему русскому народу. Дело, совершенное вами по мановению великого Александра Второго, так велико, свято и благородно, а последствия этого великого дела, как мы предполагаем, так будут благотворны для нас и для будущих наших поколений, что мы теперь можем только благоговеть перед этим великим делом, благословлять святую Русь, плакать и радоваться. И потому не удивляйтесь, что мы здесь, во святом Храме Божиим встречаем вас только скромным благословением церковным и молитвословием за царя-освободителя и за всю Россию, не удивляйтесь, если и на улицах, и в домах вас будут встречать только словами “добре дошли” (“Добро пожаловать”. – Г.Г.). Это простые слова, правда, но оне произносятся от глубины души, не удивляйтесь, если заметите, что многие в молчании и со слезами на глазах смотрят на вас, когда вы будете проходить мимо них; это слезы радости и счастья, не удивляйтесь, если при встрече с вами многие будут делать крестное знамение: это – призывание на вас благословения Божия” [1. С. 69–70].

Эта речь – не просто ритуал и этикет, но выражает страстную любовь к России, где Васил Друмев учился 10 лет. И когда далее Болгария в мировой политике великих держав стала яблоком раздора между Россией и германским миром (Германия, Австрия), откуда ей сватали в князья то Александра I Батенберга, то затем Фердинанда I Кобургского, митрополит Тырновский Климент решительно держал сторону России и внутренне противостоял усилению германского влияния при режиме Стефана Стамболова, за что подвергался репрессиям. Так, 12 октября 1888 г. он дает письменные объяснения министру иностранных дел и вероисповеданий за то, что, служа литургию, наряду с именем болгарского князя как главы государства упомянул и имя русского императора как покровителя

Болгарии. Владыка обвинен в открытой антиправительственной политике и антиболгаркой деятельности в пользу чуждой силы. Митрополия окружена полицией. А «14 февраля 1893 г. Климент Тырновский произносит речь в неделю православия, в которой содержались косвенные укоры Фердинанду за его нежелание принять православную веру. Речь послужила поводом для ареста владыки и его заключения в Лясковецком монастыре “Св. апостолов Петра и Павла”. Начинается процесс против него...» [1. С. 240, 242].

А как варварски протекал арест, остался след в завершающем архивные материалы письме митрополита Климента Тырновского его племяннику Димитру Друмеву, написанном на клочке бумаги: «Митьо! С 11 на 12 августа (в ночь, наверное. – Г.Г.) явился Горно-Оряховский Начальник вместе со старшим и двумя конными стражниками и взяли меня из Петро-Павловского монастыря, не говоря, куда меня повезут. На мой вопрос: “Куда меня повезете?” – Начальник ответил мне: “Увидим!..” – “Но ведь уголовное дело против меня находится на апелляции, и что станет с ним?” – “Не знаю, это не мое дело” – мне ответили... Бог да будет мне в помощь! Благословляю всех наших, привет всем друзьям. Пусть никто не помянет меня лихом.

11 августа 1893 г. Митроп(олит) Климент» [1. С. 225–226].

Прерывистая интонация схваченного врасплох человека, кого ведут в неизвестность. И готовность к худшему, и прощание с жизнью...

Так что митрополит Климент – болгарский народный поп и страдалец – перекликается и с нашим русским протопопом Аввакумом.

Ну, судьба оказалась к нему милостивее – в 1894 г. пал режим его гонителя Стамболова, и почет вернулся к нему.

Большой раздел в книге составляют письма Василя Друмева, уже митрополита Климента Тырновского, его племяннику Петру Друмеву в последние годы жизни (1890–1899). В них очерчивается благородная личность нашего персонажа. Давая учительные наставления юноше, он не без иронии рефлектирует о себе. Вот письмо от 14 марта 1896 г.: «В Софии действительно были большие торжества, много суеты, я все вертелся около больших людей и не скрою, что и я был до некоторой степени предметом особого внимания, особой благосклонности, любезности, даже и почестей со стороны этих больших (подчеркнуто – иронически, предполагаю, – самим В.Д. – Г.Г.) людей. Все это, однако, не побудило забыть о “простых смертных”, как предполагаешь ты. Впрочем, кто знает! Есть люди, которые, когда в стесненных обстоятельствах, вспоминают о “простых смертных”, а когда им просторно и окружены почестями и обласками, совершенно забывают об этих простых смертных. Так и я, видимо, не из этих ли людей? Кто знает! Человек, насколько способен замечать чужие недостатки, относительно своих, однако, бывает совершенно неспособен и непроницателен. Не напрасно, видимо, философ сказал “познай самого себя”. Это – самая соленая мудрость и непреложная истина, но дело в том, что трудно человеку познать самого себя...» [1. С. 212].

О старости и молодости пронизательные и с юмором соображения: “Видишь ли, Петре, человеку быть старым – не подарок, с одной стороны, но с другой – есть и свои удобства, потому что все можно свалить на старость. На многие упущения, вызванные старостью, люди смотрят сквозь пальцы, усмеваются,жимают плечами и добродушно, хотя и насувлено, прощают. Так и я, если не держу слова, не так уж вредит это, не правда ли? Ведь – старость! Кроме того, ты знаешь, что большие (!) люди тяжеленьки, да еще имеют такую прекрасную

привилегию, подобную старости: пользоваться почитанием и право делать всякое – и то все хорошо, да и говорить всяческие пустяки – и это все будто умно, гениально!.. Но слушай, что тебе скажу. Ты не должен смотреть с недоверием на эту китайскую мудрость. Она очень умна и практична. И ты остареешь, и ты станешь большой человек, так что свыкайся с этой мудростью. Поистине, ты еще очень молод, но свыкайся с тем, что когда случится тебе слышать, как хвалят какую-либо старческую глупость и ее превозносят до небес как нечто самое умное и гениальное, а в то же время не воздают подобающего той или иной умности молодого человека, – не сердись, не удивляйся!” [1. С. 220–221].

И психология, и быт людей того времени проступают в письмах, и в дневниках, и даже в протокольных записях про заседания училищных советов – наивно, естественно, без всякого прицела на художественное изображение и бытописание.

Вот наш митрополит обращается к племяннику с такой просьбой: “Видишь-ся ли со Спиро Стоманяковым? Если ты с ним знаком и видишься с ним, спроси его: где можно достать “погребец”? Сдается мне, что ты знаешь, что такое погребец. Это крепкая кубическая коробка с помещением для самовара, чайника и прочих чайных принадлежностей. Нужен мне такой погребец для поездок по селам. Писали отсюда г-ну Рашееву в Одессу, но он ответил, что нет такого и что надобно заказывать на фабрике и что это дорого бы стоило” [1. С. 217]. “Погребец” помнится ему по жизни в России – тамошнего быта вещица.

Ну и тут же сообщает из Тырнова в письме от 15 мая 1897 г. о культурном событии: «Этой весной была у нас опера (подчеркнуто им. – Г.Г.) и несколько дней был у нас Славянский со своим хором. Давали оперы: “Трубадур”, “Травиата”, “Фауст”, “Эрнани” и еще другие. Славянский дал три концерта. Друми, Елисавета и Райна (молодые родственники его: патриархально родолюбив наш народный митрополит – и опекает, и воспитывает членов семейства и рода его! – Г.Г.) ходили почти на все оперы, как и на концерты. Понравилось им все. И они радовались, а и мне было дорого, когда глядел и гляжу на них» [1. С. 221].

Это ведь все: опера, концерты – внове в быту болгар, только приобщающихся к светской цивилизации Европы. И иерарх церкви приветствует сии зрелища весьма скромные, что выводят из дремы традиционного жития и его заведенного круга.

А вот о чем пришлось заботиться епископу Клименту в бытность председателем Казалийского общинного совета, как о том записано в протоколах Силистринской общины 1874–1877 гг., что занимает четвертую часть книги.

“Очередное заседание 18 декабря (1874 г.) под председательством Его Преосвященства Браницкого Климента.

... Его Преосвященство сказал Сакеларию попу Христо, что получил письмо и перстень от его дочери госпожицы Райны, который она возвращает своему жениху Велику Вылканову, кто 10 дней тому назад обручился с названной госпожицей. Сакеларий ответил, что не знает об этом, потому что с тех пор, как обручилась его дочь, она заодно с матерью скрываются от него, и он ничего не понимает. Его Преосвященство сказал, что, кроме прочего, письмо жениху написано в очень обидном тоне, на что Сакеларий ответил, что, хотя согласился отдать свою дочь, но с намерением прежде чем обручать ее, отправиться в Русе разузнать про род жениха. Тогда Его Преосвященство разъяснил Сакеларию, какое серьезное значение имеют эти дела, и что надо было отцу Сакеларию поразмыслить об этом, как отцу, заранее. В связи с этим эконо (общины) отец

Христо сказал, что слышал, как девушка плакала каждый день с тех пор, как совершилось обручение... Затем Сакеларий сказал, что жених сам подал повод для расстройств женитьбы, потому что, когда спросили: какие дары дадут он и девушка, он ответил, что не хочет ни давать что-либо, ни брать. Его Преосвященство выразил сожаление о происшедшем, особенно с дочерью священника, так что если Сакеларий желает расстроить дело, то претерпит наказание – тем более, что перед этим подобное случилось с одной бедной вдовицей, которая претерпела наказание” [1. С. 21].

Да это же – целый сюжет, и сценка с характерами и речами, и картина быта и нравов!.. И на следующем заседании разбиралось это дело – “опять рассматривалось дело Христо Сакелария и В. Вылканова. Этот постоянноствовал в желании жениться на девушке, тогда как Сакеларий сказал, что ему невозможно – взять такого зятем. Во время препирательств отец Сакеларий без всякой извинительной причины сорвался со своего места весьма неприличным образом и бросился поспешно уходить, не испросив позволения от Его Преосвященства” [1. С. 23]. Строптив поп!

Множество подобных брачных, гражданских сюжетов приходилось Клименту разбирать, как в свое время Соломону. Вон тоже: “... Затем рассматривалось прошение Жеки Великовой, которая жаловалась, что некий Стани Стоянов из Алмалия год назад украл ее девство, и она желала, чтобы тот или взял ее в жены, или обеспечивал бы ее. Прошение было принято во внимание, но поскольку упомянутая Жека Великова обратилась предварительно к властям, отчего утратила свое право, совет решил после многих разбирательств, чтобы со стороны Стани Стоянова ей было дано 520 грошей – и с тем освободить как названного молодого человека, так и ее от преследований со стороны митрополии” [1. С. 38].

Много разбирательств училищных: учителей, учеников, об имуществе, – и видно, как прижимисты “дарители” были, и что давали на обед... Так что как очевидец становишься и житель той эпохи и местности, читая эти немудрящие архивные записи.

В Силистре исследовательница открыла неизвестные доселе науке документы о деятельности епископа Климента Браницкого в эпоху национального возрождения. А в архиве Великого Тырнова ей посчастливилось найти его “Дневник” периода 1878–1882 гг., когда в освобожденной Болгарии он стал ректором Петро-Павловского духовного училища (объем “Дневника” – 166 страниц). Эти впервые введенные в научный оборот рукописи, письма, дневники, документы расширяют представление о просветительных взглядах и педагогической деятельности В. Друмева, его взаимоотношениях с современниками, его роли в развитии болгарской культуры XIX в.

Вполне понимаешь охотничий азарт, который должна была испытать исследовательница, Марина Смольянинова, напав на следы этих материалов и отправившись в целое научное путешествие по архивам Великого Тырнова, Силистры, Русе, Варны, Врацы, монастырей – и затратив многие годы на эти поиски. И труд ее окупили изданием этой превосходной книги. В предисловии она так излагает свое кредо – не только литературоведа, кто исследует и комментирует “беловики” совершенных уже произведений, но и “черновики” дневников, рукописей и прочего, что залегает неброско и смиренно в архивах: “Дневник был чрезвычайно увлекателен, читался “на едином дыхании”. Перед моими глазами проступала картина далекого времени, в котором история заполнила

“только контуры”... Предстали неисчислимые препятствия, которые сопутствуют каждому поистине большому делу, как и личные усилия на их преодоление. За ними проявлялся упорный характер, неистощимая энергия, непреклонная воля. И как раз эти индивидуальные черты открыли передо мной новые возможности осмысления – как конкретного человека, так и написанного им. Они скорректировали утвердившийся в моем сознании взгляд, что история литературы есть история процессов, протекавших в определенный период времени. Уже я стала понимать, что история всякой человеческой деятельности, независимо от того, литература это или физика, математика, медицина, – должна быть и историей мечтаний, усилий, дерзости, конечных результатов – заодно и с недостигнутым” [1. С. 6–7]. Прекрасно понято и сказано!.. Это проникновение в экзистенциальный пласт творчества культуры, в шахту, где добываются глубинные сущности и понимания. И пожелаем исследователю дальнейшего продвижения по этому пути!..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Климент Браницки и Гърновски (Васил Друмев). Документи и материали / Откриване на документи и съставителство М. Смолянинова. Коментар Камен Михайлов. София, 2005.
2. *Чемоданова М.* Творчество Васила Друмева и становление болгарской национальной литературы. София, 1987.

© 2008 г. Я. БИЛКОВА

ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ

Пропозиционные и полипропозиционные идиомы и фразеологизмы являются следствием специфических, аномальных комбинаций компонентов лексического, колокационного и пропозиционного уровней. Им свойственны, в частности, ослабленная, нередко обобщенная, референция и явно ограниченный репертуар возможных трансформаций. Область идиомов и фразеологизмов выделяется на основе разнообразных критериев, и ее границы поэтому весьма непостоянны. По направлению от центра этой области к ее периферии, которая является переходом к области неидиоматического языка, уменьшается набор явных признаков (формальных и смысловых) аномальности выражений (здесь можно говорить и о квазифразеологизмах).

Определенную семантико-синтаксическую аномалию, а стало быть и определенную степень идиоматичности, можно видеть и у специфических предложений тавтологической формы. К так называемой *формальной тавтологии* (далее ФТ) следует отнести изречения, чья истинность доказывается лишь их логической формой. Априорно правдивые изречения имеют характер законов логики, т.е. закона идентичности (*Osud je osud – Судьба есть судьба; Co je moc, to je moc – Что уж слишком, то уж слишком; Kdo přijde, ten přijde – Кто придет, тот и придет*), закона исключения другой возможности (*Bud' přijde, nebo neprijde – Или придет, или не придет; Bud' to stihnem, nebo to nestihnem – Либо успеем, либо не успеем*) и закона импликации (*Když nechceš, tak nechceš – Не хочешь, так не хочешь; Když musí, tak musí – Надо, так надо*).

Уже у Коменского в “Мудрострелии старых чехов” мы найдем ФТ *Lidé jsou lidé – Люди есть люди* [1. S. 38] и *Co pravda, to pravda – Что правда, то правда* [1. S. 74], а кроме того, и выражения, весьма близкие ФТ, – *Kavka jest kavkou, i když se v bílém sněhu válí – Галка она и есть галка, сколько бы в белом снегу ни купалась; Kavka let' kam let', vždy jest kavkou – Галка так и будет галкой, куда бы ни летала* [1. S. 19].

В основном тексте “Сборника чешских пословиц” (1804) Добровского¹ есть ФТ *Co mnoho, to mnoho – Чего много, того много* [2. S. 40] и *Co komu, to tomu –*

Билкова Яна – ассистентка кафедры чешского языка и литературы Университета в г. Градец Кралове, аспирантка философского факультета Карлова университета.

¹ Самый большой материал дал Добровскому сборник Й. Сренца “*Dicteria seu preverbia bohémica*” (1582), который был в эпоху Добровского единственным общедоступным и популярным собранием чешских пословиц. В сборник Сренца (содержащий 642 пословицы) Добровский добавил 1500 пословиц, куда включил и пословицы из народного (разговорного) языка, поместив их звездочкой, чтобы отделить от взятых из книги Сренца или других литературных источников. Другим дополнением к сборнику 1804 г. является найденное в архиве Добровского рукописное “Добавление к собранию чешских пословиц, присланное луштеницким священником и лингвистом Франтишком Новотным” (1813).

Ему так ему [2. S. 40], в рукописном дополнении Фр. Новотного (1813) есть ФТ *Co tam, to tam* – *Что имею, то имею*, в опубликованных дополнениях Е.В. Шимека² есть фраза *Opice nebude než opici, byť v zlatě a stříbře chodila* – *Хоть в серебре, хоть в золоте, обезьяна так и будет обезьяной*, а рукописные дополнения В. Ганки³ содержат варианты *Opice zůstane opicí, by na ni třebaš zlatý řetěz dal* – *Обезьяна останется обезьяной, надень на нее хоть золотую цепь* [2. S. 145] и *Svině zůstane sviní, by na sobě zlaté sedlo měla*⁴ – *Свинья останется свиной даже под золотым седлом* [2. S. 149].

Ф.Л. Челаковский включил в “Мудрословие народа славянского в пословицах” такие ФТ:

*Sen je sen a Pán Bůh řídí noc i den*⁵ – *Сон сном, но Господь Бог правит и ночью и днем*; *Co bude, to bude, a zlého víc než kora nebude*⁶ – *Что будет, то будет, но плохого более горсти все равно не будет* [3. S. 24]; *Co pravda, to pravda* – *Что правда, то правда* [3. S. 81]; *Co mnoho, to mnoho*⁷ – *Чего много, того много* [3. S. 105]; *Komu čest, tomu čest, pastuchovi hůl* – *Кому честь, тому честь, а пастуху палка*; *Co kotu, to tomu (pastýři trouba)* – *Этому то, тому это (а пастуху труба)* [3. S. 132]; *Co tam, to tam, o to hlavy nelam*⁸ – *Что там, то там, о том голову не ломай*; *Co napřed, to napřed* – *Наперед, так наперед* [3. S. 233], *Kavka, let' kam let', vždy jest Kavkou* [3. S. 272]; *Strč na svini i zlatohlav, přese svini zůstane* – *Сделай свинью хоть златоголовой, она свиной и останется* [3. S. 325]; *Panoše je panoše, třeba neměl ani groše, a osel je osel, byť i zlatý dek nosil*⁹ – *Пан будет паном и с пустым карманом, а осел – ослом, даже с золотым мешком* [3. S. 327]; *Lidé jsou lidé* [3. S. 338]; *Slovo je slovo* – *Слово есть слово* [3. S. 416]; *Bratři jsou bratři, ale sýr za peníze*¹⁰ – *Братья братьями, но сыр за деньги*; *Co bratr, to bratr, měšcové ale úhlavní nepřátelé*¹¹ – *Брат-то брат, но кошелек – заклятый враг* [3. S. 479]; *Co matka, to matka* – *Мать есть мать*; *Co macecha, to macecha* – *Мачеха есть мачеха* [3. S. 482]; *Vánoce jsou Vánoce a pečeně jest jejích sestra*¹² – *Рождество это*

² Речь идет о добавлениях, сделанных Эммануилом Вилимом Шимеком, словацким приходским священником из Тренчина.

³ В справочном издании сборника Добровского есть и рукописные добавления Вацлава Ганки.

⁴ Эти фразы (как и пословицы о галке в “Мудрословии старых чехов” Коменского), хотя и нельзя рассматривать как формально тавтологические, однако они очень близки тавтологиям. Предложения *Opice zůstane opice* и *Svině zůstane sviní* являются в широком смысле слова взаимозаменяемыми синонимами. Следующая пояснительная фраза, отражающая иррелевантные обстоятельства, лишь подчеркивает фатальность и постоянство положения вещей и безуспешность любых усилий их изменить.

⁵ Подобное значение имеет и приведенная здесь пословица *Kdo sním vč ří, stín lápá* – *Кто верит снам, ловит тень*.

⁶ Здесь приведен и украинский вариант *Уже що буде, то буде, а більшіе копы лиха не буде*.

⁷ Напоминание о чувстве меры и умеренности как вообще, так и в шуточных разговорах. Тот же смысл в чеш. *Co příliš, to mnoho* – *Чего слишком, того избыток*, польск. *Czego nad to, i świnie nie jedzą* – *Избыток и свины не едят*, нем. *Zu viel ist ungesund* – *Слишком много – нездорово*, англ. *Too much of on thing is good for nothing* – *Что чересчур, то ни к чему* и т.д.

⁸ Приведен и польский эквивалент *Co zginęło, to zginęło* – *Что пропало, то пропало*.

⁹ В оригинале эта пословица сербского происхождения звучит так: *Бегвац је бегвац, ако неће нимати ни новац, а магарац је магарац, ако ће имати и златан покровца*.

¹⁰ Приведен и сербский вариант *Браћа ка' и браћа, ама сир за аспре*.

¹¹ Приведен и сербский вариант *Браћа ка' и браћа, а тоболци ка' и крвници*.

¹² Приведен и сербский вариант *Божић је божић, а пециво му је брат*.

Рождество, а жареная снесь его сестра [3. S. 550]; *My jsme ty, a Němci jsů Němci – Мы это мы, а немцы это немцы (Mé Hanáce jsme mé, a Němce só Němce – Ганаки это ганаки, а немцы это немцы)* [3. S. 567].

Й. Спилка зафиксировал в ходе региональных исследований 1950-х годов такие поговорки с тавтологическими формами¹³: *Jistota je jistota – Уверенность есть уверенность, Rozkaz je rozkaz – Приказ есть приказ* [4. S. 28]; *Co je tam, to je tam, buďž jméno ráně pochváleno – Что там, то там, будь благославленно имя господне* [4. S. 40]; *Když dělat, tak dělat, lež et, tak lež et, a když jíst, tak jíst – Если делать, то делать, лежать, так лежать, а если есть, так есть* [4. S. 41].

Помимо этого и здесь мы находим изречения типа S(nom)(substantivum) – Vf (verbum finitum) оставаться / быть всегда / не быть иначе, чем – S(ins): *Chrt zůstane chrtem – Борзая борзой и останется* [4. S. 124], *Čert zůstane vždy čertem – Черт чертом и останется* [4. S. 40].

В сборнике “Чешские пословицы”, созданном Д. Биттнеровой и А. Шиндлером на основе региональных исследований 1980-х годов, мы найдем помимо вышеприведенных примеров из спилковского сборника и семи примеров из книги Челаковского (*Komu čest, tomu čest – Кому честь, тому честь* [4. S. 11]; *Co pravda, to pravda* [4. S. 39]; *Co mnoho, to mnoho; Co tam, to tam, o to hlavu nelam* [4. S. 47]; *Lidé jsou lidé, Co slovo, to slovo* [4. S. 93]; *Co matka, to matka* [4. S. 116]) еще и словацкую ФТ *Čo bolo, to bolo – Что было, то было* и две пословицы, содержащие ФТ “*kdo umí ten umí*” – *Kdo umí, ten umí, kdo neumí, vozí – Кто умеет, тот умеет, кто не умеет, тот возит; Kdo umí, ten umí, kdo neumí, učí – Кто умеет, тот умеет, кто не умеет – учит*. В сборник, содержащий в общей сложности 5738 изречений, вошло, таким образом, 18 тавтологических примеров. Авторы сборника не стремились к относительно полному охвату чешских пословиц и поговорок. Их целью было создать такое собрание, которое отражало бы современный уровень знаний пословиц, некий паремиологический минимум чешского языка. Их исконный широчайший ассортимент, составленный на основе сборников Челаковского, Спилки, Биттнеровой и Шиндлера, был предложен респондентам, которые должны были вычеркнуть незнакомые им изречения. В сборник, таким образом, вошли лишь те поговорки и пословицы, которые были известны большинству опрошенных.

Если бы мы захотели подобрать к ФТ как единицам фразеологического характера какие-то традиционные термины, стоило бы принять во внимание только два, а именно – поговорку и пословицу. Однако граница между ними настолько зыбкая, что порой очень трудно, а подчас и невозможно определить, в какую из этих групп можно включить ту или иную ФТ. Й. Грбачек видит между поговорками и пословицами функциональные различия и подчеркивает специфику их включения в текст: “Поговорка экспрессивно и образно выражает какую-то определенную ситуацию, поэтому она должна быть ею обоснована (обусловлена ситуацией). Пословица – это в сущности нравоучительная сентенция, вытекающая из человеческого жизненного опыта. Она имеет универсальное значение или хотя бы к этому стремится и вполне самодостаточна ... Поговорка и как цитата является частью высказывания, пословица же – сама по себе высказывание” [5. S. 204].

¹³ Сборник Спилки до сих пор не издан в виде отдельной книги. Приведенные примеры взяты из сборника [4], где они помечены как пословицы, зафиксированные Й. Спилкой. Этому отвечают и приведенные постраничные сноски.

Я. Мукаржовский, хоть и не признает смысловую автономию пословиц и доказывает их зависимость от контекста¹⁴, тоже, подобно Грбачеку, подчеркивает их обобщающее значение: “Для самой пословицы тенденция к обобщению является в определенном смысле наиважнейшим знаком, хотя бы с точки зрения ее семантической конструкции: предложение, в котором отсутствует обобщающее высказывание, не может восприниматься как пословица” [6. S. 310]. Обобщающий характер, согласно Мукаржовскому, является главным признаком, отличающим пословицу от поговорки как наиболее близкой ему фразеологической формы. “Мы уже отмечали, что пословица как обобщающее высказывание ни одним из своих элементов не привязана непосредственно к ситуации, в которой она применяется, но она контактирует с ней как целое. Добавим, что поговорка в отличие от пословицы всегда прямо указывает каким-то из своих элементов на ситуацию, в которой она применяется и которая является основой контекста” [6. S. 314].

В некоторых ФТ, по всей видимости, можно было бы принять во внимание их в определенной степени общий, не зависящий от контекста смысл (*Doma je doma* – Дом есть дом; *Co se stalo, stalo se* – Что случилось, то случилось; *Jistota je jistota*; *Máma je máma* – Мама это мама; *Slib je slib* – Обещал, значит обещал; *Osud je osud* – Судьба есть судьба). Подобные фразы можно было бы расценить как самостоятельные высказывания, какие-то из них находят свои нетавтологические параллели среди пословиц: *Doma je doma – Všude dobře, doma nejlépe* [4. S. 11] (Всюду хорошо, а дома лучше); *Lepší doma krajíc chleba než v cizině kráva celá* [4. S. 39] (Лучше дома хлеба кусок, чем на чужбине целый бычок); *Každý pták své hnízdo chválí* [3. S. 225] (Всякий кулик хвалит свое болото); *Co se stalo, stalo se – Co se stalo, odestati se nemůž e* [4. S. 39] (Что случилось, не случится не может); *Co bylo vloni, nikdo nedohoní* (Что было в прошлом году, не догнать никому); *Loňského sněhu nevzpomínej* [3. S. 234] (Не ищи прошлогодний снег); *Jistota je jistota – Lepší hrst jistoty, než pytel naděje* [4. S. 43] (Лучше щепотка уверенности, чем мешок надежды); *Sen je sen* (Сон есть сон) – *Kdo snít věří, stín lapá* [3. S. 24] (Кто верит снам, гонится за тенью); *Máma je máma – Když umře táta, umře chleba, když umře máma, umře všechno* [4. S. 38] (Когда умирает отец, умирает хлеб, когда умирает мать, умирает все); *Osud je osud – Dělej, co dělej, osudu neujdeš* [4. S. 31] (От судьбы не убежишь). Однако значение и смысл подавляющего большинства ФТ прямо зависят от языкового и внеязыкового контекстов. Некоторые выражения определенной группы ФТ непосредственно привязаны к данной ситуации, что позволяет их отнести к поговоркам (*Když musíš, tak musíš* – Надо, так надо; *Až přijdou, tak přijdou* – Придут, так придут; *Co je moc, to je moc*). Все зависит в первую очередь от референтности выражений, используемых в ФТ, и от характера их включения в текст. ФТ *Máma je máma* вне контекста интерпретируется как некое обобщение, его смысл сводится к тому, что “Маму никто не заменит” (слово “мама” здесь не означает какое-то конкретное, реально существующее лицо, оно реферирует общее понятие “родитель женского пола”). Таким же образом данную фразу можно интерпрети-

¹⁴ В статье “Пословица как часть контекста” Я. Мукаржовский пишет: “Можно сказать, что несмотря на свою кажущуюся формальную и смысловую цельность, пословица, с точки зрения смысла, сама по себе не исчерпана, многозначна и только контекст определяет ее смысл – эта детерминация контекстом может порой изменить и смысловую основу пословицы” [6. S. 286–287].

ровать и в определенном контексте, в разговор она в этом случае войдет как готовое выражение, которое в тот момент не создается, а только воспроизводится как пословица. Все будет по-другому в том случае, если говорящий с помощью этой фразы станет комментировать свойства или поведение какого-то конкретного лица. ФТ уже не будет иметь характер воспроизведенного и не зависящего от контекста выражения с ослабленной референцией, утратит характер пословицы. Скорее речь пойдет о поговорке. Как мы уже упоминали, граница между этими двумя типами фразеологем очень зыбкая. Поэтому в соответствии с современным профессиональным узусом мы станем обозначать номинальные тавтологии (*Osud je osud; Doma je doma*) просто как идиомы пропозиционные, а вербальные тавтологии (*Co bude, bude – Будет, что будет; Kde se vzal, tu se vzal – Появился, где появился*) как идиомы полипропозиционные.

В пользу рассмотрения ФТ как пропозиционных или полипропозиционных идиомов говорят следующие факты.

1. Речь идет о постоянной и воспроизводимой комбинации лексем, при которой смысл целого не зависит целиком и полностью от отдельных слагаемых.

2. В контекст они вступают как единое целое.

3. С точки зрения смысла, принципиальное значение имеет прагматический элемент (особенно оценочный и экспрессивный). Несравненно большую роль, чем в нефразеологическом языке, в определении смысла играют коммуникативная ситуация и контекст.

4. Число потенциальных грамматических трансформаций частично ограничено. В номинальных тавтологиях возможна, по сути дела, лишь замена единственного числа на множественное (*Dítě je dítě – Дитя есть дитя / Děti jsou děti – Дети есть дети*), в вербальных тавтологиях можно изменить лицо (*Co přineseš, to přineseš – Принесеешь, что принесешь / Co přinese, to přinese – Принесет, что принесет*) и время (*Co přinesou, to přinesou – Принесут, что принесут / Co přinesli, to přinesli – Принесли, что принесли*).

5. Отдельные компоненты незаменимы. В номинальной ФТ нельзя заменить имя существительное одной позиции другим именем, и даже так называемым абсолютным синонимом (если допустить существование тотальной синонимии), наконец, даже тавтономом (т.е. синонимом из другого языкового варианта или из другого национального языка). Выражение *Káva je káva*, которое говорящий субъект использует в смысле “Я предпочитаю кофе”, нельзя превратить в выражение *Káva je kafe – Кофе есть кофе*, хотя оно правдиво (в разговорном чешском *kafe = káva*). Невозможна и замена синонимов¹⁵. Если мы захотим употребить синоним, то должны будем изменить обе валентные позиции выражения (*Káva je káva – Кофе есть кофе / Kafe je kafe – Кофе есть кофе*). Так же можно использовать выражение *Obchod je obchod – Торговля есть торговля*, как и *Byznys je byznys – Бизнес есть бизнес*, но нельзя *Obchod je byznys – Торговля есть бизнес*. Хотя после замены лишь одного члена фраза не получает другое значение и не теряет своей правдивости, смысл ее меняется, она перестает выполнять свою первоначальную коммуникативную функцию. Достоверность такого предложения мы уже не определяем априорно по его форме. Выражение перестает быть тавтологией и теряет характер неопровержимого аргумента. Оно

¹⁵ Закон идентичности здесь, разумеется, не нарушен. И после замены синонимом предложение остается предложением об идентичности. Однако речь уже пойдет о номерной (numerické) идентичности в форме $A = B$, т.е. об изречении нетривиальном.

несет информацию уже на уровне дословно сказанного, причем сообщаемая информация касается только языкового (лексического) кода. Таким образом, фраза обретает функцию дефиниции, метаязыковую.

Подобная парадигматическая зависимость, незаменимость компонентов – одна из главных и чаще всего акцентируемых черт фразеологических единиц. Ф. Чермак тоже определяет идиом как “немодельную и постоянную синтагму элементов, из которых (хотя бы) один является с точки зрения другого членом крайне ограниченной и закрытой парадигмы” [7. S. 177].

Можно, таким образом, констатировать, что в этих случаях обязательна не только семантическая, но и формальная идентичность имен. Имена идентичные должны иметь (по терминологии Г. Фреге [8]) не только одинаковое значение (*Bedeutung*), но и “способ его проявления”, или смысл (*Sinn*). Только так свидетельства идентичности могут выполнять функцию истинного аргумента, функцию оправдания, обоснования и т.п., иными словами, данные функции могут выполнить лишь фразы тривиальные. Именно поэтому, как пишет Н.Д. Арутюнова, “предложения типа *Дюма-сын – вовсе не сын Дюма-отца* ложны, но не противоречивы. И даже утвердительные формы таких предложений (*Дюма-сын – сын Дюма-отца*) не воспринимаются как тавтологические, аналитически истинные” [9. С. 23].

Аргументом против понимания ФТ как идиома и фразеологизма является такая их специфическая черта, как высокая лексическая вариантность. В синтаксической конструкции *S(nom) – Vf být – S(nom)* (имя существительное – глагол “быть” – имя существительное), где обе субстантивные позиции предложения такого типа имеют одну и ту же лексему, потенциально заложено бесконечное число конкретных суждений. Учитывая это, А. Вежбицкая идиоматичность подобных фраз полностью отрицает: «Важно осознать, что это не столько идиомы, сколько довольно распространенное проявление продуктивных тавтологий. Даже сентенция “мальчики есть мальчики”, которая должна рассматриваться как фокальный член разновидности (класса), к которой она принадлежит, не является в действительности идиоматической, поскольку ее смысл аналогичен смыслу других фраз, основанных на той же модели: например “студенты есть студенты” или “подростки есть подростки”» [10. Р. 404]. Основания для подобного подхода очевидны. Помимо уже приводившихся констатаций *Jistota je jistota, Rozkaz je rozkaz, Komu čest, tomu čest, Kdo umí, umí*, а также довольно часто употребляемых и устойчивых по смыслу и функции выражений типа *Slib je slib – Обещал, значит обещал, Osud je osud, Obchod je obchod, Když musíš, tak musíš – Надо так надо, Co se stalo, stalo se – Что случилось, то случилось* и т.д. можно в соответствующем контексте использовать и такие суждения, как *Dřevo je dřevo – Дерево есть дерево, Inkoust je inkoust – Чернила есть чернила, Media jsou media – Массмедиа это массмедиа*, чья частотность будет гораздо более низкой, а коммуникационная функция – неустойчивой, непосредственно зависящей от разных ситуаций. К примеру, выражение *Táta je táta* может, в зависимости от контекста (а в устной речи исходя также из паралингвистических и невербальных средств), интерпретироваться как доказательство важной и незаменимой роли отца в семье (*Отца никто не заменит*), как выражение безнадежности (*Отец такой, какой есть, его не изменить*) или как призыв поддержать отцовский авторитет (*Отца надо слушаться*). Весьма распространенными являются в тавтологических конструкциях и конструкции с именами собственными (*Шекспир есть Шекспир, Прага есть Прага, Иоланта есть*

Иоланта, Мулен-Руж есть Мулен-Руж и т.д.), во много раз увеличивающие репертуар возможных тавтологических констатаций. Если, например, кто-нибудь в разговоре, касающемся его одноклассницы из гимназии, скажет *Тереза Седлачкова из II С это Тереза Седлачкова из II С*, – возможность воспроизвести это изречение будет минимальной, абсолютно невероятно, чтобы его кто-нибудь когда-нибудь в какой-либо ситуации употребил.

Таким образом, создается впечатление, что часто повторяющиеся ФТ становятся устойчивыми, т.е. настолько фиксируют свою форму, значение и функцию, что не создаются всякий раз заново по образцу $S(\text{nom}) - Vf \text{ být} - S(\text{nom})$, но просто воспроизводятся как готовые лексико-грамматические структуры, являющиеся частью языковой системы. Наряду с приводившимися выше конструкциями типа *приказ есть приказ; уверенность есть уверенность; что случилось, то случилось; что было, то было*, достойна упоминания и структура *Kde se vzal, tu se vzal – Откуда ни возьмись*, весьма употребительная в художественном повествовании, а также структуры *Když už, tak už – Если уж, так уж; Co jsme si, to jsme si – Мы это мы; Kde nic, tu nic – На нет, и суда нет*, встречающиеся как в художественной прозе, так и в публицистике и в разговорном языке.

В отношении других типов ФТ, чье частое или вообще какое бы ни было повторение невероятно или их частотность, как показывает интуиция, очень низка, вообще нельзя принять обозначение “фразеологизм/идиом”.

Подобную же лексическую вариантность среди ФТ проявляют выражения типа *Není pivo jako pivo – Это не пиво, Není doktor jako doktor – Это не доктор* и т.д. Хотя такие сочетания, подчеркивающие отличия элементов того же класса, априорно и исключают обозначение вещей, лиц и отдельных явлений (членов одноэлементного множества), все же число лексем, которые можно использовать в данной синтаксической конструкции, относительно велико. Нельзя исключить даже использование собственного имени. Выражение *Není Shakespeare jako Shakespeare – Это не Шекспир*, хотя и будет относиться (в отличие от фразы *Шекспир есть Шекспир*) не к личности автора или ко всему его творчеству, а лишь к его отдельным текстам, в принципе не исключено.

Ф. Чермак говорит в связи с этим типом утверждения о так называемом интерстратальном фразеологизме, чьи компоненты “даются по большей части как рамка (уподобляясь валентности – *valenci*), т.е. реализуются ситуацией соответствующего вида”. Как объясняет автор, “речь идет о разграничении индивидуум – вид, т.е. – с точки зрения реализации – о разграничении уровня компонентов” [11. S. 220]. Сюда относятся также высказывания типа *At' prosil, jak prosil – Просил, как просил; At' se snažil, jak se snažil – Старался, как старался*. По аналогии мы могли бы включить в этот ряд предложения тавтологической формы. С точки зрения смысла и функции устоялась только синтаксическая структура (модель), но никак не конкретные лексические реализации¹⁶. Они в той или иной мере (хотя бы потенциально) безграничны. Таким образом, если считать ФТ идиомами, то необходимо иметь в виду особый, специфический тип пропозиционных и полипропозиционных фразеологизмов, чьей основой является высокопродуктивная устойчивая синтаксическая структура, в которой потенциально заложено бесконечное множество различных констатаций с разной

¹⁶ За исключением уже много раз упоминавшихся ФТ типа *Jistota je jistota*, чьи функция и значение зафиксированы частыми повторениями.

коммуникационной функцией, как правило, непосредственно зависящей от контекста и коммуникационной ситуации.

Перевод Л.Н. Будаговой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Komenský J.A.* Moudrost starých Čechů za zrcadlo vystavena potomkům / Z rukopisu lešenského vydal Jan. V. Novák. Praha, 1901.
2. *Dobrovský J.* Českých přísloví sbírka. Praha, 1963.
3. *Čelakovský F.L.* Mudrosloví národu slovanského ve přísloví. Praha, 2000.
4. *Bittnerová D., Schindler F.* Česká přísloví. Soudobý stav konce 20. století. Praha, 1997.
5. *Hrbáček J.* Co jsou pořekadla // Český jazyk a literatura. 1967–1968. № 18.
6. *Мұқағалұлы Ж.* Cestami poetiky a estetiky. Praha, 1971.
7. *Čermák F.* Česká lexikologie. Praha, 1985.
8. *Frege G.* O smyslu a významu // Scientia et Philosophia. 1992. № 4.
9. *Арутюнова Н.Д.* Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика. М., 1982.
10. *Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin; New York, 1991.
11. *Filipec J., Čermák F.* Česká lexikologie. Praha, 1985.

*C. PAPOULIDIS. Analecta Balcano-Russica. Thessalonique, 2005. 255 P.
К. ПАПУЛИДИС. Балкано-русские аналекты.*

Константин Папулидис – один из многих активно работающих славистов Греции. Он изучал русский язык, историю и культуру России в Русском православном богословском институте в Париже. Он является доктором богословия этого института и Салоникского университета. Ему принадлежит около 20 книг и большое количество статей. Значительная часть их посвящена политическим, культурным и церковным связям между Россией и Грецией. Рецензируемый сборник включает в себя 23 статьи по этой проблематике, опубликованные с 1968 по 2001 гг. в различных изданиях на новогреческом, французском, английском и русском языках. Некоторые из статей сборника на русском языке были ранее опубликованы в различных советских и российских изданиях.

Выводы и суждения автора основаны на первоклассных, зачастую уникальных источниках. Это не только греческие архивные материалы и исследования, опубликованные в Греции, что естественно, но и большой массив архивных материалов, извлеченных из советских и российских архивов, а также широкий и разнообразный круг литературы на русском языке. Хорошие возможности для поисков К. Папулидиса в архивах и библиотеках Москвы и Ленинграда сложились благодаря научным обменам и сотрудничеству, существовавшим в 1970–1980 годы между Институтом славяноведения РАН (тогда: Институт славяноведения и балканистики АН СССР) и Институтом

балканистики в Салониках, сотрудником которого многие года был К. Папулидис.

Хронологические рамки вошедших в сборник статей весьма широки: от истории пребывания в XI в. на Афоне преподобного Антония Печерского, одного из основателей Киево-Печерской лавры, до образовательной деятельности греческих общин в Советском Союзе в 30-е годы XX в. Но в основном здесь освещаются события Нового времени.

Статьи сборника можно объединить в несколько тематических комплексов. Наибольшее место в книге занимает тема “Греки в России”. Ей посвящена большая статья “Греки России в XIX и начале XX вв.”. Автор рассматривает историю наиболее важных греческих общин России, самой старой из которых была община Нежина, сложившаяся в середине XVII в. Особое внимание он уделяет греческой эмиграции в Россию в результате русско-турецких войн второй половины XVIII–XIX вв., в результате которой сложились греческие общины Северного Причерноморья, Крыма и Кавказа. Отмечается также большая роль, которую греческие переселенцы сыграли в политической, экономической и культурной жизни России. Складыванию греческих общин России и их развитию благоприятствовала политика покровительства православному населению Балкан, проводившаяся правительством, и единство веры, соединявшее греков с русскими. Как справедливо отмечает историк, “с конца 18 столетия греки в России жили под

официальной политикой *покровительства*. Конечно, нужно добавить к этому покровительству особую симпатию русского народа по отношению к православным Балканского полуострова, низведенным до рабского состояния” [1. Р. 191]. Помимо обобщающей статьи о греках в России в сборник вошли статьи частного характера об отдельных частях греческого мира в России, о видных личностях, принадлежавших к этому миру. Важной сфере профессиональной деятельности греков-эмигрантов в России посвящена статья “Относительно деятельности греков, служивших в Министерстве иностранных дел императорской России в XVIII, XIX и XX вв.” (опубликована также в [2]). Автор сообщает, что ему удалось выявить примерно 100 греков, состоявших на российской дипломатической службе, но полагает, что их было намного больше. Культурная жизнь важнейшей греческой общины России отражена в статье “Просветительская и культурная деятельность греков Одессы в XIX и XX вв.” (впервые опубликована в [3]).

Три статьи сборника посвящены грекам, занявшим определенное место в политической и культурной жизни России. В статье “Арсений Грек” автор на базе русских источников прослеживает жизненный путь одного из сподвижников патриарха Никона, ученого монаха, внесшего определенный вклад в просвещение русского общества того времени (впервые опубликована в [4]). Во второй статье рассматривается история прорусского константинопольского патриарха Серафима II, подвергавшегося преследованиям со стороны Порты. Он нашел убежище в 1771 г. на кораблях русской эскадры, действовавшей тогда в Эгейском море. Затем прибыл в Россию, где с почестями был принят Екатериной II. Автор считает, что опальный патриарх содействовал проведению восточной политики Екатерины II, хотя признает, что конкретные данные по этому вопросу очень скудны.

Греку, занимавшему в XIX в. видное место на российской дипломатической службе, посвящена третья статья по этой тематике: “Документ, характеризующий

Гавриила Катакази, извлеченный из Архива внешней политики России”. Об этом документе и его авторе следует сказать несколько подробнее. Г.А. Катакази в течение десяти лет (1833–1843) был первым российским посланником в Греции. Публикуемый в приложении к статье документ свидетельствует о том, что на своем посту Катакази был верным проводником политики русского правительства, ориентированной на поддержку абсолютистского режима Оттона и на борьбу с конституционалистскими идеями в Греции. К. Папулидис приводит биографические данные о русском дипломате и его семье, которые, впрочем, нуждаются в небольшом уточнении. Семья Катакази переселилась в Россию не в 1770 г., как утверждается в статье, а в 1807 г. вместе с бывшим валахским господарем К. Ипсиланти. И Г.А. Катакази начал свою дипломатическую карьеру в России не в 1812 г., а три года спустя. Согласно его формулярному списку, он в июле 1815 г. “пожалован из бояр княжества Валахского в коллежские советники” и затем “определен в Государственную коллегию иностранных дел” [5. Д. 1649. Л. 57–61].

Касаясь в целом состояния изучения истории греческой диаспоры в России, К. Папулидис делает заключение, что “греческие общины России ожидают историка, который на базе архивных источников представит обобщающий труд об их деятельности” [1. Р. 242]. Заключение это, несомненно, справедливо. В то же время здесь следует сказать о попытке, с моей точки зрения, весьма удачной, объединить и обобщить важные исследования по этой теме в отечественной историографии. Речь идет о книге “Греки России и Украины” (СПб, 2004). Ответственным редактором и основным автором труда является Ю.В. Иванова, в 2006 г. ушедшая из жизни. В книге представлен ход формирования греческих общин в России, процесс включения эмигрантов в экономическую и общественную жизнь России, в том числе участие некоторых греков в движении декабристов. Освещается и жизнь греков в советское время, влияние национальной политики советского государства на развитие

образования и культуры греческого населения, а также трагические последствия сталинских репрессий для многих из них. Большое место уделено в книге истории и этнографии общности мариупольских греков – теме многолетних исследований Ю.В. Ивановой. Помимо указанной книги, исследователями России и Украины опубликованы и другие труды, посвященные различным аспектам истории греческого населения России (см., например, [6]).

Вернемся, однако, к рецензируемому сборнику. Помимо темы “Греки в России”, в нем присутствует, правда, в меньшем объеме, и тема “Русские в Греции”. Один из биографических очерков сборника посвящен архимандриту Антонину Капустину, ученому, занимавшемуся христианской археологией, поэзией, астрономией. Сообщение в основном касается афинского периода деятельности Капустина (1850–1860), когда он был священником церкви дипломатической миссии России в Афинах (ныне известна как “русская церковь”). Во время пребывания в Греции архимандрит проявил себя как собиратель греческих рукописей. В частности, он приобрел псалтырь XII в., хранящийся сейчас в отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

Другому видному русскому собирателю греческих рукописей посвящена статья сборника “П.И. Севастьянов (1811–1867) и его коллекции”. Петр Иванович Севастьянов, сын пензенского купца, окончил в 1829 г. юридический факультет Московского университета и затем служил чиновником в различных правительственных учреждениях. Мировую известность принесла ему деятельность по описанию и копированию рукописей и предметов искусства Афона. С 1851 по 1860 г. Севастьянов пять раз посетил Афон. Особенно плодотворной была продолжавшаяся полтора года поездка 1859–1860 гг., когда экспедиция Севастьянова, финансируемая властями России, состояла из восьми человек, в том числе фотографов и рисовальщиков. При осуществлении своей цели Севастьянов натолкнулся на огромные трудности. О характере этих трудностей видно из отрывка его письма, приводимого Па-

пулидисом: “Постоянное сокрытие предметов монахами, недостаток пищи, жгучий южный ветер и пронизывающий холод церквей и складов” [1. Р. 152]. Несмотря на эти трудности были сфотографированы и срисованы многие византийские и славянские рукописи, топографические планы афонских монастырей, фрески, мозаики, кресты и другие предметы искусства и культа: всего свыше 5000 копий и фотографий. Большая часть этих материалов находится сейчас в отделах рукописей различных библиотек Москвы и Петербурга, а также в Эрмитаже и Третьяковской галерее. Папулидис отмечает большое научное значение собирательской деятельности русского коллекционера: “Севастьянов был коллекционером. Но коллекционером, посвятившим свою жизнь собиранию предметов всех видов, особенно афонских, и обогатившим библиотеки, архивы и музеи России” [1. Р. 152]. Можно добавить, что в значительной мере именно благодаря усилиям П.И. Севастьянова российские ученые получили возможность ознакомиться с рукописными сокровищами Афона.

Многие страницы сборника К. Папулидиса посвящены истории Афона и его взаимоотношениям с Русской православной церковью. Объясняется это не только образованием и научными интересами греческого ученого. В течение нескольких лет К. Папулидис был губернатором Афона, что дало ему дополнительные возможности для ознакомления с афонскими монастырями и их рукописными собраниями.

Два рукописных текста из афонских собраний, касающихся истории России, публикуются в сборнике. Один текст затрагивает вопрос крещения Руси, другой – о Лжедмитрии I. То, что оба текста были написаны в XVII–XVIII вв. в Иверском монастыре, поддерживавшем тесные связи с церковными кругами России, свидетельствует, по мнению К. Папулидиса, о надеждах, которые возлагали греки на единоверную Россию в деле освобождения их от османского ига.

Разумеется, невозможно в короткой рецензии полностью показать многообразие тем статей, вошедших в сборник

К. Папулидиса. Но несомненно, что ознакомление с этим трудом, отражающим плодотворную деятельность ученого на протяжении более чем трети века в области изучения истории русско-греческих связей, важно для любого исследователя, интересующегося этой проблематикой.

© 2008 г. Г.Л. Ариш

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Papoulidis C. *Analecta Balcano-Russica. Thessalonique*, 2005.
2. Греческая культура в России. XVIII–XX вв. М., 1999.
3. Балканские исследования. М., 1989. Вып. 11. Политические, общественные

- и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.).
4. Славянские культуры и мировой культурный процесс: Материалы международной научной конференции ЮНЕСКО. Минск, 1985.
 5. Архив внешней политики Российской империи. Ф. ДЛС и ХД. Формулярные списки. Оп. 464.
 6. Араджиони М.А. Эмиграция греков в Украину в XVI – первой трети XIX в. // Греки и славяне: 1000 лет. Донецк, 1997. № 1; Ариш Г.Л. Греческие колонии Новороссии и их роль в национальном освобождении Греции // Греция: национальная идея, общество, государство. XVII–XX вв. М., 2002; Ариш Г.Л. Иоанн Каподистрия в России. СПб., 2003; Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб, 2004.

Славяноведение, № 1

В. ЯНЧЕВ. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност. Българският опит 1878–1912. В. Търново, 2006. 308 С.

В. ЯНЧЕВ. Армия, общественный порядок и внутренняя безопасность. Болгарский опыт 1878–1912

Автор любого исследования, если он настоящий историк, всегда пишет “свою” историю. В этом вся прелесть этой профессии, когда находишь неизвестное в известном, а в тривиальном можешь увидеть блеск нового. Именно не переписчиком, а мастером сюжетов предстает коллега Веселин Янчев в своей книге. Время, избранное им, чрезвычайно трудно для любого исследователя, не только по причине его политизированности, но и по количеству трудов, написанных о событиях той не столь уж далекой болгарской жизни.

Сама тема, в центре которой находится исследование роли армии от времени Освобождения до Балканских войн, тем не менее еще не была предметом специального исследования. Тут же добавлю, что труд В. Янчева органически входит в разработку армейской проблематики, которая все чаще привлекает внимание историков разных стран. В России из последних исследований назову труд

И.В. Волковой “Русская армия в русской истории”, вышедший в 2005 г.

Возвращаясь в болгарскую историю, в сферу строительства армии княжества, в теорию и практику жизнедеятельности этого важнейшего государственного института, сразу хотел бы отметить определенную ненавязчивость, с которой В. Янчев вводит читателя в тему. Я говорю об историко-теоретическом или теоретико-историческом экскурсе в проблематику армейского феномена. Возможно, что кому-то это введение покажется, в силу своей образованности, излишним, но *perpetuum est mater studiorum*, причем здесь представляется возможность и дополнить, и даже оспорить некоторые высказывания “великих”, приводимых в книге, что уже “повышает как свою ценность”, так и книги.

Попробую и я “повысить свою ценность”. Первое, я совершенно согласен с очерченной автором картиной строительства болгарской армии Россией, имевшей

права и даже обязанности в этой важнейшей сфере, соединившей в себе и болгарские, и русские интересы, в том числе стратегические. Но почему болгарская армия представлена “проблемой стратегического присутствия и будущего России на Балканах” (С. 34)? При чем здесь слово “проблема”? Возможно здесь все дело в стилистике. Добавлю, что после Берлинского конгресса тот же македонский вопрос должен был решаться силами самих балканских государств – Россия была уже достаточно измучена последней войной за балканское наследство. Относительно же Константинополя замечу, что реализация идеалов всегда требует большой крови, войны на два фронта и прочих неизмеримых трудностей, поэтому лучше, когда миф остается таковым. Сама последующая история подтвердила всю затруднительность прибить второй раз щит к стенам Царьграда. Второе, знакомясь с русскими документами относительно статуса русских офицеров на болгарской службе, я не нашел никаких “специальных постановлений” русского правительства относительно их деятельности, равно как и “конкретных договоренностей, которые естественно дают свободу действий русской стороне” (С. 34). Да, есть материалы о жалованьи, о требованиях к офицерам, поступающим на болгарскую службу, о некоторых льготах и пр. Да, русские офицеры подчинялись военному министру, назначаемому болгарским князем из числа русских генералов с согласия русского императора. Да, русские офицеры были задействованы в процессе по “умиротворению” гражданского населения весной 1881 г. после приостановки князем конституции. Но не более того. Третье, думается, что не противоречия между фактическими и конституционными полномочиями князя в военном строительстве привели к выходу русских офицеров из болгарской службы после воссоединения с Восточной Румелией, и в конечном итоге, к разрыву русско-болгарских отношений (С. 35), а целенаправленная политика русского царя, ненавидевшего первого болгарского князя.

Русско-болгарские отношения в этот период были неудовлетворительными:

Болгария постепенно выходила из-под опеки своей освободительницы России. Александр III виновником этого процесса считал князя, о котором царю на стол ложился донесения дипломатов, рисовавших Александра Баттенберга в весьма невыгодном свете.

В сущности, болгарский монарх был своеобразным заложником как русской политики, так и болгарских политических партий. При этом каждая сторона имела свои взгляды на дальнейший путь Болгарии в деле расширения ее территорий, урезанных в Берлине.

Если в Санкт-Петербурге предпочитали “придерживать” Софию, в которой сидел ненавистный русскому царю монарх, то в болгарской среде были политики, строившие революционные планы по расширению страны и полагавшие, что Россия поддержит воссоединение, так как оно отвечает ее долгосрочным интересам. Равным образом они были уверены в князе, положение которого в стране было довольно шатким: только поддержка воссоединения могла укрепить его авторитет, сделать из него своеобразный символ независимости объединенной Болгарии.

Со своим монархом болгарские деятели в Пловдиве и Софии не ошиблись, но они не смогли в должной степени просчитать варианты действий России, ее монарха.

Напомню, что незадолго до событий в Пловдиве Н.К. Гирс имел встречу с князем Александром Баттенбергом во Францесбадене, в ходе которой князь дал обещание, что Болгарское княжество без разрешения России не предпримет каких-либо действий, нарушающих status quo на Балканах.

После воссоединения, совершенного без предварительной санкции России, которую она, впрочем, бы и не дала, зная ее отношение к князю, ситуация была довольно сложной. В Санкт-Петербурге чувствовали себя оскорбленными и обманутыми, считая, что своей частной акцией деятели воссоединения нанесли ущерб славянским интересам. В этой ситуации царем было принято решение “наказать” князя, одобрявшего воссоединение, и преподать ему и болгарским по-

литикам жесткий урок. Отзыв офицеров из армии и был таким уроком. Хотя, по мнению горячего славянофила, сторонника объединения И.С. Аксакова, царь в преследовании Баттенберга “руководствовался не соображениями пользы России, а личными чувствами”.

В то же время Россия не собиралась оставлять формально зависимую от Османской империи Болгарию без защиты: посол в Стамбуле А.И. Нелидов сразу после событий шестого сентября заявил великому везиру о катастрофических последствиях для Турции, если хоть один турецкий солдат ступит на землю Восточной Румелии.

С интересом читаются строки о задачах болгарских вооруженных сил, отраженных в соответствующих материалах, в частности, в дисциплинарных уставах. Одна из них, подчеркивает автор, сводилась к “достижению и разрешению исторических задач и идеалов” (С. 38). Не забывались и охранительная функция армии, ее силовой характер, использование войсковых частей для восстановления законности внутри страны.

Пожалуй, самой крупной операцией была борьба с разбойничеством в 1879–1885 гг. Многие страницы книги посвящены теме его ликвидации в северо-восточной Болгарии, с преобладающим турецким населением, потерявшим многое после поражения Стамбула и зачастую не желавшим подчиняться христианам. История этой темы парадоксальна: с одной стороны, ее сюжеты присутствуют в ряде трудов, материалов, воспоминаний, посвященных тому сложному времени, с другой – так и не было создано более или менее целостной картины деятельности армии как государственного силового института по ликвидации бандитизма. Теперь, благодаря коллеге В. Янчеву этот пробел ликвидирован. На основании большого корпуса архивных материалов, разнообразных опубликованных документов, различных исследований автор, удачно komponуя информацию, вводит читателя в многоэлементную сферу задач, планов, мер, предпринимаемых властными институциями, военным командованием. Тогда армия охраняла тюрьмы, заключенных, работающих вне

их стен, даже, вначале, банковские учреждения. Большую роль играли военные коменданты, функциям которых уделено особое внимание. Достаточно подробно рассмотрены материалы, связанные с нарушениями общественного порядка и мерами по его водворению. Любопытная деталь: в Тырновской конституции, на фоне которой автор исследует этот интереснейший сюжет, нет слов “военное положение” или “чрезвычайное положение”. Это можно объяснить только тем, что болгары были уверены в своем единстве в сфере государственного строительства. Одновременно подчеркивался демократизм нового государства, его судебной системы, равенство перед законом. Правда, введение военного положения предусматривалось в Военно-судебном и Военском уставах, рассматриваемых в книге. Интересная деталь: в Военно-судебном уставе отмечалась возможность ведения военных действий вне границ княжества. Это положение можно расценить двояко: с одной стороны оно отражает достаточно обычное действие для государства, с другой, учитывая незавершенность объединения болгарского народа, недвусмысленно показывает устремленность княжества на его реализацию.

При этом В. Янчев подчеркивает, что применение оружия на территории княжества допускалось в исключительных случаях, и все возможные требования гражданских властей на применение военной силы были ограничены. Анализ официальных материалов – приказов, указов, циркуляров по военному ведомству – позволил коллеге В. Янчеву дать впервые широкую картину не только собственно прав и обязанностей воинских начальников, но и их отношений с гражданскими властями, равно как и представить сам процесс по ограничению применения армии во внутренних делах, особенно после окончания режима полномочий (1881–1883) и наступившей в дипломатии России некоторой отстраненности в болгарских делах. Исследование автора позволило выявить любопытную деталь о стремлении болгарских государственных мужей “обойти” русского военного министра при возникновении ситуаций, требующих военного вмешательства

ства. Было принято решение о том, что местные власти должны как правило вначале докладывать “своему” министру внутренних дел, который потом информирует военного министра. Это можно характеризовать как еще один шаг “освобождения” Болгарии из-под плотной опеки Петербурга.

Впрочем, в начале болгарской государственности русские офицеры, русские министры сделали многое в той же борьбе с разбойничеством. Достаточно подробно вырисована “разнокалиберная” картина действий болгарских властей, вплоть до министров и самого князя Александра Баттенберга, армии, полиции, не забыта деятельность главы Гражданского управления кн. Дондукова-Корсакова в 1879 г. Здесь и введение военного положения в ряде округов и создание военно-полевых судов вплоть до вынесения смертных приговоров туркам – членам бандформирований. Подчеркнута роль военного министра К.Г. Эрнота по ограничению и даже временной ликвидации в 1880 г. турецких партизанских отрядов, не забыты усилия и других русских министров в болгарском кабинете, в частности, генералов Л. Н. Соболева и А.В. Каульбарса. Очерчены весьма жесткие документы, принимавшиеся властями, по установлению спокойствия в “турецком заповеднике”, дается экскурс в историю переустройства драгунского корпуса, жандармерии. Сам постепенный уход в прошлое этой острейшей проблемы автор с достаточной степенью убедительности аргументирует прежде всего суровыми и даже незаконными мерами болгарских властей, а также потерей “почвы” для разбойничества, когда население уже перестало его поддерживать.

С немалым интересом я читал строки об армии, князе и России в “политическом водовороте” 1879–1885 гг. Написано об этом немало как современниками, участниками тех событий, так и историками. И тем не менее история поворачивается новыми гранями, когда в центре внимания находится армия, которую активно стараются, и не без успеха, использовать в политике и Россия, и болгарский князь, и властолюбивые государственные мужи Болгарии. И без-

условным успехом В. Янчева можно здесь считать политические портреты русских военных министров П.Д. Паренсова, К.Г. Эрнота, отношения которых с князем, стремившимся использовать их для удовлетворения своих самодержавных амбиций, были далеки от идеала. И я целиком поддерживаю автора в том, что “как болгарский князь, так и болгарские политические силы и болгарская армия” были своеобразными заложниками русской политики, отличавшейся различными подходами – от контроля до вмешательства во внутренние дела княжества (С. 101). Но здесь требуется дополнение: заложниками были и сами русские представители: дипломаты и военные. Пожалуй, здесь, кроме политических интриг, связанных с ограничением влияния князя на русских офицеров в болгарском войске, нужно отметить исследуемый автором проект самого болгарского монарха по сужению функций русского военного министра. В нем, подчеркивает автор, предусматривалось усиление значения болгарского ополчения, а также принятие мер по выравниванию жалованья болгарских и русских офицеров, по равнозначному занятию болгарскими командных должностей, т. е. на снижение роли русских офицеров. Иными словами, болгарская армия должна была стать болгарской, не только по названию и национальности ее солдат. Армия должна была подчиняться не Петербургу, а князю.

Этот сюжет по сути дела и является центральным у В. Янчева, широко привлекающим для его исследования обширный корпус архивных и других материалов, находя новые и интересные свидетельства, позволяющие высветлить остроту и значимость армии в строительстве мирной Болгарии.

Относительно сюжета, связанного с Соединением, ролью армии и русских офицеров, могу лишь заметить еще раз, что “антисоединистская политика” Петербурга отнюдь не означала отказа от защиты территории Восточной Румелии, на которую могли войти турецкие войска. И еще одно замечание. А не пора ли перестать смотреть на болгарскую армию под командованием русских генералов как на “русский фактор в болгарской

политике”. По моему мнению, здесь надо смотреть шире и видеть в ней славянский фактор в завершающемся этапе Восточного вопроса, конкретно, македонского, вытеснения турок с Балкан, и, возможно, возрождения Царьграда из Стамбула.

Читая страницы, на которых освещаются события, связанные с двойным отречением Александра Баттенберга, хочу подчеркнуть следующее: во-первых, что августовский переворот 1886 г. был все же совершен офицерами-русофилами, действовавшими совершенно сознательно в пользу России, видевшими спасение страны в связке с недавней освободительницей, во вторых, утверждение автора о том, что “князь пытался вести самостоятельную национальную политику” в той же армейской сфере, вполне справедливо, но разве Александр Баттенберг не был заложником в игре политических партий?

Относительно участия армии в политической борьбе, использования ее для подавления бунтов оппозиции, нарушения конституции при введении военного положения хочу заметить, что подобные факты были в истории Балкан, например, в соседней Сербии. Эту тривиальную констатацию дополню не менее банальной – бывает, что демократия строится на штыках.

Для меня, занимавшегося этим временем строительства, расстройств, восстановления русско-болгарских отношений, было интересно читать основанный во многом на новых материалах и своем видении сюжет, связанный с чисткой в армии, с прорусскими настроениями в ней, наделением армейских частей полицейскими функциями и с другими мерами, предпринимавшимися властями в Софии, опасавшимися русофильских бунтов населения, военных заговоров и, как следствие, восстановлением в стране “власти русских генералов”. Для них, выдвинувших лозунг “Болгария для болгар”, Россия из освободительницы и опекуна превращалась в некое страшилище, угрожающее свободе болгар, или потерей власти для того же С. Стамболова и его сторонников. Это я сказал очень грубо, в черно-белых тонах. В действительности, даже среди авторитетнейших политиче-

ских и государственных деятелей Болгарии были различные мнения о России, ее политике в княжестве. Причем со временем они, бывало, менялись на противоположные. Пример – Стамболов, ставший одновременно диктатором, заложником и жертвой своих действий и амбиций, не стеснявшийся в том же 1886–1887 гг. использовать армию и жертвовать свободой своих соотечественников для отстаивания независимости от России.

Россия была врагом для многих: для простых революционеров, националистов в кубе, для агентов влияния западных государств. Средства применялись самые различные: от пера до оружия. И, пожалуй, самым грозным и действенным было первое. Историкам-болгаристам известен сборник документов “Авантюры русского царизма в Болгарии”. В свое время я достаточно серьезно занимался им с целью проверить опубликованные там “архиважнейшие” для историка документы на предмет их правдивости. Мои поиски в тогдашнем Архиве внешней политики России, сейчас Архиве внешней политики Российской империи, показали отчетливо, что многие документы этого сборника сфальсифицированы. Поэтому я не склонен полагать, что та же вылазка отряда Набокова в 1887 г. в Болгарию с целью поднятия восстания была напрямую связана с Петербургом. Документы говорят не о северной столице, а о Драгане Цанкове, руководителе оппозиции софийским властям. Обо всем этом я писал в своем исследовании “Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе 1886–1894 гг.” (М., 1993), вероятно так и не нашедшим в сложные годы русско-болгарских “неотншений” принята в библиотеке Кирилла и Мефодия в Софии. Хотя, если говорить о макрополитике, то нет здесь предмета спора: русские деньги поступали на дезорганизацию власти и поднятие восстания против “антирусской” Софии, и не так уж важно, знал ли об их происхождении капитан Набоков или нет!

Россия ушла из Болгарии, но многие проблемы не исчезли. Строительство болгарского государства шло вместе с армейским строительством. И одной из задач для армии – “стража болгарской

свободы и независимости” – оставалась разработка положений, связанных с ее привлечением для прекращения бунтов, борьбы с разбойничеством и для других целей. Реконструируемая В. Янчевым картина позволяет представить впервые тот самый сложный комплекс решаемых властями вопросов, например, о процедуре введения военного положения, об отношениях между гражданскими и военными властями, о репрессивной роли армии, иерархии принятия решений по ее привлечению для обеспечения порядка в стране. Вся эта исследуемая автором военная сфера высвечивает строительство государственного здания с совершенно новых сторон и позволяет представить картину привлечения и вовлечения армии властными политико-государственными структурами, точнее, партиями. Возможно, именно стремление к иссле-

дованию армии как макроинституции может объяснить нежелание автора обрисовать политические портреты государственных мужей новой Болгарии, в частности, того же князя Фердинанда. Вероятно, здесь В. Янчев не хотел перегружать книгу информацией, уже известной болгарскому читателю. Можно поискать и найти другое объяснение, но я не автор, и книга уже вышла.

И это самое главное. Исследование болгарского коллеги позволяет ощутить дух времени, когда армия становится важнейшим участником строительства государства, которое шло в условиях жестокой политической борьбы за власть, за будущее страны, когда вопрос *quo vadis*, Болгария решался по разному.

© 2008 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 1

*Polski Październik 1956 w polityce światowej. Warszawa, 2006. 351 S.
Польский Октябрь 1956 г. в мировой политике*

Опубликованный Польским институтом международных проблем сборник статей – это доклады участников международной научной конференции, состоявшейся 19 октября 2006 г. в Варшаве. Эта конференция была посвящена 50-й годовщине событий 1956 г. в Польше, их значению в международных отношениях, а также влиянию на мировую политику.

Все материалы конференции можно разделить на три группы. Первая – статьи, раскрывающие генезис, сущность и ход событий польского Октября 1956 г. К ним примыкает исследование, посвященное переменам во внешней политике ПНР после внутренних событий 1956 г. Вторая группа – статьи, анализирующие реакцию дипломатии и руководства Советского Союза, Китайской Народной Республики, и стран народной демократии – Чехословакии, Болгарии и ГДР. К этой группе текстов можно также отнести статью венгерского историка Я. Тишлера (J. Tischler) “Польский Октябрь и

Венгрия”, которая по существу посвящена реакции польской дипломатии и руководства на венгерские события 1956 г. Это, на мой взгляд, – самая ценная часть сборника. Третья группа – статьи, показывающие реакцию на польские события в ведущих странах Запада – США, ФРГ, Великобритании, Франции, а также в НАТО.

Трудно согласиться с мнением организаторов конференции и научного редактора сборника Я. Ровиньского (J. Rowinski) о влиянии польского Октября на мировую политику (это явное преувеличение). Но, несомненно, польские события повлияли на советскую политику в отношении стран народной демократии, в том числе и прежде всего Польши, советско-китайские отношения, на внутреннюю политику восточноевропейских стран. Можно сожалеть, что в сборнике отсутствует статья о влиянии польского Октября и событий в Венгрии на политику СССР в отношении стран Восточной

Европы. Вместе с тем этот сюжет присутствует сразу в нескольких статьях, и читатель может составить о нем определенное представление.

Статьи польских историков А. Вербляна (A. Werblan) "Октябрь 1956 г. – легенды и действительность" и А. Фришке (A. Friszke) "Польский Октябрь 1956 г. с перспективы пятидесятилетия" являются объективными, честными и глубокими по анализу исследованиями. А. Верблян, оценивая реформы и политику В. Гомулки, считает, что польский руководитель "был сторонником умеренной либерализации системы, т.е. увеличения сферы свободы в неполитических областях общественной жизни, ухода государства из этих областей. Однако он не был сторонником демократизации, т.е. участия разных политических сил в правлении". Некоторые существенные черты послеоктябрьских перемен закрепились и стали определять отличие ПНР от остальных стран социалистического лагеря (С. 39).

Вместе с тем нельзя согласиться с мнением А. Вербляна об ослаблении "имперских возможностей" Советского Союза в середине 1950-х годов, чем и воспользовались КНР и ПНР (С. 13, 15). Наоборот политика И.В. Сталина привела к укреплению этих возможностей, что и проявилось во времена Н.С. Хрущева, т.е. во второй половине 1956 г. – первой половине 1960-х годов, когда СССР опередил США в ракетной гонке и космосе. Что касается суверенитета Польши, то советский лидер как трезвый политик пришел к выводу, в том числе под влиянием событий в Польше, что страны народной демократии окрепли и необходим отказ от чрезмерной патерналистской советской политики по отношению к ним. В целом можно согласиться с оценкой событий 1956 г. Фришке как "первой большой попытки обретения свободы и суверенитета" (С. 305). Кризис системы состоял в ослаблении способности руководства Польской объединенной рабочей партии ПОРП контролировать поведение членов низовых органов партии и партийного актива, а в результате – в ослаблении контроля партийных инстанций за СМИ и общественными организа-

циями (С. 307). Этот кризис проявлялся также в преодолении обществом навязанных ему правил поведения (С. 308). Вместе с тем из кризиса 1956 г. система вышла окрепшей и вошла в стадию зрелости (С. 317).

В серии статей, посвященных анализу реакции дипломатии и руководства стран народной демократии на польские события, по уровню использования национальных архивов – министерств иностранных дел и партий, – постановке проблем и их раскрытию, глубине анализа выделяются тексты российского историка А. Орехова "Польша в 1956 г. как она виделась из Кремля и Старой площади", китайских историков Шен Чихуа и Ли Танхуэй "Кризис в Польше 1956 г. и польско-китайские отношения как они виделись из Пекина" и болгарского историка Й. Баева "Болгарское руководство и польский Октябрь 1956г."

Статья А. Орехова свидетельствует о том, что посольство СССР в Варшаве трезво и без прикрас оценивало социально-экономическую, политическую и идеологическую ситуацию в Польше в 1956 г. Обеспокоенность советского посла П.К. Пономаренко и Н.С. Хрущева вызвали рост антисоветских настроений, раскол в польском руководстве, нежелание поляков согласовывать с советскими лидерами состав нового Политбюро ЦК ПОРП и возвращение к власти В. Гомулки. Как вытекает из текста китайских историков, П.К. Пономаренко оценивал Гомулку как правого ревизиониста, националиста и антисоветчика. Однако в Варшаве советский лидер сам убедился, что это не соответствует действительности и вынужден был на совещании руководителей стран народной демократии, в беседах с ними признать, что советский посол в своих оценках ошибался (С. 88).

Спорным выглядит тезис А. Орехова о том, что Н.С. Хрущев и Президиум ЦК КПСС, убежденные в своей правоте, "были сторонниками силовых решений в отношениях с Польшей и другими европейскими странами советского блока. Однако отрезвление пришло достаточно быстро, и советские политики на практике встали перед лицом необходимости более эластичной тактики в отношении

стран социалистического лагеря...” (С. 63). Автор как бы противоречит самому себе. С одной стороны, он показывает, что советские структуры достаточно хорошо ориентировались в ситуации в Польше, а с другой – готовы были на самые рискованные действия в отношении этой страны.

Китайские историки Шен Чихуа и Ли Танхуэй на основе архивных материалов опровергают распространённый в Польше миф о том, что благодаря вмешательству руководства КНР советские лидеры отказались от вооруженной интервенции в ПНР. Они пишут, что Мао Цзэдун ничего не знал о планируемой вооруженной интервенции, соответственно не мог предпринять противодействующих мер. О них он узнал только из сообщений иностранных агентств (С. 84, 87). Вместе с тем Мао открыто поддержал ПОРП и В. Гомулку. Тем самым “он проявил долго скрываемое недовольство советским великодержавным шовинизмом и поведением КПСС как деспотичного отца рода”. Ситуация, в которой польская партия противодействовала Москве, была для Мао поводом, чтобы подвергнуть сомнению ведущую роль КПСС в социалистическом лагере (С. 90–91). Такой подход не мешал китайскому лидеру оценивать Гомулку как “внутрипартийного правого деятеля, ревизиониста и одновременно как националиста” (С. 108).

Статья Й. Баева “Болгарское руководство и польский Октябрь в 1956 г.” показывает, что лидеры стран народной демократии основополагающие оценки событий в Польше вырабатывали в процессе совещаний руководителей этих государств, в ходе бесед с советским руководством. Болгарское руководство выполняло роль “злого следователя” во время встреч с В. Гомулкой и другими руководителями ПНР – критиковало польскую сторону за терпимость к ревизионизму, католической церкви, отход от социализма в преобразованиях и т.д. Все это вело к трениям в болгарско-польских отношениях. Болгарский историк показывает, что польский опыт учитывался при проведении политики БКП.

Единственным послом стран народной демократии, который позитивно, да-

же с восторгом оценивал октябрьские события в Польше, был посол ГДР в Варшаве С. Хейман. В его сообщениях, как пишет немецкий историк Б. Шефер (B. Schäfer), видна “подлинная эйфория, которая охватила польских коммунистов-реформаторов” (С. 199). Естественно, его анализ не мог получить одобрения В. Ульбрихта, так как позитивное отношение к польским реформам ставило вопрос о необходимости реформ в СЕПГ и ГДР. Хейман был отозван со своего поста.

В свою очередь американский историк Д. Селвидж (D. Selvage) в статье “Возобновление политики сдерживания: администрация Эйзенхауэра и польский Октябрь 1956 г.” показывает двузначный подход американских властей к событиям в Польше и Венгрии. С одной стороны, американская администрация провозгласила политику освобождения стран Восточной Европы и создавала надежды для польской и венгерских антикоммунистов, что американцы вот-вот вторгнутся в эти страны и освободят их от советской “оккупации”. С другой – американские власти не собирались никого освобождать, так как это привело бы к третьей мировой войне. В своих выводах Д. Селвидж пишет, что “подробный анализ недавно опубликованных документов свидетельствует, что в 1956–1957 гг. администрация Эйзенхауэра и сам президент никогда серьезно не принимали во внимание возможность военной реакции США на интервенцию СССР в Польше и ее освобождение ... Эйзенхауэр, поддерживаемый Д.Ф. Даллесом, заявлял, что он не хочет поддерживать “кровавых восстаний” в Центрально-Восточной Европе” (С. 233–234).

Основной вывод, содержащийся в статье британского политолога А. Дайджтона (A. Dejghton) “Британская реакция на события в Польше в июне–октябре 1956 г.”, сводится к мысли о том, что британцы остались только наблюдателями драматических событий в Восточной Европе, поскольку польский и венгерский кризисы совпали по времени с операцией Великобритания и Франция при поддержке Израиля в Суэце (С. 236).

В заключение необходимо подчеркнуть, что сборник содержит большой фактический материал, как правило, впервые вводимый в научный оборот. Он несомненно обогащает представления о реакции СССР, стран народной демокра-

тии и Запада на события в Польше в 1956 г., советской политике в отношении ПНР, советско-польских отношениях.

© 2008 г. Н.И. Бухарин

Славяноведение № 1

Matija Murko v myšlenkovém kontextu evropské slavistiky. Sborník studií / Ed. Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka. Brno 2005. 218 S.

Матия Мурко в идейном контексте европейской славистики. Сб. статей / Под ред. И. Поспишила, М. Зеленки

Матия Мурко (10. 2. 1861–10. 2. 1952), словенец по национальности, учившийся и работавший в разных странах Европы, прежде всего в Чехии, принадлежит к последнему поколению славистов эпохи национального возрождения, каковыми были в XIX в., например, П.Й. Шафарик или предшественник Мурко, первый председатель Славянского института в Праге Л. Нидерле. Мурко был выдающейся личностью, всесторонне образованным ученым, проявившим себя в разных областях: лингвистике, литературоведении, этнологии, фольклоре. Он являлся также прекрасным организатором и педагогом (в 1921–1931 гг. – он первый профессор по филологии Карлова университета). Под его руководством (1932–1941) Славянский институт стал известнейшим в Европе научным центром. Понимание Мурко славистики позволило изучать научные проблемы в широком историческом контексте и географическом диапазоне. Свою трактовку славистики Мурко изложил в первом номере журнала по славянской филологии “Slavia”, который он основал совместно с О. Гуйером. Журнал издавался им в 1922–1939 гг., выходит он и сегодня.

В последнее время жизнь и творчество Мурко стали предметом активного изучения. В марте 2002 г. в Чехии проходил международный симпозиум, посвященный десятилетию обновления деятельности Славянского института Академии наук Чешской республики, на котором значительное внимание было

уделено личности Мурко, пятидесятилетие смерти которого также отмечалось в этот год. Во время работы XIII Международного съезда славистов в Любляне в августе 2003 г. проходил специальный “круглый стол”, посвященный Мурко.

Настоящий сборник статей в основном базируется на докладах, представленных на съезде в Любляне, и является уже третьей за последние несколько лет книгой, посвященной выдающемуся слависту. (В Любляне вышел в 2002 г. сборник “Европейский год языков. Современная славянские литературы. Матия Мурко”, под редакцией М. Есеншеска, в Праге в 2003 г. – “Эпоха славянской филологии Мурко” с библиографией Мурко, составленной Й. Бечкой и А. Зеленковой, редактор М. Зеленка.)

Наследие Мурко принадлежит всей славистике, но прежде всего чешской и словенской науке. Поэтому из 14 статей, представленных в сборнике, большинство принадлежит исследователям из Чехии (6) и Словении (5). Другие авторы – из Германии, Швейцарии, Италии. Работы разнообразны по тематике, жанру, объему, представляют разные точки зрения, широко- и малоизвестные факты биографии ученого.

Открывает сборник программная, обобщающая статья И. Поспишила и М. Зеленки «Матия Мурко, европейское мышление и “третий путь” славистики», подводящая некоторые итоги изучения наследия Мурко и дающая представление об основополагающих моментах его дея-

тельности. Авторы ее утверждают, что жизнь и творчество Мурко соответствуют так называемому третьему пути в славянской филологии, представляющему собой сочетание традиционного подхода с новыми методологическими элементами. Его произведения синкретичны, их отличает широта кругозора и отсутствие какого бы то ни было доктринерства. Трудно даже перечислить все заслуги исследователя на ниве европейской славистики. Его многосторонняя интердисциплинарная деятельность выходит за рамки одной специальности, одной исследовательской тематики, одного научно-педагогического направления. Он учился в Вене, Лейпциге, Праге, работал и занимался исследованиями во многих странах Центральной Европы, в России, общался с известнейшими политиками и учеными своей эпохи. Он продолжал и развивал колларовские идеи славянской взаимности и служил поистине благородным целям.

“Мифу славянской взаимности” в рефлексии М. Мурко посвящена статья А. Енстерле-Долежаловой. Исследовательница отмечает, в частности, что идеи Коллара Мурко воспринимал не только как свое жизненное кредо, но и как средство культурной коммуникации и исходную позицию в своей организационной деятельности (при создании журнала “Slavia”, Славянского института, Семинара по славянской филологии на философском факультете Карлова университета и т.п.). Славянскую филологию Мурко называл “младшей сестрой” филологии германской и романской.

О Мурко как исследователе-языковеде, “любителе слова” пишет А. Желе. Разносторонность филологических работ Мурко рассматривает и И. Славец Градишник, уделяя основное внимание его изысканиям в области этнографии и народной поэзии, при этом Мурко она называет новатором словенской и славянской этнологии. В статье И. Поспишила “Мурко и избранные проблемы литературоведения” анализируется мурковская концепция филологии, методологическая направленность его разработок, традиционализм подхода и новое позитивистское мышление, пришедшее в науку с конца

XIX в. и ставшее для Мурко руководством в изучении фольклора.

К работе Мурко “Немецкое влияние на зарождение чешского романтизма” (1897) отсылают статьи П. Дрвса, Д. Туречека, М. Зеленки. Дрвса интересует в первую очередь вопрос, насколько чешские авторы (Челаковский, Шафарик, Коллар) находились под влиянием немецкого романтизма, насколько самобытной была чешская культура и каковы были чешско-немецкие культурные связи того периода. Второй автор также акцентирует немецкоязычные контакты чешского национального возрождения, что в свое время вызывало критическую реакцию в чешской публицистике, и представляет взгляды Мурко на деятельность Е. Копитара и Й.Н. Громадко как посредников между немецкими и славянскими романтиками. В более обобщенном плане о компаративистском методе Мурко пишет М. Зеленка, характеризуя генезис и развитие его творчества от “внутри дифференцированной позитивистской платформы к контактам со структуралистско-функционалистическим видением”.

Особый интерес для русского читателя представляет статья С. Бонацца “Русские связи Матии Мурко”. В 1887 г. двадцатипятилетний Мурко получил стипендию для учебы в России и провел в общей сложности 16 месяцев в Москве и Петербурге. Основываясь на “Мемуарах” Мурко, автор статьи повествует о пребывании молодого ученого в России, его взаимоотношениях с различными людьми и о серьезном влиянии русской филологической науки, во многом сформировавшей Мурко как исследователя широкого профиля.

Ценный материал дает статья Г. Миколовой, сообщающей о подлинных документах, хранящихся в Литературном архиве “Памятника национальной письменности” в Праге и других фондах. Это обширная корреспонденция (более 1000 адресатов) ученого, а также его рукописи, письма, записи на радио и др. “Матия Мурко в документах” – это уже исследование А. Зеленковой и М. Зеленки. Здесь также за основу взяты материалы из Литературного архива и Нацио-

нальной университетской библиотеки в Люблине, свидетельствующие об обширных контактах Мурко с чешскими учеными еще до его приезда в Чехословакию в 1920 г. Мурко наряду с Й. Якубецом и Й. Влчekom принадлежит к поколению филологов-славистов, которых вдохновлял эмпирический позитивизм, и они критиковали взгляды националистической идеологии на возникновение славянского национального возрождения, отмечают авторы статьи. Всесторонняя личность Мурко, который развивал традиции Й. Добровского, Ф. Миклошича, В. Ягича, отразила историю современной славистики как перекрестка идей и концептуального развития.

Восемь писем Мурко В. Штрайтбергу, швейцарскому лингвисту, хранящиеся в университетской библиотеке Лейпцига, привлекли внимание одного из авторов сборника Г. Роте, который открывает малоизвестные страницы жизни Мурко, касающиеся его коллег, карьеры, планов на будущее.

В статье М. Станоник “Матия Мурко и словенцы” дается подробный анализ деятельности Мурко, связанной с культурной жизнью в Словении и словенской этнологией, которой ученый занимался уже в конце XIX в. Для формирования Мурко как ученого огромное значение имело участие в “Этнографической выставке чехо-славянской” в Праге в 1895 г., ставшей демонстрацией материальных и духовных традиций славянского мира.

В сборнике помимо статей представлено 15 фотографий из архивов, ранее не публиковавшихся.

В целом книга представляет собой важный шаг в изучении наследия Матии Мурко, привлекает внимание к идее славянской взаимности, не пользовавшейся в последние годы особенной популярностью, акцентирует известные и открывает новые стороны энциклопедической личности выдающегося ученого, который намного опередил свое время.

© 2008 г. И.А. Герчикова

Славяноведение, № 1

A. IVČENKO, S. WÖLKE. Hornjoserbski frazeologiski słownik. Obersorbisches phraseologisches Wörterbuch. Верхнелужицкий фразеологический словарь. Budyšin (Bautzen), 2004. 576 S.

Словарь А. Ивченко и С. Вёлке вызвал большой интерес фразеологов, о чем свидетельствуют рецензии, опубликованные на него в разных странах [1. S. 3; 2. S. 111–112; 3. S. 213–218; 4. S. 247–252; 5. S. 164–166; 6. S. 228–229; 7. S. 139–143; 8. S. 64–65; 9. S. 157–158; 10. S. 507–510]. Резонанс вполне объясним: это первый свод верхнелужицкой фразеологии XIX–XXI вв., включающий в себя более 3600 фразеологических единиц различных стилей, причем почти треть из них зафиксирована в словаре впервые. Одно это делает издание словаря важным событием в сорабистике. Итогом кропотливой работы по выборке фразеологизмов, разбросанных по различным источникам – лингвистическим словарям, паремиологическим сборникам, произведениям худо-

жественной, публицистической, религиозной и научной литературы, стал фундаментальный по охвату языковых фактов труд, иллюстрирующий динамизм образной системы в сфере фразеологии. По рамкам хронологии диапазон фразеологических единиц широк – от устаревших до активно функционирующих в наши дни. Таким образом авторы решают проблему сохранения фразеологизмов из сокровищницы народной мудрости и фиксации устойчивых словесных комплексов, находящихся в активном обращении.

Верхнелужицкий – одно из славянских наречий в Германии, сохранившихся до наших дней в ряде районов Верхней Лужицы, что обусловило генезис, функционирование и специфику верхнелужицкой фразеологии: собственно лужиц-

кое языковое начало испытало сильное воздействие немецкой фразеологической системы и в то же время сохранило общеславянские корни, просвечиваемые сквозь призму русских фразеологических параллелей. Этим мотивировано трехязычное название труда, капитальность которого во многом объясняется творческим союзом известных исследователей в области межъязыковых фразеологических изысканий: С. Вёлке сопоставляет фразеологию верхнелужицкого языка с немецкой [11], А. Ивченко – с фразеологией других славянских языков [12; 13; 14].

Отбор словника, как отмечено в предисловии к изданию, определяется “узким пониманием” фразеологизма как “сочетания нескольких слов, обладающего относительно устойчивой формой и целостным переносным значением, часто с экспрессивной коннотацией” [S. 12]. Это немаловажное замечание позволяет оставить за пределами фразеографирования пословицы, афористику, составные образные термины, номенклатурные составные наименования описательного типа и т.п. Исключения составляют лишь некоторые коммуникативные формулы (проклятия, пожелания и т.п.).

Фиксация фразеологизма словарем является формальным критерием его принадлежности к уровню языка. Большинство из включенных в издание фразеологических единиц зафиксировано не менее чем в двух лексикографических или паремиологических трудах предыдущих веков, что является свидетельством их устойчивости и воспроизводимости. Этот свод дополняется фразеологическим материалом из компьютерного корпуса верхнелужицких текстов и картотеки немецко-верхнелужицкого словаря, находящегося в Серболужицком институте в Бауцене. С целью задокументировать большую часть фразеологического фонда верхнелужицкого языка в словарь включены и обороты, зафиксированные лишь в одном источнике. Текстовые иллюстрации, сопровождающие две трети представленных в словаре фразеологизмов, позволяют судить об употребительности оборота. Из-за нестабильности нормы в литературном верхнелужицком языке не всегда легко разграничить ин-

дивидуально-авторские образования и узуальные фразеологизмы; часто верхнелужицкие фразеологические обороты представлены в многочисленных формальных вариантах, для которых нормативность или окказиональность удается установить с трудом. Поэтому составители отразили в работе и трансформации фразеологизмов, позволяющие продемонстрировать верхнелужицкие обороты во всем их вариантном разнообразии. Вариативные модификации фразеологизма по возможности объединены в одной словарной статье при помощи различных скобок.

Обширнейшим пластом фразеологии любого языка являются компаративные фразеологизмы, поэтому закономерно, что авторы уделили им особое внимание, в том числе и так называемым конвенциональным устойчивым сравнениям типа *čorny kaž sazy, běty kaž (jako) (młody) sněh*. И это – одно из достоинств справочника, так как сравнения стали как бы “париями” фразеографической практики: включаются в общefразеологические словари sporadически и в основном идиоматического характера. Один из наиболее активно проходящих в фразеологии процессов – неологизация, поэтому в словарь вошли и новые обороты, в том числе и неологические кальки из немецкого языка, активно употребляющиеся в современной верхнелужицкой речевой практике. Включены в словарь и фразеологизмы, имеющие в своем составе грубо-просторечные лексемы: *na hłowu srać/nasrać, swěćić so kaž howno w latarni, naduty kaž knježi pjerd, zymnu rić dóstać, zadk namazać*, что способствует объективному изучению фразеологии в сравнительно-сопоставительном, ареальном и идеографическом аспектах.

Лексикографическая паспортизация фразеологизма позволяет судить об его инновационном или архаическом характере, а стилистические и эмотивные пометы – о сфере употребления. Эмотивные пометы выделены курсивом, грамматические – другим шрифтом, что облегчает зрительное восприятие характеристики фразеологизма. Наглядное представление о структуре словарной статьи (гнездовой способ подачи; алфа-

витный порядок внутри гнезда; грамматические, стилистические и эмотивные пометы; толкование фразеологизма на трех языках и иноязычные (эквиваленты; лексикографическая документация; текстовые иллюстрации) дает схема, вынесенная на форзац. Если под одним гнездовым словом дается 10 и более фразеологизмов, то вся система гнезда с особой нумерацией выделяется тонированной рамкой, что позволяет визуально оценить всю систему гнезда и облегчает поиск нужного оборота.

Поиск нужного серболужицкого фразеологизма облегчают и компактные указатели (немецко-верхнелужицкий и русско-верхнелужицкий) с отсылками к соответствующим статьям в основной части словаря. Содержание славянских фразеологических сочетаний с конструкцией “прилагательное + существительное” в немецком языке может передаваться средствами словообразования – сложными словами: *figowe topjeno* ‚něšto, štož zwjeršnje zakrywa brachi‘ | ‚Feigenblatt, etwas, womit Fehler notdürftig verborgen werden‘ | ‚лицемерное прикрытие чего-либо постыдного, маскировка неблагоприятных поступков и намерений‘, *figowy listok*. “Преимущественно именной результат сложения основ в нем. языке накладывает отпечаток и на фразеологическую систему, с которой идиоматически сложные слова находятся в отношениях взаимодействия, взаимодополнения и частичной конкуренции” [15. С. 125], поэтому особенностью немецкого указателя является то, что отсылками к соответствующим статьям верхнелужицкого словаря могут быть как фразеологизмы, так и композиты – экспрессивные и метафорические сложные слова: *Nachtschwärmer* → *nócnu hawron* → *hawron* (1); *bärenstark* → *sylny kaž bar* (после стрелки указывается гнездовое слово, а в скобках – номер фразеологизма в словарной статье).

Семантическая структура и синтаксическая организация устойчивых словесных комплексов в разных языках имеют как черты сходства, так и различия. У лингвистов есть понятие фразеологического перевода. В фразеологическом пе-

реводе выделяют эквиваленты – фразеологизмы, равноценные переводимым устойчивым оборотам по семантике, стилистической принадлежности, эмоционально-экспрессивной окраске, имеющие тождественный или приблизительно одинаковый компонентный состав, и а н а л о г и, отличающиеся друг от друга полной или частичной заменой оборота. Существуют и промежуточные ступени, которые определяют как отношения неполного (частичного) тождества.

Полные фразеологические эквиваленты ориентированы на тождество фразеологической семантики и структуры сопоставляемых единиц: в.-луж. (*wulku* (ваžnu)) *rólu hrać*, нем. *eine wichtige Rolle spielen*, рус. *играть важную роль*. Для отдаленно родственных языков (славянских и германских) полные эквиваленты типа в.-луж. *na pěsk twarić*, нем. *auf Sand bauen*, рус. *строить на песке* не совсем типичны, так как на фразеологизмы как единицы вторичного образования влияют первичные системы – лексическая и грамматическая. Неполные фразеологические эквиваленты обнаруживают полное лексическое тождество при неполном структурном: в.-луж. *Jěwiny kostim*, нем. *Evakostüm*, рус. *костюм Евы* или тождество структуры при частичном тождестве компонентов, обычно относящихся к одной тематической группе: ср. в.-луж. *poliwku wulaptać*, нем. *die Suppe auslöffeln* с рус. *расхлебывать кашу* (суп ≠ каша); в.-луж. *ani ryba ani rak* с нем. *weder Fisch noch Fleisch*, рус. *ни рыба ни мясо* (рак ≠ мясо). Неполные фразеологические эквиваленты часто объединяет лишь абстрактная образная модель. Полные и неполные структурно-семантические эквиваленты – это в основном фразеологические интернационализмы-кальки: в.-луж. *Sodom a Gomorra*, нем. *Sodom und Gomorra*, рус. *Содом и Гоморра*; в.-луж. *nić (niika) Ariadny*, нем. *der Ariadnefaden*, рус. *нить Ариадны*; в.-луж. *posledni Mohikan*, нем. *der letzte Mohikaner*, рус. *последний из могикиан*; в.-луж. *pjata kolona*, нем. *die fünfte Kolonne*, рус. *пятая колонна*; в.-луж. *za kulisami*, нем. *hinter den Kulissen*, рус. *за кулисами* и т.д. Межъязыковая фразеологическая эквивалентность достаточна высока и в

устойчивых сравнениях, которые сближаются в трех сопоставляемых языках по своим функциям, типовой семантике, механизму фразообразования, компонентной и структурно-синтаксической организации и стилистической принадлежности: в.-луж. *čorny kaž saznik*, нем. *schwarz wie ein Shornsteinfeger*, рус. *черный как трубочист*; в.-луж. *čerwjenu kaž (jako) (woparjenu, warjenu, zwarzjenu) rak*, нем. *rot wie ein Krebs*, рус. *красный как рак*; в.-луж. *nětu kaž ryba*, нем. *stumm wie ein Fisch*, рус. *нем как рыба*; в.-луж. *kaž skaženeho psa zarazyć (zatřělic, zabić) někoho*, нем. *jemanden erschlagen wie einen tollen Hund*, рус. *убить как бешеную собаку кого-либо*.

Межъязыковые семантические аналоги отличаются образностью: в.-луж. *howno při pjaće měć*, нем. *Dreck am Stecken haben*, рус. *рыльце в пуху (нушку)*; в.-луж. *žaby pasć*, нем. *Maulaffen feilhalten*, рус. *считать ворон (галок)*. В этой группе особенно много оборотов с национальной и культурной спецификой, не имеющих параллелей в сопоставляемых языках: *mudry kaž Salomonowy mót* (досл. *мудрый как Соломонов крестник*) 'очень глупый', *bohatty kaž zľěborny Pětr (w Budyšinje)* (досл. *богатый как серебряный Петр (в Будишине)*) 'очень богатый', *zuma kaž na třoch kralov* (досл. *холодно как на (праздник) Трех Королей*) 'очень холодно'. Сюда относятся фразеологизмы, содержащие национальные имена собственные, наименования национальных реалий и связанные с историей и культурой народа: *zbity kaž stary Fryca pola Bukec* 'полностью разбитый, потерпевший сокрушительное поражение', *samotny stać kaž Kobanski młyn* 'стоять одиноко (о хуторе, усадьбе)', *krótke kaž Budyska kermuš* 'очень короткий, непродолжительный по времени', а также каламбурные образования: *być z Chudowa* (от *chudy być* 'быть бедным').

Серболужицким фразеологизмам даны один-два немецких эквивалента (в том числе композиты) и только один русский; для многих верхнелужицких оборотов русских фразеологических эквивалентов вообще нет – они заменены лексическими эквивалентами или дефиницией

на русском языке. Перед фразеологизмом приводится описание его значения на немецком и русском языках, что помогает понять смысл дефинируемой по-серболужицки единицы. Описание семантики фразеологизмов для всех языков имеет единую структуру и приводится в виде парафраз, подаваемых в кавычках. Они соответствуют синтаксической функции оборотов: субстантивным фразеологизмам соответствует субстантивная парафраза, адъективным – адъективная, вербальным – вербальная и т.д. О реконструированном гипотетическом значении некоторых серболужицких фразеологизмов, приведенных в сборниках Яна Радысерба-Вели без толкования значения, сигнализирует звездочка перед верхнелужицким описанием значения: **myšace boblki wuběrać [něchtó myšace boblki wuběra]** *,peple wjerćeć' | ,popeln, in der Nase bohren' | ,ковыряться пальцем в носу' выбирать коз (из носа). О несовпадении синтаксической функции сигнализирует специальный символ – кружочек перед немецким соответствием (для русского языка это не предусмотрено): ° *Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan, der Mohr kann gehen* (как соответствие в.-луж. *někomu so dže kaž staremu konjej*).

Полисемантическим верхнелужицким фразеологизмам приводятся немецкие и русские эквиваленты или аналоги (если они есть) ко всем значениям; при этом одно из значений может быть специфичным для верхнелужицкого языка. Так, в.-луж. *žtoto čelo* имеет 2 значения: 1) 'деньги, богатство', имеющее эквиваленты (нем. *das goldene Kalb*, рус. *золотой телец*) и 2) 'богатая, но глупая невеста', не имеющее семантических аналогов. Точная формулировка семантики помогает пользователю избежать искушения перевести верхнелужицкие фразеологические единицы на немецкий или русский язык оборотами с тем же компонентным составом, но с омонимичными или знатиосемичными значениями и выступающими в сфере фразеологии "ложными друзьями переводчика". Ср. в.-луж. *rohi nastajić/nastajeć (zastajić)* и нем. *jemandem die Hörner zeigen; die Hörner aufstecken* 'оказать упорное сопротивление кому-л.;

показать зубы кому-л.’ с рус. *наставить рога* – 1) ‘изменить мужу, сожительствуя с другим мужчиной’, 2) ‘оскорбить, унижить достоинство, честь мужчины, сожительствуя с его женой’; в.-луж. *z kože wulězc* и нем. *aus der Haut fahren* ‘прийти в состояние крайнего раздражения’ с рус. *из кожи (вон) лезть* ‘усердствовать, стараться изо всех сил’; в.-луж. *krupu w tozach (pod porot, we hlowje) těc* и нем. *Grütze im Kopf haben* ‘быть умным, хорошо соображать’ с рус. *у кого-л. каша в голове* ‘кто-л. путано мыслит, плохо соображает’; в.-луж. *těc ruce kaž hrabje* ‘иметь замёрзшие, непослушные руки’ и рус. *руки как грабли* – 1) ‘большие, грубые, неловкие’; 2) ‘огрубевшие, утратившие гибкость от постоянной и тяжелой физической работы’; в.-луж. *pjaty róztk* ‘туалет’ и рус. *пятый угол*; в.-луж. *z rića hić (chodzić) někoti* ‘избегать кого-, чего-л.’ и рус. *уходить с дороги (с пути)*.

Позволим себе сделать некоторые замечания, уточнения и пожелания, возникшие у нас при знакомстве со словарем.

В словаре не приводится верхнелужицкий алфавит, что затрудняет иноязычным читателям ориентирование в нем и не позволяет быстро находить искомое слово.

Для некоторых вульгарных и малоупотребительных гнездовых слов (особенно устаревших, диалектных и “неприличных”) желателен перевод. Особенно это актуально для пользователя – носителя русского языка, так как в единственном верхнелужицко-русском словаре [16], несмотря на то, что в нем 36 тыс. слов, есть далеко не все из них. Так, в нем нет лексем *bikus, boblk, džak, fenk, frasa, kulšica, kuntka, powzka* и некоторых других, что препятствует пониманию образности фразеологических единиц с этими компонентами и, соответственно, сопоставительным исследованиям. Правда, о значении некоторых слов можно догадаться по контекстам, пометам или вариантам фразеологизма: *ani za fenk (krošik)* ‘ни на грош’, *rjany (šwarny) fenk (pjenjez)* ‘приличная сумма’ ⇒ *fenk* – это название денежной единицы. Но возможно это далеко не всегда. Иногда разночтения в рецензируемом словаре и словаре

К.К. Трофимовича ставит читателя в тупик. Так, в труде А. Ивченко и С. Вёлке под гнездовым словом *wjerba* приведены два фразеологизма: 1) *stara wjerba* ‘старый, изможденный человек’ и 2) *stuleny kaž stara wjerba (wjerbaba)* ‘сгорбленный, старый’, а от оборота под гнездовым словом *wjerbaba* дана отсылка: *stuleny kaž stara wjerba (wjerbaba)* → *wjerba* (2) [S. 376]. У Трофимовича находим значения слов: *wjerba* – это *ива, верба, ветла*, а *wjerbaba* – *ведьма, колдунья, баба-яза* [16. С. 347]. Возникает закономерный вопрос: в одной словарной статье даны слова-омонимы или варианты одного слова?

К фразеологизмам с национальной и культурной спецификой типа *zamóžity kaž złoty Domš (w Budyšinje)* ‘очень богатый’ тоже желателен краткий комментарий, который помог бы прояснить семантику фразеологизмов как образцов отражения национальной культуры, истории, народной психологии верхнелужицких сербов. Краткое пояснение могло бы прояснить и образность: устойчивое сравнение *zumpny kaž wjelči měšac* (досл. холодный как волчий месяц) ‘очень холодный’ стало бы понятней, если бы была расшифровка сочетания *wjelči měšac* (=декабрь).

В словаре есть и некоторые неточности. Так, сравнение *kaž by z njebjes padnył* со значениями ‘неожиданно появиться’ и ‘быть растерянным, удивленным’ подается в словаре не как полисемантическое, а как две разные единицы (под № 6 и 7). Многозначный серболужицкий фразеологизм *dubowa hłowa* с семантикой ‘упрямый человек’ и ‘глупый человек’ совпадает с рус. *дубовая голова (голова дубовая)* не в первом значении, а во втором. Многозначная русская фразеологическая единица *бездонная бочка*, совпадающая в значении ‘кто-л., требующее неоднократных и неоккупающихся затрат’ с близкими ей в.-луж. *sud bjez dna* и нем. *ein Fass ohne Boden*, а в значении ‘человек, который может выпить много спиртного, не хмеля’ – с верхнелужицким устойчивым сравнением *pic kaž bjeze dna* (имеющим, кстати, полное тождество в русском языке – *пить как (бездонная) бочка*) не представлена в словаре как эквивалент серболужицкого фразеологизма.

В отдельных случаях требуется более точная формулировка семантики оборота. Так, безэквивалентное верхнелужицкое сравнение *kołtny kaž Haman* дефинируется по-русски как 'очень гордый', а по-немецки как 'высокомерный', что более точно отражает характеристику библейского Амана. Серболужицким фразеологизмам *ćišina kaž na spowědźi* и *ćišina (ćicho) kaž wulki (ćichi) pjatk* (досл. тишина как на исповеди; тишина (тихо) как в Великую пятницу) более соответствует по образности русское сравнение *тишина (тихо) как в храме (церкви)* (в словаре *тихо как в могиле*).

Межъязыковая фразеологическая эквивалентность предполагает приблизительно одинаковую степень речевой употребительности. Поэтому основным функциональным эквивалентом в.-луж. *rěz porsty hladać někomi* и рус. *смотреть сквозь пальцы* является не тождественный в структурно-семантическом плане, но редко употребляющийся немецкий фразеологизм *jemandem durch Finger sehen*, а *ein Auge (beide Augen) zudrücken*, который, видимо, тоже следовало включить в словарную статью. Ср. также в.-луж. *hłowu (hłójkcu) wumyc někomi*, нем. *jemandem den Kopf waschen*, которым в русском языке соответствует устаревший и малоупотребительный эквивалент *мыть/вымыть голову кому-л.* и высокочастотный неполный структурно-семантический эквивалент *мыть/намылить голову кому-л.*, который также надо было включить в словарную статью, тем более что в данном случае компонентные различия не нарушают образности оборота, так как базируются на образном переосмыслении одного процесса и глагольные компоненты весьма близки. Конечно, разделение функциональных и структурно-семантических (полных и неполных) эквивалентов потребует введения дополнительных символов, например, для первых знака~, а для вторых – =; при этом конкретные пометы тоже будут способствовать разграничению фразеологизмов по мере речевой употребительности. Так, к в.-луж. *bohatty kaž myška w cyrkwi*, зафиксированному в сборнике Радьсера, в словаре Ивченко и Вельке вообще не дан русский

эквивалент. Между тем он есть, причем тоже зафиксирован в XIX в.: *богат (богатый) как церковная мышь*. Словарную статью *bohatty kaž myška w cyrkwi iron.* ,chudy' | ,arm' arm wie eine Kirchenmaus | ,бедный' можно было бы в русской части дополнить и оформить следующим образом: = *урон. устар.* богат (богатый) как церковная мышь; ~ беден (бедный) как церковная мышь. Еще пример: в.-луж. *hladać kaž gancor, hdyž so błyska (při błyskanju, na hrimanje)* и нем. *gucken wie die Gans, wenn's donnert* соответствуют в русском языке неполные структурно-семантические тождества *смотреть как гусь на зарево* (устар.) и *смотреть как гусь на молнию*, а не только приведенный в словаре функциональный эквивалент *смотреть как баран на новые ворота*. При таком подходе учитываются мало- и высокочастотные варианты, способствующие разноаспектным сопоставительным исследованиям. Попутно заметим, что если бы приводимые в словаре немецкие и русские фразеологизмы были графически как-то выделены, то это облегчило бы их визуальное восприятие как отдельной лексикографической позиции.

Как уже указывалось, большому числу субстантивных и адъективных славянских фразеологизмов в немецком языке при одинаковой образной организации соответствуют композиты, конкурирующие (обычно по частотности употребления) с оборотом той же структуры, что и славянские. Поэтому в немецкой части эквивалентики серболужицким фразеологизмам можно давать не только сложные слова, но и эти единицы: *sylny kaž bar (mjedwjedź)* – не только *bärenstark*, но и *stark wie ein Bär*. В немецком языке отсутствуют притяжательные прилагательные [15. С. 103], поэтому многим фразеологическим интернационализмам в нем часто соответствуют композиты: в.-луж. *achillesowa pjata* – рус. *ахиллесова пята* – нем. *Achillesferse*, но в некоторых случаях помимо композита может быть и фразеологический оборот: в.-луж. *damoklesowy (damoklowy) mječ* – рус. *дамоклов меч* – нем. *Damoklesschwert* и не отраженный в словаре фразеологизм *Schwert des Damokles*. Заметим, что в некоторых случаях к славянским оборотам не приводят-

ся сложные слова-эквиваленты немецкого языка: к фразеологическому библеизму *njebjeska (njebjeske) manna* (рус. *манна небесная*) не дан соответствующий немецкий композит *Himmelsmanna*; к в.-луж. *běty kaž (jako) (młody) sněh* (рус. *белый как снег*) вообще не даны немецкие соответствия (компаративный фразеологизм *weiß wie Schnee* и композит *schneeweiß*).

К некоторым серболужицким и немецким фразеологическим библеизмам не даны тождества в русском языке: в.-луж. *stary kaž Metusala* и нем. *alt wie Methusalem* имеют полный эквивалент *стар* (*старый, древний*) как *Мафусаил*; в.-луж. *wulki kaž Goliath* и нем. *groß wie Goliath* – рус. *большой (громадный, могучий) как Голиаф*; в.-луж. *kaž pěsk (pěska) při morju (w morju)* и нем. *wie (der) Sand am Meer* соответствует рус. *(много) как (что) песку (песка) в море, (много) как (что) песча (песку) морского*; в.-луж. *přeradźić kaž Judaš* – рус. *предать как Иуда (Христа)*; в.-луж. *sylny kaž Simson* – рус. *сильный как Самсон, сила как у Самсона*. Отдельные библеизмы представлены как безэквивалентные при наличии семантических аналогов в русском языке: ср. в.-луж. *wćipna Jěwa* ‘любопытный человек (обычно о женщине, девушке)’ и рус. *Евина внучка (дочка) и дочь (внучка) Евы*.

Немецкая эквивалентика в труде представлена более полно и последовательно, чем русская. Лишь в отдельных случаях к серболужицким оборотам не даны тождества, например к в.-луж. *hłódnju kaž wjelk* (рус. *голодный как волк*) не приведен абсолютный немецкий эквивалент *hungrig wie ein Wolf*. Как безэквивалентные даны верхнелужицкие устойчивые сравнения: *strowy kaž bar* (нем. *gesund wie ein Bär*, рус. *здоров (здоровый) как медведь*), *bojazny (stróžliwy) kaž zaječk* (нем. *furchtsam wie ein Hase*, рус. *боязлив (боязливый, пугливый, трусливый) как заяц*), *zmižity (zmižny) kaž zajac (zaječk)* (iron.) (рус. *храбрый (отважный) как заяц*), *čišina, zo byšće słyšeli trawicki rosć* (ср. с рус. *(так тихо, что) слышно, как трава растет*), *čišina, jako by jandžel po cyrkwi šoł* (ср. с оборотом с близкой образностью: нем. *es geht (fliegt) ein Engel durchs Zimmer (durch die Stube)*, рус. как

будто тихий ангел пролетел – ‘о внезапно наступившей тишине’), *hładki kaž mydło* (совпадает с нем. *glatt wie nasse Seife* и рус. *скользящий как мыло* – 1) ‘о чем-л. скользком, гладком’; 2) ‘об изворотливом человеке, прынуре’ в первом значении). Это касается и некоторых других фразеологических единиц.

При наличии полного или неполного тождества верхнелужицкому обороту в немецком языке желательно в первую очередь приводить абсолютный эквивалент: в.-луж. *wěste kaž amen (hamjeń) w cyrkwi* – нем. *(so) sicher (das ist, kommt) wie das Amen in der Kirche*; в.-луж. *wěste kaž hamjeń na kóncu Wótčenaša* – нем. *so wahr wie das Amen im Vaterunser*, а при отсутствии такового – неполное тождество: в.-луж. *wěste kaž hamjeń po “Strowjena sy Marja”* – нем. *das ist so sicher wie das Amen in Gebet* (в словаре во всех случаях приведен компаративизм *sicher wie das Amen in der Kirche*). Это относится и к русским оборотам: в.-луж. *sylny kaž law* – рус. *сильный как лев* (в словаре: *сильный как медведь*), в.-луж. *čerwjenu kaž mak* – нем. *j-d sieht aus wie eine Pfingstrose* (где *Pfingstrose* – ‘пион’; в словаре нет вообще фразеологического соответствия) – рус. *красный как мак* (в словаре: *красный как рак*). У в.-луж. *kradnić (brac) kaž sroka* есть абсолютные тождества: нем. *stehlen wie eine Elster* (в словаре: *klauen wie ein Rabe*, где *Rabe* – ‘ворона’), рус. *красть (воровать, тащить) как сорока*, как и у в.-луж. *šćekotać kaž sroka* и рус. *болтать (трещать, тарыхтеть) как сорока* – в немецком: *schwätzen wie eine Elster* (в словаре: *reden wie ein Wasserfall* (досл. *говорить как водопад*) и *schnattern wie eine Ente*, где *Ente* – ‘утка’) и т.п.

В русском языке вообще можно найти немало фразеологических эквивалентов и оборотов с близкой образностью для верхнелужицких фразеологизмов: в.-луж. *wulki bratr*, нем. *der große Bruder* – рус. *старший брат*; в.-луж. *z kurami (kuryti) stawać*, нем. *mit dem ersten Hahenschrei aufstehen* – рус. *с (первыми) петухами вставать*; в.-луж. *rognjesc so kaž z błiskom* – рус. *(распространиться) с быстротой молнии*; в.-луж. *žaby w brjuše korca někoti* – рус. *лягушки в животе квакают* (о бурчании в животе от голо-

да); в.-луж. *z woběmaj nohomaj na zemi stać* – рус. *стоять обеими ногами на земле, твердо стоять на земле*; в.-луж. *prawy nós měć* – рус. *иметь хороший нюх*; в.-луж. *z pěska postronki sukać* – рус. *из песка верёвки вить* (народн.); в.-луж. *njesměć ni ríknuć ni míknuć* – рус. *не сместь и пикнуть*; в.-луж. *kuši kaž mašušk (palc)* – рус. *ростом с мизинец*; в.-луж. *dobra duša* – рус. *добрая душа* и т.п. В отдельных случаях можно подобрать структурный эквивалент: в.-луж. *Hioba wotać* – рус. *звать (вызывать) Ихтиандра*.

Неотъемлемой частью фразеологического фонда любого языка являются образные сравнения, один из типов которых – конструкция с компаративным союзом, посредством которого связываются сопоставляемые понятия разного плана. Среди устойчивых сравнений в сопоставляемых языках также можно найти много эквивалентов. Приведем некоторые русские тождества к серболужицким и немецким компаративизмам: в.-луж. *powědaty kaž stara baba*, нем. *schwatzhaft wie ein altes Weib* – рус. *болтливый как (старая (базарная)) баба*; в.-луж. *rěčeć kaž slepy wo barhje*, нем. *reden wie der Blinde von der Farbe* – рус. *говорить (рассуждать) как слепой о красках*; в.-луж. *rychty (spěšny) kaž btisk*, нем. *schnell wie der Blitz* – рус. *быстрый как молния*; в.-луж. *spěwać kaž sołobik*, нем. *singen wie eine Nachtigal* – рус. *петь как соловей*; в.-луж. *ćma kaž w kruwjacej rići*, нем. *finster wie im Affenarsch* (добавим еще варианты: *finster wie im Bärenarsch; finster wie in einer Kuh*) – рус. *темно как в заднице (ж...), темно как в ж... (у негра (после черного кофе))*; в.-луж. *tokry kaž (wodžana) myš*, нем. *aussehen wie eine gebadete Maus* – рус. *мокрый как мышь*; в.-луж. *chodźić (teptać) kaž kocor (kóčka) wokoło horceho wustuža*, нем. *wie die Katze um den heißen Brei herumgehen* – рус. *ходить как кот (кошка) вокруг горячей каши* и т.д. Приведем также пары серболужицких и русских эквивалентов: *potjatk kaž dźěrkawc* – *память как решето, дырявая память*; *so hordźić kaž paw* – *ходить важно как павлин*; *zasakty kaž rozžobjeny byk* – рус. *упрямый как бык*; *ćma kaž w pincy* – *темно как в погребке*; *po kraju ćahnuc (bručić so, być ducy) kaž Cygan* –

(бродить (по свету) (кочевать)) как цыган (цыганка, цыгане); *ćicho kaž w cyrkwi* – *тихо (тишина) как в (пустой) церкви (ночью) (в храме (божьем))*; *so roztpožeć kaž myše* – *рождаться/родиться (плодиться, размножаться) как мыши*; *sedžeć kaž myška* – *сидеть (тихо) как мышка (мышонок) и т.д.* На русских сравнениях мы заострили внимание по той причине, что в русской фразеологии этот пласт фразеологии достаточно полно описан в специальных словарях [17; 18; 19; 20; 21], к которым А. Ивченко и С. Вёлке могут обратиться за дополнениями при подготовке следующего издания книги.

Фразеологические единицы в словаре расположены в алфавитном порядке по гнездовым словам, которые обычно соответствуют первому существительному в составе оборота. Однако распределение устойчивых сравнений только по опорному слову образной основы несколько затрудняет пользователю поиск необходимого фразеологизма. Видимо, при фиксации сравнений нужно алфавитное размещение и по первому компоненту – основанию сравнения с отсылкой к стержневому слову образной основы, как это делается в других случаях.

Высказанные замечания и соображения отнюдь не являются попыткой хоть как-либо преуменьшить научную и практическую значимость первого словаря верхнелужицкой фразеологии с немецкими и русскими параллелями, аналогами и описаниями значений на немецком и русском языках. Тем более, что это толковый, а не переводной словарь. В нем главным является способ описания семантики фразеологизма, а фразеологические соответствия играют вспомогательную роль. Прежде всего, это словарь для лужицких сербов, у которых не было и до сих пор нет одноязычного толкового словаря родного языка. До труда А. Ивченко и С. Вёлке ни на сербском, ни на немецком языках не был семантизирован ни один верхнелужицкий фразеологизм, а максимальное количество серболужицких фразеологических оборотов во всех переводных словарях верхнелужицкого языка не превышало тысячи единиц. В отличие от большинства фразеологиче-

ских словарей труд А. Ивченко и С. Вёлке содержит точную паспортизацию фразеологизмов (все известные фиксации в словарях и паремиологических сборниках с указанием страниц) и текстовые иллюстрации к ним. Это единственный в славянской фразеографии фразеологический словарь тезаурусного типа, в котором объединена вся фразеология серболужицкого языка без разделения на литературный язык, диалектный и т.д.

Издание трехязычного фразеологического словаря не просто дальнейший шаг в развитии верхнелужицкой фразеографии; это ценное подспорье в сопоставительных исследованиях гуманитариев – фразеологов, культурологов, этнографов. Это – фундаментальный труд, с выходом в свет которого не только сорабисты, но и слависты и германисты получили объемный свод фразеологизмов, демонстрирующий многоцветие образной системы серболужицкого языка. Все это делает словарь весомым вкладом не только в сорабистику, но и славянскую фразеологию вообще.

© 2008 г. *И.В. Кузнецова*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Musiak S.* Kopa rjanych krutych řečnych wobrotow // *Serbske Nowiny*. 2004. 10. IX.
2. *Šerakowa I.* Hornjoserbski frazeologiski słownik wušoť // *Serbska Šula*. 2004. № 5.
3. *Eismann W.* *Recenzja* // *Anzeiger für slavische philologie*. Graz, 2004. В. XXXII.
4. *Тепляков I.* *Recenzja* // *Питання сорабистици / За ред. В. Моторного та Д. Шольце*. Львів; Будишин, 2005.
5. *Eckert R.* *Recenzja* // *Lětopis*. 2005. № 1.

6. *Wornar E.* Pr ni kompendij hornjoserbskeje frazeologije // *Rozhlad*. 2005. № 6.
7. *Weiss P.* *Recenzja* // *Jezikoslovni zapiski*. Ljubljana, 2005. № 1.
8. *Hrabal M.* Kvalitní frazeologický slovník // *Česko-lužický věstník*. 2005. № 9.
9. *Čermák F.* *Recenzja* // *Slovo a slovesnost*. Praha, 2006. Ročník 67. Číslo 2.
10. *Mokienko V.M.* *Recenzja* // *Revue des études slaves*. Tiré a part. Paris, 2006.
11. *Wölke S.* *Verbale Phraseme im Obersorbischen. Untersuchungen zur Valenz und Struktur*. Bautzen, 1992.
12. *Ивченко А.А.* Идеографическое и ареальное описание фразеологии верхнелужицкого языка. Канд. дис.... филол. наук. Л., 1987.
13. *Ивченко А.А.* Общеславянский фонд фразеологии верхнелужицкого языка // *Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов*. М., 1989.
14. *Ивченко А.О.* *Українська народна фразеологія: ономасіологія, ареали, етимологія*. Харків, 1999.
15. *Райхштейн А.Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
16. *Трофимович К.К.* *Hornjoserbsko-ruski słownik = Верхнелужицко-русский словарь*. М.; Бауцен, 1974.
17. *Огольцев В.М.* Устойчивые сравнения русского языка. М., 1984.
18. *Огольцев В.М.* Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка. Ижевск, 1994.
19. *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синоним-антонимический). М., 2001.
20. *Мокиенко В.М.* Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003.
21. *Горбачевич К.С.* Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. М., 2004.

Славяноведение № 1

С. ВЛАХОВ. Нов руско-български речник. София, 2004. 904 С.

С. ВЛАХОВ. Новый русско-болгарский словарь

В 2004 г. в издательстве “Парадигма” вышел новый русско-болгарский словарь Сергея Влахова под редакцией Анны Липовской (далее НРБР). Его актуальность и востребованность обусловлены как современным состоянием русско-болгар-

ской лексикографии, так и культурными потребностями общества. В данном словаре учитываются многочисленные изменения, которые произошли в русском и болгарском языках в связи с переменами в политической, экономической,

культурной жизни наших народов и отразились на состоянии лексики этих двух языков. С. Влахов, имеющий богатый лексикографический опыт (см. [1]), использовал при составлении нового словаря современные источники и накопленный им большой запас всех слоев новой лексики. Входная (русская) часть словаря содержит около 50 000 слов и фразеологических сочетаний, представляющих современный русский языковой материал.

Данный словарь отходит от традиции создания двуязычных словарей “зеркального” типа, предназначенных как для русских, изучающих болгарский язык, так и для болгар, занимающихся русским языком (см., например, [2]). Специфика обучения неродному языку выявила необходимость в создании двуязычных справочников, нацеленных преимущественно на потребности носителя входного языка. Таков и представляемый здесь словарь С. Влахова. Информация в нем перегруппирована с учетом ориентации на нужды иноязычного носителя, т.е. болгар, изучающих русский язык (хотя, как мы убедимся далее, он может быть чрезвычайно полезен для всех, кто хотя бы в небольшой мере знаком с особенностями грамматической и словообразовательной системы болгарского языка).

В НРБР использована оригинальная форма структурирования словника и самой словарной страницы, учитывающая возможности носителей близкородственных языков: помимо основных заголовочных слов выделяются лексемы, не нуждающиеся в полноценных словарных статьях, т.е. формируется дополнительный словник. Однако, в отличие, например, от “Русско-болгарского словаря” А. Цоневой [3], где дополнительные списки слов вынесены в конец словаря и снабжены минимальной грамматической информацией, автором НРБР найдено удачное оформительское решение: дополнительные слова помещены под чертой на странице, соответствующей их алфавитному порядку. Это несомненно повышает эффективность представления материала, облегчает поиск необходимого слова. Более того, такая форма расположения словника не только обеспечивает наглядность, но и может послу-

жить интересным материалом для лингвистических наблюдений над теми группами и пластами лексики, которые имеют близкую форму и значение в сопоставляемых языках. Отметим также, что при словах “под чертой” представлена вся необходимая грамматическая информация, так что дополнительный словник не выглядит ущербным по отношению к основному.

Основная часть входного материала описана полными словарными статьями. Заголовочное слово содержит информацию о правописании, ударении, грамматической форме и стилистической принадлежности слова, а в некоторых случаях отмечены и фонетические особенности.

Выходная (болгарская) часть словаря имеет ряд особенностей, которые определяют несомненное своеобразие НРБР на фоне традиционной и новейшей двуязычной лексикографии.

Во-первых, ориентация словаря на носителя болгарского языка обусловила форму представления болгарской части словарной статьи. При переводном эквиваленте в большинстве случаев предлагается ряд слов, наиболее показательных для уточнения семантики и сочетаемости свойств данной лексемы, что способствует уяснению пользователем точного объема значения переводимого слова, например, **мокрый**. Мокър (дреха, ръце, коса; асфалт; сняг; от дъжд, от пот); **собачий**... Кучешки (опашка; *прен.* навик, живот; вара); кучи (лай); **соболезновать**... Съчувствам (на потърпевшия, на мъката му); споделям (скръбта ти); изказвам съболезнования.

Во-вторых, вся структура и содержание словаря подчинены важнейшей для автора – известному специалисту в области теории перевода (см. [4]) С. Влахова – цели: “последовательным сопоставлением и противопоставлением предотвратить интерференцию, т.е. смешение близких по форме и различных по содержанию русских и болгарских слов” (С. 2). Эта цель реализуется прежде всего в виде “запретительных” помет (отсылки к НЕ к омонимам, паронимам), благодаря чему читатель предостерегается от “ложных друзей переводчика” на первом же

этапе знакомства со словом входного языка. Напр., **клешня**... Щипка (на рак); НЕ за пране, *срв.* **прищепка; подправить.../подправлять...** Пооправя(м) (ръкопис); НЕ подправка(м); *срв.* **поддел(ыв)ать; увод...** 1. Отвеждане, откарване на добитък, на кораби); НЕ увод, *срв.* **введение.**

Удачно представлены в словаре русские лексические единицы в случаях несовпадения объемов значения с болгарскими соответствиями, например, *сливки* и *пенка* соответствуют в болгарском языке одному, большему по объему слову 'каймак', поэтому в НРБР в первом случае: 1. Каймак (от прясно мляко); течна сметана; *срв.* **пенка...**; во втором случае: 1. Каймак (на сварено мляко; *срв.* **сливки**). Словарь отражает и фоновые знания носителей русского языка, например, **черемуха...** 1. (бот.) Песъкия (хрост или дърво) 2. (прен.) (Цъфнала песъкия, като символ на) първа пролет; нежност, чистота, любов; *зацвела черемуха..., любовь без черемухи...* и др.

Как опытный переводчик и специалист по переводоведению, С. Влахов уделяет особое внимание и такой важной переводческой проблеме, как безэквивалентная лексика. Семантические объяснения русских реалий, приводимых в словаре, краткие, но достаточные для раскрытия их смысла, например, **дворник...** 1. "Дворник" (в Русия – портиер, който пази блока, почиства двора и улицата около блока); **винегрет...** "Винегрет", (вид) руска салата (с червено цвекло). При языковых "лакунах" предлагается емкая, лаконичная описательная информация, например, **погорелец...** (Човек) останал без подслон след пожар; **форточка...** (Вентилационно) прозорче (на голям прозорец); **простенок...** Междупрозоречна, междуотворна стена. Хочется подчеркнуть, что не только в случаях толкования безэквивалентной лексики, но и по отношению к словарю в целом автор демонстрирует умение выбора оптимального количества информации о входном слове. В словаре нет излишней семантизации, нет перегруженности дополнительной информацией, отсутствуют "балластные" примеры (о важности оптимального количества ин-

формации о входном слове в двуязычном словаре см. [5]). В рецензируемом словаре все сведения, представленные в выходной части, даны компактно, умело, четко выдерживается логика построения словарной статьи.

Значительное место в словаре уделяется фразеологии в самом широком смысле слова – начиная от сложных предлогов, составных терминов, устойчивых сравнений и т.п. вплоть до пословиц и поговорок.

Расположение фразеологических единиц в рамках словарной статьи различно. Фразеологизм может составить отдельное значение слова (обычно при глаголах с устойчивой сочетаемостью), а в случае если значимый компонент фразеологической единицы совпадает с заголовочным словом, фразеологизм дается в конце словарной статьи. Фразеологизм является отдельной единицей словника, если он не используется в речи вне данного сочетания (**сумня(ше)ся: ничтоже сумняшеся...**). Перевод фразеологических единиц автор старается осуществлять подбором эквивалентов из современной болгарской фразеологии, при необходимости используя аналоги, синонимические сочетания и проч. Например, **жилет...** ◇ **Плакать(ся) в жилетку (кому)** (*шег.*) хленча, оплаквам се (от съдбата); търся съчувствие; окаявам се (*пред н-го*); **мозг...** **Мозги набекрень у кого** (*прост., шег.*) хлопа (му) дъската, не (е) с всичкия си; **плавать...** ◇ **Мелко плавать** 1) не (го) бива, няма (го) никакъв; (*прост.*) не чини; не може да свърши нещо свястно; 2) дребна риба (за служебно положение).

В большинстве случаев автору удается соблюдать заявленный принцип подачи фразеологической единицы "в наиболее популярной форме" (С. 11). Тем не менее встречаются и неупотребительные единицы (при отсутствии употребительных), например при слове **лоск** приведен фразеологизм "в лоск напиться", в современном языке не используемый; в то же время наиболее распространенное выражение "напиться в стельку" в словаре отсутствует. Редко употребляется в современном языке и глагол **травенеть**. Понятно стремление автора восполнить "лакуну" в русском языке, не имеющем

соответствия употребительному болгарскому глаголу *тревясвам*, тем не менее это, как кажется, не может быть основанием выведения *травенеть* как заглавного слова. Возможно, следовало бы чаще использовать стилистические пометы, указывающие на неактивное употребление слова. Необходимость в дополнительных пометах, отражающих специфическую или несовременную сочетаемость, видится и в случаях типа *дать звонок* и *дать свет* (приводимым как сочетаемостные уточнения в словарной статье на глагол *дать*), которым предлагаются эквиваленты соответственно как “(по)звѣня, звѣнна (НЕ за телефон)” и “запаля лампите”. Если для первого сочетания был бы достаточен комментарий, например, “перед началом представления” или “в театре”, то во втором случае налицо семантическая неточность, так как в современном употреблении *свет дают* обычно после его временного отключения. В русском языке существует, впрочем, употребление, близкое к приведенному в словаре, но также не связанное однозначно с семантикой сочетания “запаля лампите”, ср., например, *дай свет* в знач. “посвети мне (фонариком)”, “подвинь лампу” и под.

В целом же следует отметить как несомненное достоинство словаря тот факт, что в словник введено большое количество разговорных и просторечных лексических единиц, которые звучат в речи наших современников и которые необходимо знать изучающему русский язык, например *читалка, чур, халтура, хана, шабашка* и др.

Важной составляющей НРБР являются три приложения. В первом из них представлены русские географические названия (около 2500) с болгарскими соответствиями. Из болгарских названий приведены некоторые из тех, которые ранее использовались в другой форме или имеют синонимические обозначения, например **Плев/ен**, -на, м., (*ист.*) **Плевн/а**, -ы, ж. Плевен; **Русе**, нескл., м., (*ист., тур.*); **Рушук**, -а. Русе (2); **Стара-Планина**, -ы, *също* **Балканские горы, Балканы**. Стара планина; **Пловдив**, -а. Пловдив (2; в *тур.* Филибе; первоначально Филипопол). Дефиниции содержат ин-

формацию, связанную с важными историческими событиями в этом географическом месте или с изменением географических названий в последние полтора десятка лет, например **Полтав/а**, -ы. Полтава (2.; место на *ист.* сражение, в което Петър 1 разгромява шведските войски); **Подгориц/а**, -ы. Подгорица (*гл. адм. ц.* на Черна гора; от 1952 до 1992 Титоград). В этой части словаря есть некоторые неточности, например, неправильное ударение в словах *Византия, Ростов-на-Дону, Элиста*; в двух вариантах на болгарском языке приводится *Лос Анжелис* (С. 882) и *Лос Анджелис* (С. 887); *Ленинград* – название нашего города в 1924–1991 гг., а не в 1924–1990 гг.

Несомненно полезными для болгарского пользователя являются приложения 2 и 3. В приложении 2 приводятся 103 личных имени, для мужских имен даны образующиеся от них отчества. Отмечены также полные формы для наиболее распространенных современных уменьшительных имен, а также для тех производных, которые нужны болгарскому пользователю словаря для чтения важнейших художественных текстов русской классической литературы (Ефросиния – Фрося, Прасковья – Параша). Приложение 3 содержит около 200 фамилий, часть из них даны с транскрипцией. В этом разделе отразилась точка зрения автора на необходимость написания -й, -я в окончаниях русских фамилий с суффиксами -ск-, -цк при передаче этих фамилий по-болгарски, например *Висоцкий, Маяковский, Вербицкая, Павловская*.

Словарь под авторством известного специалиста в области лексикографии и перевода С. Влахова – оригинальное, чрезвычайно полезное для широкого круга славистов издание. Автором и оформителями словаря использован ряд интересных содержательных и технических приемов представления двуязычных соответствий и отсылок. Значительный вклад в создание НРБР внесен его редактором, специалистом-лексикографом А. Липовской.

Выход данного словаря – одно из значимых достижений двуязычной лексикографии последних лет. Его появление

предлагает возможное решение вопроса о том, “должны ли чем-либо принципиальным различаться двуязычные словари, служащие для перевода слов генетически и типологически далеких языков, с одной стороны, и словари, которые служат для перевода слов генетически родственных и типологически близких языков, с другой стороны” [6. С. 149–150]. НРБР содержит широкий охват всех слов лексики русского языка, предлагает надежные болгарские переводы, демонстрирует высокий уровень теоретического и практического мастерства автора-составителя и его редакционной и издательской группы.

© 2008 г. *Е.Ю. Иванова, З.К. Шанова*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Влахов С.* Малък руско-български речник. София, 1970; *Влахов С., Андрейчина К., Димитрова С., Запрянова К.* Руско-български фразеологичен речник. София, 1980; *Влахов С.* Тематичен руско-български речник на фразеологизмите. В. Търново, 1994; *Влахов С.* Съпоставителен речник на пословици – български, руски, английски, френски, немски (и латински). София, 1998.
2. *Чукалов С.* Русско-болгарский словарь. Изд. 5-е. М., 1975.
3. *Цонева А.* Русско-болгарский словарь. Второ преработено издание. Варна, 2001.
4. *Влахов С., Флорин С.* Непреводимо-то в превода // Изкуството на превода. София, 1969; *Влахов С., Флорин С.* Непреводимое в переводе. М., 1980 (2-е изд. – 1986).
5. *Берков В.П.* Двуязычная лексикография. СПб., 1996.
6. *Крысин Л.П.* Типы лексикографической информации в русской части “Большого русско-украинского словаря” // Русский язык сегодня. М., 2004. Вып. 3.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “БУДАПЕШТ 1956, ДО И ПОСЛЕ. ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ ПЕРВОГО КРИЗИСА КОММУНИЗМА”

В 2006 г. отмечалось пятидесятилетие венгерских событий, сыгравших важную роль в дальнейшем развитии истории XX в. Конференция “Будапешт 1956, до и после. История и память первого кризиса коммунизма”, прошедшая 28–29 сентября 2006 г. в Смольном институте свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, стала одним из самых заметных событий в российской научной жизни, посвященных этой дате. Конференция была организована Смольным институтом и Генеральным консульством Республики Венгрия в Санкт-Петербурге при поддержке фонда им. Э. Гагарина и Венгерского культурного центра при Венгерском посольстве в Москве.

В конференции приняли участие 20 докладчиков – ученых, правозащитников, свидетелей и участников событий 1956 г. из России, Венгрии, Чехии, Канады, Ирландии, Грузии и Польши. Доклады были распределены по блокам с тем, чтобы рассмотреть последовательно следующие вопросы: роль “будапештской осени” 1956 г. в истории второй половины XX в., интерпретацию и историографию событий, предпосылки и непосредственно события осени 1956 г. в Венгрии, последствия первого системного кризиса коммунистического режима в Восточной Европе и, наконец, значение исторической памяти о венгерском восстании в наше время. Цели и задачи конференции

были обозначены в ходе первого заседания конференции чрезвычайным и полномочным послом Республики Венгрия в России А. Секеем и деканом Смольного института Н. Копосовым. Посол подчеркнул в своем приветствии значение венгерской революции для истории и необходимость помнить об ошибках, чтобы избежать их повторений.

В своем выступлении *Н. Копосов* отметил, что, несмотря на прошедшие полвека, историческая память в отношении советского прошлого, и, в том числе венгерской революции 1956 г., продолжает оставаться актуальной для исследования, и не только в странах бывшего социалистического блока, так как в современном российском самосознании, к сожалению, можно проследить тенденцию к определенной “исторической амнезии”, что негативно влияет на отношения со странами Центральной и Восточной Европы. В данной связи, именно интеллектуалы, и, прежде всего, российские интеллектуалы, должны взять на себя инициативу переосмысления прошлого, с целью преодоления этой “невьясненности”, которая блокирует понимание и объективную оценку современности. *Н. Копосов* подчеркнул, что в рамках своей академической и образовательной деятельности Смольный институт всегда уделял особое внимание значению исторической памяти в современном обществе, необходимости переосмысления советского прошлого. В свя-

зи с этим в планах Смольного института проведение еще двух конференций, посвященных годовщинам Октябрьской революции 1917 г. и Пражской весне 1968 г.

Конференция “Будапешт 1956, до и после...” открылась докладами очевидцев и непосредственных участников событий осени 1956 г. С венгерской стороны выступил социолог и эссеист, членкорр. Венгерской академии наук, один из основателей института изучения истории революции 1956 г. П. Кенде, который работал журналистом во время будапештского восстания и затем был вынужден эмигрировать во Францию. А с российской стороны выступил известный правозащитник, директор неправительственной организации “Гражданский контроль” Б. Пустынцев, который, будучи студентом Ленинградского государственного университета, участвовал в акциях протеста против ввода советских войск, за что был арестован, и провел несколько лет в лагерях.

П. Кенде в своем докладе говорил о значении венгерской революции. По его мнению, именно эти события, а не берлинское восстание рабочих 1953 г. и не беспорядки в Познани в июне 1956 г., не только положили начало “кризису советской системы”, но и на последующие 30 лет предопределили логику развития стран Восточной Европы. Венгерские события позволили всему миру осознать, что “советский режим не несокрушимая конструкция”, однако к такому же выводу пришли и в Москве и, по мнению Кенде, именно поэтому Советский Союз просуществовал еще тридцать с лишним лет, которые докладчик назвал “историей мер по предупреждению и предотвращению смертельной опасности”, сигнал о которой как раз и поступил осенью 1956 г. Этой логике подчинялась не только политика самого СССР, но и линия Яноша Кадара – он готов был идти на компромиссы в отношениях, в частности, с интеллигенцией – “только бы не повторился 1956 г.”. Венгерские события обозначили границы терпимости советского руководства. Робким мерам по смягчению контроля над странами советского блока был положен конец, когда была поставлена под угрозу монополия комму-

нистов на власть. По мнению Кенде, если бы Хрущев более последовательно пошел по реформаторскому пути тогда, в 1956 г., то Советский Союз бы только выиграл от этого в политическом и экономическом плане и “вступил в соревнование великих держав более жизнеспособным участником”, чему подтверждением является современный Китай. Идеологическая же косность и невозможность первого постсталинского поколения руководителей порвать с “политической и экономической моделью своего предшественника” стали в конечном итоге причиной краха СССР.

Б. Пустынцев как очевидец событий 1956 г. рассказал, что знали и что думали люди в Советском Союзе о событиях, происходивших в Венгрии, насколько верили они официальной советской пропаганде. Он проанализировал значение “будапештской осени” и “пражской весны” для перспектив развития СССР и стран советского блока. По его мнению, оба эти события “положили начало и стали символом противостояния советскому тоталитаризму”. Он говорил и об избирательности памяти, и о тенденции замалчивать исторические факты в наше время или преобразовывать их в соответствии с требованиями текущей политики. Б. Пустынцев подчеркнул значение речи Б. Ельцина в 1992 г. во время визита в Венгрию, в которой тот заверил венгров, что “никаких откатов назад, никакого отступления от стратегического курса реформ в России допущено не будет”. Эта речь, так и не ставшая известной широкой общественности, по мнению Пустынцева, могла бы примирить нас со странами Восточной Европы, так как в ней звучали слова “суд совести”, “покаяние”, “прощение”, однако подлинного покаяния не произошло, речь была забыта, а курс России изменился.

Доклад *Я. Райнера* (директор Института истории революции 1956 г., Будапешт) “1956 год: середина XX века с точки зрения начала нового века” поставил вопрос об историческом значении венгерской революции с позиций сегодняшнего дня. Райнер считает, что эта революция значима, прежде всего, в контексте социалистического эксперимента,

как одного из главных феноменов XX в. При том, что собственный “проект” венгерской революции, ее программа в настоящее время не имеют исторической актуальности, поскольку тоталитаризм дискредитировал социалистическую идею, это событие сохраняет свое значение как знак морального сопротивления насилию.

В. Серeda (Институт славяноведения РАН) выступил с докладом “Советский Союз и венгерский кризис 1956 г.”. Основываясь на ставших доступными в последние годы архивных документах, он подробно в своем выступлении проанализировал ход принятия решений по Венгрии в Кремле, рассматриваемые сценарии и результат – конечный выбор в пользу силовых действий. По мнению Середы, “будапештская осень” стала подтверждением “прочности установленной после Второй мировой войны ... биполярной системы международных отношений”. Он также подчеркнул, что именно попытки реформирования “сталинской в основе своей системы реального социализма” поставили под угрозу ее существование в 1956 г., и это стало уроком для советского руководства в дальнейшем.

В докладе *М. Барат* (Государственный архив службы безопасности Венгерской Республики) “Венгеро-советские отношения с XX съезда КПСС до октября 1956 г.” рассматривались механизмы осуществления советской политики в Венгрии, были показаны роль советского посольства и донесений посла в Будапеште Ю.В. Андропова, раскрыты обстоятельства смещения М. Ракоши в июле 1956 г. при участии А.И. Микояна. Пока в Будапеште 23 октября не прозвучали выстрелы, в центре внимания Москвы оставалась Польша, где обстановка считалась более напряженной, и в результате “то, чего удалось обойти в Польше, случилось в Венгрии”.

А. Блохина (Нижегородский государственный университет) посвятила свое выступление “Политические процессы в Венгрии в период конца 40-х – начала 50-х гг. XX века” еще одному важному звену в цепи венгерских событий. Судебные процессы (по делу Л. Райка и др.), как и зачистки в партийных, академиче-

ских, интеллектуальных кругах, прежде всего, были направлены на уничтожение любой возможной политической оппозиции. Массовые репрессии, однако, не предотвратили восстание осени 1956 г., а наоборот, способствовали радикализации оппозиции.

После революции 1956 г. общины венгерских эмигрантов в разных странах пополнились новыми беженцами. Профессор *И. Рев* (директор архива Института “Открытое общество”) посвятил свое выступление предыстории проекта интервьюирования венгерских беженцев – проекта, направленного на изучение “тоталитарной системы в процессе разрушения”. Созданное еще во время Второй мировой войны в США Управление стратегических служб (УСС) занималось сбором и анализом разведывательной информации, и уже тогда там работали не только американские ученые, но и специалисты, бежавшие из гитлеровской Германии и Австрии, многие из них до этого работали во Франкфуртском институте социальных исследований. УСС через опросы беженцев из стран советской сферы влияния занималось исследованием изменений, происходивших в Германии, странах Центрально-Восточной Европы, в СССР, изучением общественного мнения и влияния пропаганды, в том числе последствий советской психологической работы. Интервьюирование не ограничивалось целью получения конкретных сведений, сверхзадачей проекта было “обнаружение и понимание воздействия коммунистической системы путем исследования общества”. Проведенные в то время интервью – неистощимый и до сих пор не в полной мере востребованный источник социальной истории Восточной Европы.

М. Берены (университет Торонто) продолжила тему докладом о венгерских беженцах, обосновавшихся в Канаде, и создании ими устного исторического архива, содержащего ценные свидетельства. *М. Конечек* (Институт современной истории ЧАИ) выступил с докладом, посвященным марксистскому ревизионизму в восточной части Центральной Европы после 1956 г. и влиянию на него венгерских событий.

В блоке “Влияние первого кризиса коммунизма” С. Ауэр (Дублинский университетский колледж) и А. Магун (Смольный институт свободных искусств и наук) с разных сторон анализировали работы Ханны Арендт, посвященные венгерским событиям 1956 г. и революциям в Центральной и Восточной Европе в конце 1980-х годов. Х. Арендт, как напомнил Ауэр, указывала на противоречия между созидательным и насильственным аспектами революции. Арендт преувеличивала ненасильственный характер венгерской революции, однако защита ею этого тезиса оказала большое влияние на восточноевропейских интеллектуалов и это повлияло на революцию 1989 г.

Магун в своем выступлении “Ханна Арендт и парадокс Советов: 1956–1989 гг.” сконцентрировал внимание конкретно на эволюции ее отношения к феномену Советов и влиянию венгерских событий 1956 г. на ее позицию. Он отметил тот факт, что Арендт, хоть и приветствовала Советы в 1956 г., однако в отличие от западных левых делала акцент не на реальном самоуправлении рабочих, а на спонтанности и способности к политическому действию. Был затронут также вопрос о влиянии философии Арендт на оппозиционные движения в Восточной Европе уже в конце 1980-х годов. Магун доказывал, что именно под влиянием ее теорий, распространенных в среде восточноевропейских интеллектуалов, эти революции не стали делать упор на создании советов, а “пошли по пути реставрации либерально-политических институтов и капиталистической экономики”. Отдельное внимание в своем выступлении докладчик уделил процессам в СССР в конце 1989 г., а именно созданию институтов близких по многим параметрам учредительной власти, “законсервированной в период с 1920-х по 1980-е годы”. Советы народных депутатов явились истинно учредительными и помогли произвести быструю политическую мобилизацию в стране, т. е. “сработали как вирус революции”. Они просуществовали в таком виде до октября 1993 г. и только вследствие известных событий были упразднены окончательно, после чего за основу была взята модель либерально-демократического парламентаризма.

Т. Гланц (Чешский культурный центр, Москва) говорил о влиянии венгерского кризиса на Чехословакию, осмыслении венгерского опыта чехословацкой интеллигенцией. Были представлены также доклады “Венгерская и польская революции в польской прессе пятидесятых годов” Д. Рафальской-Куш (Варшавский Университет) и “1956 г.: начало десталинизации в Венгрии и Грузии” М. Кочорадзе (Университет им Ильи Чавчавадзе, Тбилиси).

Венгерские события нашли бурный отклик не только в Чехословакии, Грузии, Прибалтийских республиках, и А. Стыкалин (Институт славяноведения РАН) в своем выступлении «События “будапештской осени”: реакция советского общества» представил вниманию участников конференции еще один важный аспект темы. XX съезд породил у многих надежды на смягчение режима, в то время как советская политика в Венгрии, напротив, говорила о живучести сталинского наследия. Проанализировав архивные документы, Стыкалин представил в своем докладе широкую палитру общественного мнения и в том числе критический отклик, который вызвало подавление венгерской революции 1956 г. в кругу интеллектуалов, приведя в пример, среди прочих, всемирно известного физика, будущего лауреата Нобелевской премии академика Л.Д. Ландау и профессора Московского университета, одного из признанных специалистов по истории России XIX в С.С. Дмитриева.

В заключительном выступлении Д. Хапаева (Смольный институт свободных искусств и наук) говорила о значении истории и памяти в современном обществе, в том числе истории и памяти о событиях осени 1956 г. В своем докладе “История без памяти: Российское готическое общество” она проводила мысль о том, что и современная политическая элита, и современное общество России не могут снять с себя ответственность за прошлое. В отличие от ряда европейских стран (в том числе стран ЦВЕ), где “проработка прошлого прошла разные этапы и потребовала длительного общественного внимания”, в России же “не возникло интеллектуальной или политической

силы, способной противостоять исторической амнезии". В результате в современной России возникает реальная опасность появления так называемого "готического общества", некоторые характеристики которого уже присущи нашей действительности: инкорпорация языка "зоны", конвергенция мафии и государственных структур, "испарение по-

литики как публичного пространства и подмена ее личными отношениями".

Целиком все доклады конференции будут опубликованы на русском языке в специальном выпуске научного журнала "Коллегиум", издаваемом Смольным институтом свободных искусств и наук.

© 2008 г. *Е.А. Фофанова*

Славяноведение, № 1

КОНФЕРЕНЦИЯ "СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ЦЕРКОВЬ, КАПИТАЛ: МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЕЙ И АВТОРИТАРИЗМОМ" В ПОЗНАНЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

26–27 мая 2006 г. в Институте политических наук университета им. Адама Мицкевича в Познани состоялась международная конференция "Средства массовой информации, церковь, капитал: между демократией и авторитаризмом". Она является продолжением традиции, возродившейся в 2004 г. в Познаньском университете: на научную встречу были приглашены ведущие полонисты и слависты стран Центральной и Восточной Европы, в том числе, впервые после длительного перерыва, и российские ученые.

Конференцию открыл своим докладом ее организатор профессор *Р. Парадовский*, который отметил необходимость тщательного изучения проблемы соотношения светского и религиозного в современной культуре. Особо подчеркивалась современная тенденция представлять демократические ценности производными от ценностей религиозных. Докладчик, демонстрируя высокий уровень научного дискурса, показал, что при этом неизбежно выделяются ценности лишь одной – "истинной" – религии, в то время как другие считаются "неполноценными". Соответственно ценности гражданского общества в чем-то деформируются.

В отличавшемся столь же высоким научным уровнем докладе его оппонента *С. Ставинского* из Христианского университета Стефана Вышиньского доказывалось, что католическая церковь была и остается защитником демократии, а

не угрозой ей. Подчеркивалась открытость церкви современным проблемам, ее стремление сдерживать экспансию массовой культуры, готовность к диалогу со всеми политическими силами.

Разные стороны нового типа отношения общества и церкви в Польше обсуждали *А. Моджеевский* (Гданьский ун-т) в докладе "Католический костел о глобальных цивилизационных вызовах"; *Ш. Оссовский* (Познаньский ун-т) в докладе "Иоанн Павел II и демократия"; *Е. Жабкович* в докладе "Миссия или стратегия? Опус Деи в зеркале СМИ". В них подчеркивалось, что католическая церковь в Польше, равно как и ведущие религиозные объединения в других странах Европы, стремится укрепить свои позиции в секуляризирующемся обществе, и соответствующие процессы своеобразной "контрреформации" (если под таковой считать попытки взять под контроль различные сферы общественной жизни) имеют важное культурное измерение.

А. Солодуха (фонд Карнеги, Москва) охарактеризовала роль Русской православной церкви в постсоветский период, отметив, что социальные ее программы – новое слово в православии в целом – скорее декларируются, чем реализуются. В то же время недостаточно использован потенциал РПЦ как значимого элемента структуры гражданского общества в современной России.

А. Сепковский (Лодзинский ун-т) описал некоторые функции “светской религии”, наличествующей в странах Центральной Европы и утверждающей санкцию свыше ценностей демократии и прав человека. Он отметил, что такая религия не отменяет, а скорее дополняет традиционную. Она во многом строится по образцам “гражданской” религии в США, которая утверждает идею богоизбранности американского народа как “нации под Богом”.

В остро полемическом докладе Г. Якубовской (Варшава) была выражена точка зрения, в соответствии с которой католическая церковь в Польше берет на себя осуществление функций, присущих другим социальным институтам. Это сдерживает развитие гражданского общества в стране.

Своеобразным завершением дискуссии по данному кругу проблем явился доклад Я. Собчака (Познаньский ун-т), в котором подчеркивалось, что культурная и социальная активность церкви должна соотноситься с принципом свободы совести, в том числе и с его выражением в ключевых документах Европейского союза. Претензии на любого рода исключительность (например, в виде полного отождествления понятий “поляк” и “католик”) в этом ракурсе вряд ли правомерны.

Второй круг проблем, обсуждавшихся на конференции – роль СМИ в трансформационных процессах в странах региона. В целом СМИ, в первую очередь печатные, интенсифицировали переход от авторитаризма к демократии. Более того, в рамках формирующегося здесь информационного общества они выступали активными политическими субъектами во всех странах Центральной и в меньшей мере Восточной Европы.

Это подчеркивалось в выступлениях А. Жабкович (ПАН), отмечавшей, что без демократической прессы построение гражданского общества принципиально невозможно; при этом данная пресса должна быть свободна и от власти капитала, что особенно справедливо по отношению к становящимся демократиям.

М. Торчиньская-Ярецкая (Варшава), характеризуя “четвертую власть” в переломную эпоху, отметила ее социально конструктивную функцию при условии вовлеченности в решение конкретных

проблем общественного развития – без обращения к “идеальным” и извне задаваемым образцам такого решения.

В докладе Э.Г. Лаврик (ИСЛ РАН, Москва) и И.Е. Задорожнюка (Современная гуманитарная академия, Москва) отмечалась большая роль СМИ в политическом восхождении президента ЧССР, ЧСФР, а затем ЧР В. Гавела, Особо выделялась остро критическая роль печати в промежуточные периоды между его президентствами, а также после ухода В. Гавела с политической сцены.

А. Григорьев (Киевский ун-т им. Т.Г. Шевченко) выявил роль СМИ в освещении языковой проблемы на Украине, подчеркнув, что русскоязычные издания не уступают своих позиций даже под серьезным политическим давлением. К. Каминьская (Гданьский ун-т) охарактеризовала роль СМИ в трансформационных преобразованиях в Эстонии.

Многостороннему анализу подверглась роль капитала в современной жизни стран региона. Естественно, что чрезмерные упования на действие всеразрешающих рыночных механизмов прошли здесь достаточно быстро. Как показано в ряде докладов, сложность ситуации заключается в том, что гражданское общество и рынок связаны куда более сложной системой, чем это прокламировалось идеологами начального периода преобразований. Э. Поляк (Гданьский ун-т) подчеркнула при этом, что капитал в принципе наднационален, и сначала ориентирован на извлечение прибыли, а уж затем на установление демократических порядков. По утверждению К. Левичкой (Познаньский ун-т) забвение этого положения и “супермаркетизация” могут привести к появлению “эгорыночного поколения”, мало заботящегося об укоренении демократических традиций.

Конференция в целом была ориентирована на комплексное изучение трансформационных процессов в Центральной Европе и наметила линию на изучение глубинных взаимосвязей между экономическими, политическими и культурно-религиозными факторами в странах центрально-европейского и восточно-европейского регионов.

ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ИСТОРИКОВ И АРХИВИСТОВ РФ И ЧР

Очередное – пражское – заседание чешско-российской Комиссии историков и архивистов состоялось в соответствии с Протоколом, подписанным в ходе предшествующего, московского, ее заседания 11–12 ноября 2004 г. Сформировавшийся два года назад состав руководства Комиссии остался неизменным: председатели – с российской стороны – акад. РАН Г.Н. Севостьянов (ИВИ РАН), с чешской стороны – д-р Я. Немечек (Исторический институт АН ЧР), ученые секретари – соответственно д-р ист. наук Н.В. Коровицына (ИСл РАН) и д-р Э. Ворачек (Исторический институт АН ЧР). Состав российской делегации включал 10 человек: Г.Н. Севостьянов, Н.В. Коровицына; чл.-корр. РАН, проф., В.П. Козлов (директор Федеральной архивной службы России), Т.Ф. Павлова (зам. директора Федеральной архивной службы России) – член Комиссии, К.М. Андерсон (директор РГАСПИ); Н.М. Барина (зам. директора Историко-документального департамента МИД РФ); В.В. Марьина (ИСл РАН) – член Комиссии, Г.П. Мельников (ИСл РАН) – член Комиссии, А.В. Деньщикова (ИСл РАН), З.С. Ненашева (каф. южных и западных славян Исторического факультета МГУ) – член Комиссии. С чешской стороны в программе заседания участвовали научные сотрудники Исторического института АН ЧР, Института современной истории АН ЧР, других академических институтов, Карлова Университета, Национальной библиотеки и Архивного Управления (директор – В. Бабичка), Архива АН ЧР, специалисты из городов Опава и Брно.

В первый день встречи – 28 ноября 2006 г. – в Историческом институте АН ЧР состоялась конференция “Новые документы по истории чешско-российских (советских) отношений”.

Перед ее началом прозвучали приветствия, с которыми обратились: чрезвычайный и полномочный посол РФ в ЧР

А.Л. Федотов, заместитель министра иностранных дел ЧР *Я. Башта*, директор Исторического института АН ЧР *С. Ракова*, *Г.Н. Севостьянов* и *Я. Немечек*. В выступлениях чешских коллег было отмечено, что это первое заседание такого рода с большим и очень представительным участием российской стороны после 1989 г.

За заслуги перед чешской исторической наукой вице-президент АН ЧР по общественным наукам *Я. Панек* вручил медаль Франтишека Палацкого *В.В. Марьиной*.

Открыли конференцию ведущие российские архивисты. С докладом “Итоги и перспективы подготовки в России документальных публикаций (1991–2009 гг.)” выступил *В.П. Козлов*, всесторонне осветив тему публикации документов Росархивом, в том числе план публикаций 2006–2009 гг. Его выступление дополнила и *Т.Ф. Павлова* докладом “О рассекречивании документов российских архивов (1991–2006 гг.)”. Процесс этот имеет масштабный характер: за рассматриваемый период более 10 млн архивных дел представлены в распоряжение исследователей. *Н.М. Барина* в докладе “О публикаторской деятельности МИД РФ” сообщила о сериях текущих внешнеполитических документов, документальных сборниках, подготовленных совместно с зарубежными партнерами (вышло в свет более 40 изданий), тематических сборниках. История отношений РФ и ЧР занимает большое место в этих публикациях. В историко-документальной деятельности особенно отчетливо проявляется сотрудничество МИД РФ, Отделения историко-филологических наук РАН и Федеральной архивной службы. Директор РГАСПИ – одного из крупнейших российских архивов – *К.М. Андерсон* в докладе “Российско-чешские отношения в архивных документах” отдельно остановился на материалах Коминтерна, храня-

щихся в этом архиве, в состав которых входят документы КПЧ и документы по чешской истории.

Вслед за тем выступили чешские специалисты. *И. Штовичек* (Институт Масарика – Архив АН ЧР) сделал доклад “Россия и советика в архивных фондах Э. Бенеша и его сотрудников”, *М. Борах* (Силезский областной музей, Опава) – “Проблемы изучения архивных источников о репрессиях чехословацких граждан в СССР в 1918–1956 гг.” Фонды Бенеша, а также Масарика, Рипки, Смутного и Таборского чрезвычайно важны для изучения чехословацкой истории 1918–1948 гг., а также чехословацко-советских отношений. Тема репрессий долгое время принадлежала к “белым пятнам” в истории отношений наших двух стран. Получивший финансовую поддержку исследовательский проект Силезского музея совместно с Институтом современной истории АН ЧР ориентирован на изучение эмиграции из чешских земель в Советский Союз в 40–50-е годы XX в. Предварительные результаты предпринятого исследования свидетельствуют, что первоначальные представления публицистов о количестве жертв этих репрессий явно преувеличены.

Вторая часть конференции была посвящена презентации научных проектов чешских ученых. *Э. Ворачек* рассказал о работе над изданием документов по теме “КПЧ и Коминтерн. 1929–1943 гг.”. В рамках работы над проектом осуществляется публикация документов преимущественно Российского государственного архива социально-политической истории. Проект *Й. Вондровой* (Институт современной истории АН ЧР) относится к изданию неизвестных документов Российского государственного архива новейшей истории, касающихся Пражской весны 1968 г., раскрывающих роль внешнего фактора через документы ЦК КПСС (его Политбюро и международного отдела ЦК) и фактора внутреннего – КПЧ и гражданского общества в этих событиях. Состоялась дискуссия, в которой приняли участие чешские и российские историки и архивисты. Большой интерес привлекла тема репрессий, поднятая *М. Бораком*.

Во второй день конференции, 29 декабря, состоялось заседание двусторонней Комиссии в помещении Национальной библиотеки. Открыл собрание *Я. Немечек*, выступил академик РАН *Г.Н. Севостьянов*, подчеркнувший необходимость публикации документов по истории российско-чешских отношений, выборе направлений исследований, развитию контактов историков двух стран, объединении их усилий в изучении связей России и Чехии в XIX–XX вв. и истории России, ее образа по материалам чешских архивов, публикации оригинальных документов по истории чехословацко-советских отношений 1934–1948 гг. Он проанализировал перспективы этой деятельности и роль Комиссии историков и архивистов РФ и ЧР, акцентировал значение встреч специалистов с обеих сторон, обсуждения дискуссионных вопросов, отметил необходимость взаимного информирования в научной периодике о вышедших работах, а также обмена литературой. В ответ *Я. Немечек* также указал на необходимость публикаторской деятельности, которая находится в центре внимания Исторического института АН ЧР. Он предложил издать материалы обоих заседаний двусторонних Комиссий – московского 2004 г. и пражского 2006 г. – и внес предложение о проведении конференции по истории Пражской весны 1968 г. в рамках заседания Комиссии в Москве в 2008 г. Это предложение поддержал член Комиссии с чешской стороны *М. Рейман* (Факультет социальных наук Карлова Университета), предложив издать сборник документов по той же теме. Он поставил вопрос об изучении событий 1968 г. российскими историками – “специалистами вне политологии”.

Важную тему в ходе заседания Комиссии поднял *В.П. Козлов*. Он подчеркнул необходимость более четко определить сферы ответственности ее деятельности, что продвинет решение многих вопросов содержательного плана, включая доступ к документам, финансирование и организацию заседаний. *В.П. Козлов* предложил скоординировать обсуждение проблемы 1968 г. с австрийскими исследователями, подготовить сборник документов, две архивные выставки, посвятить тематиче-

ский выпуск журнала “Отечественные архивы” проблеме отношений России и Чехии, ее отражению в чешских и российских архивах. В дискуссии приняли участие Н.М. Баринова, З.С. Ненашева, Н.В. Коровицына, Э. Ворачек.

Во второй половине дня в рамках заседания двусторонней Комиссии историков и архивистов РФ и ЧР прошла презентация международного журнала по социальным и гуманитарным наукам “Восточноевропейские исследования”. Организаторы – Институт современной истории АН ЧР и Славянская библиотека при Национальной библиотеке ЧР. Новые выпуски журнала представила его главный редактор *Н.В. Коровицына*, наметившая перспективные направления организационной и издательской деятельности журнала. Спустя год после появления первых выпусков журнала расширился состав международной редколлегии. Об участии Института современной истории АН ЧР в подготовке очередных выпусков рассказал его директор *О. Тума*, член редколлегии журнала. Создание журнала как одного из направлений работы двусторонней Комиссии, одобренных ею и включенных в заключительный Протокол, поддержали Г.Н. Севостьянов и Э. Ворачек.

30 ноября в рамках заседания Комиссии прошел “круглый стол” на тему: “Культурные, научные и общественные связи Чехии и России во второй половине XIX – начале XX веков”. Прозвучал привлекший наибольшее внимание обеих сторон доклад *В. Доубека* (Институт Масарика – Архив АН ЧР) “Издание документов Раевского”. Речь идет о публикации переписки М.Ф. Раевского с чешскими общественными и политическими деятелями XIX в., ориентированными на связи с Россией, эмиграцией на восток в период до Первой мировой войны. В докладе подробно представлен обзор чешской и зарубежной литературы по вопросам переселения чехов в Россию в рассматриваемый период как введение к масштабному проекту, посвященному этой теме. *Р. Влчек* (Исторический институт АН ЧР – брненский филиал) выступил с докладом “Ярослав Бидло – к формированию чешского историографи-

ческого дискурса о России”. Речь идет о периоде, когда в Чехии стал отчетливо проявляться интерес к чешско-российским научным связям, основанный на реалистическом отношении к российской действительности, что отчетливо проявилось в творчестве Т.Г. Масарика, Я. Голла, его ученика Я. Бидло (1868–1937). Бидло явился первым чешским историком, систематически исследовавшим состояние российской исторической науки и отражавшим результаты своего труда на страницах чешского исторического журнала, в ряде монографий, акцентируя необходимость объективного познания прошлого и настоящего России. С докладом “П.Н. Милюков и межвоенная Чехословакия” выступила *Л. Гарбулева* (Прешовский Университет, Словакия). Предмет ее изучения – отношения русского историка и политика П. Милюкова к возникновению Чехословацкой республики как самостоятельного государства чехов и словаков в 1918 г., его контакты с Масариком, результаты посещений ЧСР в межвоенный период, участие в эмигрантском движении, статьи в чешской периодике, концепция евразийства.

О русской теме в творчестве чешского художника А. Мухи рассказал *Г.П. Мельников*, иллюстрируя выступление изобразительным рядом, тему “Русская православная церковь в Праге в контексте чешско-российских отношений. 1868–1917” подняла *З.С. Ненашева*, раскрыв историю возникновения и два периода деятельности храма св. Николая на основе архивных источников. Описала восприятие Праги в 1920-е годы русскими эмигрантами и советскими гражданами, посещавшими ее, *А.В. Деньщикова*, обильно цитируя деятелей русской культуры, восхищавшихся красотой чешской столицы и дружелюбием ее жителей.

Результатами исследования связей русских и чешских писателей на рубеже XIX и XX вв. поделился *О. Рихтерек* – преподаватель из г. Градец Кралове. Он проанализировал личные контакты писателей, попытался создать обобщенное представление о данной проблематике через характер переводной литературы и динамику чешско-российского и российско-чешского общественно-культурного

восприятия. *Й. Вацек* (Национальная библиотека ЧР) выступил с докладом “Чешские врачи в России и чешско-российские связи в области медицины”, также применительно к ситуации рубежа столетий, с 60–70-х годов XIX в. Приток тогда чешской интеллигенции, особенно научной, в Россию был вызван ростом ее интереса к нашей стране, усилением духа славянской взаимности, высоким, общепризнанным уровнем развития русской медицины. Доклад *М. Кучеры* (Исторический институт АН ЧР) “Русский и советский авангард в Чехии. 1900–1945” был особенно эмоционально насыщенным. На многих примерах раскрыто влияние русской культурной традиции и ее ценностей в чешской и словацкой среде.

В последний, четвертый день заседания Комиссии в здании Президиума АН ЧР состоялась пресс-конференция. В ней участвовали: Я. Немечек, Г.Н. Севостьянов, В.П. Козлов, Т.Ф. Павлова, Н.М. Барина, Г.П. Мельников, Н.В. Коровицына. Председательствовал Э. Ворачек. Открыл пресс-конференцию Я. Немечек. С докладом об итогах трех дней работы двусторонней Комиссии выступил *Г.Н. Севостьянов*. Он говорил о взаимообогащении культур наших народов в прошедшие два столетия, свидетельства которого хранятся в архивах РФ и ЧР. В ходе проведенной конференции выяснялись реальные возможности публикации архивных материалов, что отвечало интересам специалистов и общественности. Обсуждены 10 докладов по вопросам отношений двух стран, ученые поделились последними результатами изучения событий современной истории. Дискуссия еще раз подтвердила важность комплексного подхода к изучаемым процессам и явлениям. Определены задачи Комиссии на ближайшие два года, подписан Протокол пражского заседания. Согласно ему, материалы конференций 2004 и 2006 гг. будут опубликованы. Одобрен проект “Коминтерн и КПЧ 1929–1943 гг.” (издание документов в трех томах). Большое внимание уделено изучению событий 1968 г., поскольку 2008 год, когда планируется следующая встреча, – юбилейный: решено провести конференцию в Москве по этой пробле-

матике в рамках следующего заседания Комиссии (“Прага – Москва 1968 г.”), выставку архивных материалов, опубликовать сборник документов, серию статей в научных журналах, тематическую рубрику журнала “Отечественные архивы” и др. Решено улучшить взаимный обмен информацией и литературой. В будущем предполагается продолжить изучение отношений России и Чехии в XIX и XX вв. как ключевого направления деятельности Комиссии. В течение трехдневной встречи проведена большая работа, что стало возможным благодаря высокому уровню ее организации чешскими коллегами.

Г.П. Мельников осветил результаты работы “круглого стола”. Он подчеркнул, что в представленных докладах видна тенденция к всестороннему охвату научных, культурных связей, отказ от мифов и попытка деполитизации исторических процессов. “Круглый стол” подошел к решению проблемы имагологии – изучению образа, представления одних наций в отражении других. В создании и распространении таких образов большая роль принадлежит историкам.

В.П. Козлов также отметил высокий уровень организации встречи. Заседания проходили в интенсивном режиме, запланировано шесть основных направлений совместной деятельности на следующие два года. Очень важное условие их реализации, восстановления через два десятилетия связей историков и архивистов России и Чехии – поддержка Президиумом РАН этого процесса.

Прозвучали вопросы со стороны СМИ – чешского радио, телевидения, газет, касавшиеся преимущественно деятельности российских архивов. Отвечая на них, директор Росархива, в частности, подчеркнул важность анализа не только политики руководства страны, но и далеко неоднозначной реакции на происшедшее со стороны советского общества. Такие документы надо также включать в научный оборот.

К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЛИПАТОВА

6 июня 2007 г. исполнилось 70 лет Александру Владимировичу Липатову, ведущему научному сотруднику Института, доктору филологических наук, одному из крупнейших российских полонистов.

Александр Владимирович работает в Институте, куда он был принят после окончания Варшавского университета и аспирантуры МГУ, более 40 лет. В 1966 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную романам И. Красицкого, в 1990 г. – докторскую по теме “Формирование польского романа и европейская литература. Средневековье. Возрождение. Барокко”.

В круге интересов Александра Владимировича Липатова – история польской литературы, вопросы общих закономерностей развития славянских литератур, проблемы исторической поэтики и компаративистики.

Он автор около 500 научных работ, в том числе книг “Возникновение польского просветительского романа. Проблемы национального и общеевропейского” (М., 1974), “Формирование польского романа. Средневековье. Возрождение. Барокко” (М., 1977), “Литература в кругу шляхетской демократии (Позднее Барокко. Просвещение. Предромантизм)” (М., 1993), “Славянство, Польша, Россия. Исследования по литературе и культуре” (Варшава, 2000, на польск. яз.), “Россия и Польша: конфронтация и гравитация” (Торунь, 2003, на польск. яз.).

Александр Владимирович участвовал в создании многих коллективных трудов, среди которых “История польской литературы”, “История всемирной литературы”, “Энциклопедия Возрождения”, “Исторический лексикон” и др. Он – член редакционного совета “Истории литератур южных и западных славян” (в 3-х томах, 1997, 2001), ответственный редактор и один из основных авторов первого тома этого труда. Под его руководством подготовлен и только что вышедший коллективный труд “Россия в глазах славянского мира” (М., 2007).

Александра Владимировича постоянно приглашают к сотрудничеству ученые Польши, Швейцарии, скандинавских стран. Он – активный участник многих научных форумов. Его статьи часто появляются в отечественной и зарубежной периодике. На протяжении многих лет Александр Владимирович читает лекции в РГГУ, Варшавском, Краковском, Гданьском, Люблинском, Торуньском университетах. С интересом воспринимались его доклады на заседаниях Президиума Польской Академии наук, на общих собраниях Польской Академии наук и искусств, действительным членом которой он является. В 1998 г. он был избран членом Президиума Международного сообщества полонистических исследований. Александр Владимирович Липатов награжден медалью П. Й. Шафарика (Словакия), орденом “Офицерский Крест Заслуги Польской Республики”.

Сердечно поздравляем Александра Владимировича с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, благополучия и дальнейших научных достижений.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Shymov Ya.V.</i> (Prague). Last Austrian Emperor	3
<i>Tupolev B.M.</i> (Moscow). Kurt Ritzler About "Mittel-Europa" at the Beginning of the I World War	23
<i>Morozov S.V.</i> (St.-Petersburg). Polish-Czechoslovak Relationships and the 3–4 July, 1933 Convention on the Definition of an Aggressor	29
<i>Meltukhov M.I.</i> (Moscow). 1 An Episode from the History of Mutual Moving of German and Soviet Army During the 1939 Polish Campaign	37
<i>Pylko N.S.</i> (Moscow). Nazi German Policy Towards German Minority in Slovenia in the End of 1930-ies – Early 1940-ies	47

COMMUNICATIONS

<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). The XX-th Soviet Union Communist Party' Congress and Eastern Europe. Reflections After the Conference	58
<i>Gachev G.D.</i> (Moscow). Archives is: What Created a Creator? (To Publishing Documents and Materials About the Life of Vasyl Drumev)	74
<i>Bylkova Ya.</i> (Hradec Kralove). Tautological Idioms in Czech Language	82

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Arsh G.L.</i> C. Papoulidis. <i>Analecta Balcano-Russica</i>	90
<i>Kosyk V.I.</i> Армия, обществен ред и вътрешна сигурност. Българският опит 1878–1912 ..	93
<i>Bukharin N.I.</i> Polski Październik 1956 w Polityce Światowej	98
<i>Gerchikova I.A.</i> Matija Murko v myšlenkovem kontextu evropske slavistiky	101
<i>Kuznetsova I.V.</i> A. Ivčenko, S. Wölke. Hornjoserbski frazeologiski słownik. Obersorbisches phraseologisches Wörterbuch	103
<i>Ivanova E.Yu., Shanova Z.K.</i> C. Влахов. Нов руско-български речник	111

SCHOLARLY LIFE

<i>Fofanova E.A.</i> International Conference "Budapest 1956, Before and After. History and Remembering of the First Communistic Crisis"	116
<i>Zadorozhnyuk I.E.</i> Poznan University Conference "Media, Church, Capital: Between Democracy and Autorytarism"	120
<i>Korovitsyna N.V.</i> The Session of Russian and Czech Historians and Archivists Commission	122

ANNIVERSARIES

Towards the Anniversaries of Aleksandr Vladimirovich Lipatov	126
--	-----

Сдано в набор 04.10.2007 Подписано в печать 23.11.2007 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 4,8 тыс. Уч.изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 450 экз. Зак. 815

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК «Наука/Интерпериодика»

Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

